

НОВАЯ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МЕКСИКИ

**Институт
Латинской
Америки
Российской
академии наук**

**Посольство
Мексиканских
Соединенных Штатов
В Российской
Федерации**

НОВАЯ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МЕКСИКИ

Москва

2008

**Instituto
de Latinoamérica
de la Academia
de Ciencias de Rusia**

**Embajada
de Estados Unidos
Mexicanos
en la Federación de Rusia**

NUEVA HISTORIA MÍNIMA DE MÉXICO

Москва

2008

**NUEVA
HISTORIA MÍNIMA
DE MÉXICO**

Pablo Escalante Gonzalbo

Bernardo García Martínez

Luis Jáuregui

Josefina Zoraida Vázquez

Elisa Speckman Guerra

Javier Garciadiego

Luis Aboites Aguilar

EL COLEGIO DE MÉXICO

Авторский коллектив: Пабло Эскаланте Гонсальбо, Бернардо Гарсия Мартинес, Луис Хауреги, Хосефина Зорайда Васкес, Элиса Спекман Герра, Хавьер Гарсиядиго, Луис Абойтес Агилар.

Ответственный редактор русского издания: А.Н. Боровков

Перевод на русский язык: А.Н. Боровков, И.М. Вершинина, О.И. Дьяконов, А.Л. Чернышев.

Nueva Historia Mínima de México— México, El Colegio de México, cuarta reimpresión, abril, 2007.

ISBN 968-12-1139-1

La presente obra fue realizada con apoyo de: Programa de Apoyo a la Traducción de Obras Mexicanas a Lenguas Extranjeras (ProTrad), Fondo Nacional para la Cultura y las Artes (FONCA), Secretaría de Relaciones Exteriores de México, Comunidad mexicana en Moscú: Joaquín Boker, Raquel Bussy, Gabriela Hernandez, Obren Lekic, Michael Tuch.

Новая краткая история Мексики (перевод с испанского). — М.: ИЛА РАН, 2008. — 294 с.

ISBN 5-201-05440-4

Книга подготовлена при финансовом содействии Программы поддержки переводов мексиканских книг на иностранные языки (ПроТрад), Национального фонда культуры и искусства (ФОНКА), Министерства иностранных дел Мексики, Мексиканского землячества в Москве (Хоакин Бокер, Ракель Бусси, Габриэла Эрнандес, Обрен Лекич, Майкл Тач).

ISBN 5-201-05440-4

© El Colegio de México, A.C., 2007, 2004

© ИЛА РАН, 2008

© Посольство Мексики в РФ, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ, 7

ДРЕВНЯЯ МЕКСИКА, 9

Пабло Эскаланте Гонсальбо

Охотники-собиратели, 10. На заре цивилизации, 13. Истоки регионального многообразия, 17. Эра империи, 22. Кризис и перемены, 29. Воины Кецалькоатля, 35. Боги воды, 41. Накануне конкисты, 48. Эпилог, 50.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭПОХА ДО 1760, 52

Бернардо Гарсия Мартинес

Период основания, 1519-1610: Вторжение конкистадоров, 53; Консолидация конкисты, 61; Завершение процесса основания Новой Испании, 69. Период зрелости и автономии, 1610-1760: Встреча с внешним миром, 76; Расцвет и его пределы, 85; Обзор последнего периода, 93. Заключение, 101.

РЕФОРМЫ БУРБОНОВ, 103

Луис Хауреги

Общий взгляд, 104. Первые реформы династии Бурбонов, 107. Генеральная инспекция судов и королевских казначейств Новой Испании, 109. Власть вице-короля и Регламент об интендантах, 113. Смена курса. Девяностые годы, 117. Консолидация королевских векселей и экономика Новой Испании, 120. Чувство национализма в Новой Испании, 124.

ОТ ЗАВОЕВАНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ДО СТАНОВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ, 127

Хосефина Зорайда Васкес

Революция и независимость, 129. Основание мексиканского государства, 139. Внешние угрозы, централизм и диктатура, 149. Либеральная реформа, французская интервенция и окончательная победа республики, 161. Медленное становление республиканского характера общественной жизни, 177.

ПОРФИРИАТ, 185

Элиса Спекман Герра

Политика Порфирио Диаса: первый этап, 186; Второй этап, 192;
Последние годы, 198. Государственные финансы и
экономическое развитие, 200. Городское и сельское общества,
205. Культура, 211.

РЕВОЛЮЦИЯ, 217

Хавьер Гарсиядиего

Критики, оппозиционеры и предвестники, 217. От оппозиции к
вооруженной борьбе, 220. Анахроничный либерализм, 223.
Конституциональная борьба, 228. Конституционализм против
конвенционализма, 233. Сила и пределы правительства
Каррансы, 239. Новое государство, 244.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД, 1929-2000, 252

Луис Абойтес Агилар

Мировой кризис и политическая реорганизация, 253.
Стабильность и экономический рост, 1940-1958, 260. Социальные
вызовы и реакция государства, 1958-1982, 270. Гражданская
мобилизация и политические перемены, 1982-2000, 281.

АВТОРЫ, 292

ВСТУПЛЕНИЕ

В 1973 г. Эль Колехио де Мехико опубликовал первую версию *Краткой истории Мексики* с целью предоставить минимальный объем базовых знаний по истории, необходимый для каждого мексиканца. В написании этой работы приняли участие пять авторов (Даниэль Косио Вильегас - руководитель проекта; Игнасио Берналь, Алехандра Морено Тоскано, Луис Гонсалес и Эдуардо Бланкель), изложив версию прошлого страны, считавшуюся на тот момент наиболее обобщенной и точной. Последующие издания включили в себя дополнительное научное исследование (Лоренсо Мейера), посвященное следующим периодам, но вся работа в целом до начала нового века оставалась без изменений. За три прошедших десятилетия *Краткая история* достигла тиража более чем в четверть миллиона экземпляров и была переведена на четырнадцать языков, включая издание на языке Брайля.

Исторические знания с каждым днем обновляются и обогащаются благодаря новым исследованиям и анализу. За последние тридцать лет были выявлены неизвестные ранее аспекты мексиканской истории и прояснены некоторые моменты, вызывавшие сомнения. Были исправлены ошибки и найдены новые формы понимания и объяснения явлений и событий прошлого. Все это нашло отражение в изданиях по исторической тематике и, разумеется, должно присутствовать в книгах для широкого круга читателей, как эта. Можно сказать также, что увеличился минимальный объем знаний по истории, необходимых каждому мексиканцу, ибо выросли общий уровень его культуры и образования, а также степень его социальной и политической ответственности.

Эль Колехио де Мехико посчитал, что пришло время подготовить *Новую краткую историю Мексики* – книгу, которую читатель держит в руках. При том, что в ней соблюдены принципы лаконичности и простоты, которыми руководствовались авторы предыдущих *Кратких историй*, она является совершенно новым и оригинальным произведением: по своей периодизации, постановке проблем, толкованию, по более широкому охвату и, особенно, по своему современному и лучше обоснованному видению

— насколько это позволяют самые исчерпывающие знания, которыми мы располагаем в первые годы XXI в. Авторы сделали все возможное, чтобы книга стала увлекательной и поучительной, как и предыдущие издания, приятной для чтения и понятной каждому читателю.

По замыслу Эль Колехио де Мехико, будущие версии этой книги будут включать в себя важные результаты новых открытий и исследований. *Новая краткая история Мексики* — это текст, отражающий в динамичной манере знания о прошлом Мексики, которые с каждым днем становятся точнее и глубже.

ДРЕВНЯЯ МЕКСИКА

Пабло Эскаланте Гонсальбо

МЕКСИКА МНОГОЛИКА. Не только из-за характерных для нее глубоких социальных различий, но и из-за этнических, культурных и природных особенностей, которые существенно варьируются в разных регионах нашей страны. Самое древнее и одно из самых определяющих для истории различий заключается в том, что наряду с земледельческой цивилизацией, занимавшей южную половину территории, существовали и народы неустойчивого земледелия, а также охотники-собиратели, которые жили на засушливом севере. Признавая великий Теночтитлан местом зарождения нашей национальности, наши родственные корни от Моктесумы Ильуикамина и Несауалькойотля, мы не должны забывать, что другие наши предки жили в горах Чиуауа в окружении волков и медведей или обнаженные передвигались по засушливым землям Нижней Калифорнии, почти всегда придерживаясь береговой линии.

Демографическая и политическая особенность южных народов – науа, сапотеков или майя – позволила им выжить и адаптироваться к новым условиям, сложившимся в результате испанской конкисты. Этим народам так или иначе удалось вплести в мозаику национальной истории свои обычаи, образы и памятные события. А вот образ мышления и традиции охотников Коауилы или народов Халиско и Сакатекаса, отказавшихся признавать испанское господство исчезли вместе с истреблением этих народов. Другие народы, например тараумара и сери, выжили на периферии и на грани исторического развития.

Ограниченные рамки данного раздела заставляют нас выделить основные моменты исторического развития столицы ольмек Сан-Лоренсо, городов Теотиуакан и Тула, оказавших влияние на цивилизацию всей Месоамерики, о чем мы располагаем достаточной информацией. В то же время фрагментарный и эпизодический характер имеющихся данных о народах севера не позволяет нам включить их в это повествование.

Если провести на карте линию с запада на восток, проходящую через такие археологические места, как Уатабампо в штате

Сонора, Эль-Сапе в Дуранго, Чальчиуитес в Сакатекасе, Вилья-де-Рейес в Сан-Луис-Потоси и Сан-Антонио-Ногалар в Тамаулипас, то мы получим северную границу Месоамерики, образовавшуюся к тому времени, когда она достигла наибольшего влияния, т.е. к 900 г. н. э. Образование этой границы, так же как и формирование самой месоамериканской цивилизации, стало результатом долгого исторического процесса, связанного с формированием определенного уклада жизни людей, их общественной и хозяйственной жизни. В этот период началось выращивание кукурузы (маиса) и других сельскохозяйственных культур, происходило постепенное развитие агротехники, развитие торговых путей, распространявшихся на сотни километров, возводились сложные церемониальные сооружения, такие как храм на вершине пирамиды и арена для игры в мяч. В этот же период началось и классовое расслоение общества.

Охотники-собиратели

Заселение Америки началось примерно 40 000 лет до н. э. *Homo erectus* научился разжигать огонь за полмиллиона лет до этого, но *Homo sapiens* едва появился и еще не до конца исчез подвид неандертальцев. Таким образом, это важно отметить, история человека, каким мы его знаем сегодня, началась в Америке и в остальном мире практически одновременно.

Переход в Америку был возможен благодаря снижению уровня моря, характерному для геологической эры, известной как плейстоцен, или ледниковый период. Последнее оледенение, произошедшее в этой эре – висконсинское (100 000 - 8 000 лет до н.э.), продолжалось многие тысячи лет, в течение которых северо-восток Азии и северо-запад Америки представляли собой сплошную территорию, по которой и перемещался едва появившийся *Homo sapiens*.

Самые первые сведения о появлении человека на территории современной Мексики относятся к 35 000 г. до н.э. С этого момента и до 5 000 г. до н.э., когда стали выращивать кукурузу и фасоль, мы встречаем сведения лишь об охотниках-собирателях и

рыболовах. Они перемещались с места на место и могли распаться на многочисленные группы. В голодные месяцы каждая семья располагалась обособленно, строила шалаши или устраивалась в пещере и довольствовалась тем, что могла найти поблизости. В более благоприятное время, обычно связанное с летом, семьи объединялись в прямом смысле в стаи людей для занятий охотой и сбором плодов. Наконец, некоторые из них могли объединяться и образовывать макрогруппы для обмена женщинами, организации крупной охоты и защиты территории. Одна группа могла состоять из нескольких десятков человек, а макрогруппа — из нескольких сотен.

Этот этап мексиканской истории, предшествующий развитию земледелия, называют Каменным веком, и большая его часть приходится на холодный ледниковый период, когда в Америке еще существовали дикие лошади, антилопы, мамонты и другие виды, которые впоследствии вымерли в результате климатических изменений, вызванных Голоценом.

Одна из первых реальных историй, которую мы можем восстановить из мексиканского прошлого, произошла около 7000 г. до н. э., незадолго до исчезновения американской мегафауны.

Группы охотников-собирателей, которые жили в долине Мехико, обычно загоняли мамонтов в топкие берега озера Тескоко. Когда эти гигантские животные начинали вязнуть в грязи, охотники нападали на них и наносили раны копьями, пока те не падали замертво. Однажды девять тысяч лет назад женщина в возрасте двадцати пяти лет и ростом полтора метра, участвуя в охоте, случайно ударилась и упала; она умерла и оказалась погребенной в болоте лицом вниз. В книгах эта женщина известна как «человек из Тепекспана».

Период около 7000 г. до н.э. особенно важен. Серьезные климатические изменения, которые произошли на Земле и привели к исчезновению некоторых видов, также способствовали диверсификации хозяйственной деятельности. Технология стрелкового оружия разрабатывалась для охоты на животных среднего и малого размера, таких как пума, пекари, олень, кролик, барсук. Кроме того, существуют достаточные археологические подтвер-

ждения тому, что между 7000 и 5000 гг. до н. э. упомянутые группы людей стали больше заниматься сбором плодов: они, по всей видимости, выпалывали сорную траву, чтобы освободить участок для полезных растений, систематически собирали фрукты и семена, вероятно, даже поливали некоторые растения. В результате такого вмешательства в природные циклы культивировались перец, авокадо и тыква (вид *Cucurbita mixta*): впоследствии ни одно из этих растений уже не могло размножаться самостоятельно. В то время появились жернова для размельчения зерен, похожие на ручные мельницы.

Но выращивать некоторые растения еще не означает стать земледельческим народом. Одно от другого разделяется веками экспериментов и адаптации – тем, что мы называем протонеолитом (5000–2500 г. до н.э.). В этот период в результате многовековых усилий из колосьев дикого растения *Zea mexicana* (теосинте) появилась домашняя кукуруза, которая сначала давала маленькие початки и, наконец, початки длиной примерно в двадцать сантиметров, характерные для полностью культурного современного растения *Zea mays*. В этот период были выведены также акация, особый вид фасоли, белый сапоте и черный сапоте.

К концу протонеолита собиратели превратились в земледельцев, они уже не могли удалиться от своих посевов – так появились постоянные поселения. В этих примитивных деревнях формировались характерные для Мesoамерики черты; появились ручная мельница и пест, была выращена большая тыква (*Cucurbita pepo*), из семян которой ежедневно приготавливается пипиан у всех месоамериканских народов; была приручена собака и, кроме того, есть признаки, что начали практиковаться человеческие жертвоприношения и культ мертвых. Семьи, которые жили в этих деревнях, образовывали более связанные и прочные социальные единицы, чем их предшественники-собиратели. Это были сообщества без разделения на социальные классы, а их члены не признавали иных различий, кроме принадлежности к той или иной семье: формально такие сообщества определяются как племена.

На заре цивилизации

Вообще принято считать, что история Месоамерики начинается около 2500 г. до н.э., когда появилась керамика, а образ жизни стал преимущественно оседлым. С этой даты начинается свой отсчет первый месоамериканский период, доклассический, и в частности его первый этап – ранний доклассический (2500–1200 гг. до н.э.). Этот период известен также как доклассический деревенский, так как 90% поселений во всех регионах были деревнями, которые насчитывали в среднем от десяти до двенадцати домов с общим населением от пятидесяти до шестидесяти человек. Дома раннего доклассического периода состояли из нескольких помещений, расположенных вокруг одного двора; эта модель сохранилась до периода испанской конкисты и даже позже. Двор представлял собой территорию для повседневной работы, помещения же использовались как спальни и хранилища, а, по крайней мере, в одном из них могли располагаться кухня и алтарь.

В этот период возникали и деревни, в которых насчитывалось более двухсот домов с населением более тысячи человек. Есть доказательства того, что поселения такого типа вели торговлю на большие расстояния, а также проводили общественные ритуалы. Сан-Хосе-Моготе в долине Оахаки – одна из таких деревень, выделяющихся в своем регионе: среди найденных в этом месте археологических предметов были обнаружены изделия из керамики, морские раковины, зубы акул, барабаны из панциря черепахи и трубы из морских раковин, привезенные с берега Мексиканского залива. В те же годы в центре поселения была построена небольшая церковь с алтарем, отделанная штукатуркой.

В этих поселениях возникли первые органы власти: некоторые из членов иерархичных обществ занимали более высокое положение, например, вожди и их дети, а, возможно, и некоторые воины, которые для демонстрации своего статуса использовали специальные предметы и роскошные одежды. В руках правителей была сосредоточена религиозная и военная власть; они осуществляли контроль над излишками продуктов в общине и управляли зарождавшейся торговлей. Эти органы власти, судя по

всему, в значительной степени способствовали развитию, характеризующему средний доклассический период, но в большинстве месоамериканских регионов они были недолгими, так как очень скоро различия в чинах привели к классовому расслоению; произошло разделение сфер управления, которые захватила знать.

Около 1200 г. до н.э. в Месоамерике начали выполняться различные ирригационные работы, строиться каналы, террасы и, возможно, сады. Прямым следствием этого, по-видимому, стало увеличение сельскохозяйственного производства и рост населения. С этого момента и примерно до 500 г. до н.э. занимает период, известный как средний доклассический, для которого характерно появление рабочих специальностей с полной занятостью и социальное расслоение, строительство церемониальных центров, вокруг которых образовывались города, и создание символических образов, которые мы обычно считаем ольмекскими. Именно на этом этапе в различных регионах Месоамерики появились первые государства.

Обмен предметами роскоши и культа, который происходил между крупнейшими поселениями различных районов Месоамерики, вероятно, способствовал достижению определенных соглашений между правящими группами в отношении религиозных и политических концепций; он также способствовал выработке общих художественных и языковых ценностей. Сегодня мы знаем, что черты ольмекского типа появляются более или менее одновременно в бассейне реки Бальсас, в долине Мехико, на берегах Мексиканского залива и в других районах; и этот факт противоречит прежним утверждениям о том, что ольмекские черты распространялись по Месоамерике от Мексиканского залива в результате процесса военной или торговой экспансии, предпринятой из Сан-Лоренсо или Ла-Венты.

Отличительными чертами, которые мы обычно отождествляем с ольмеками, являются использование больших каменных «столов» или каменной кладки (которые в некоторых случаях использовались как троны, а иногда – как алтари); предпочтение нефрита и других зеленых камней для изготовления подношений; частое изображение ягуара, разными способами ассоциирующе-

гося с человеческой фигурой: ягуары, танцующие или борющиеся с людьми, шкуры ягуара, служащие в качестве накидки, антропоморфные ягуары. Человеческие лица ольмекского типа характеризуются широко раскрытыми и смотрящими вниз глазами, сильно выступающими губами, которые иногда изображаются открытыми и демонстрируют свирепые клыки; в верхней центральной части головы может быть рассечение, из которого иногда выступает кукурузный початок. Среди элементов, которые мы обычно считаем символами ольмеков, присутствует также «огнедышащая бровь», две перекрещенные крест-накрест полосы и капля дождя с точкой и линией.

Самое большое количество городских церемониальных центров, наиболее крупных и сложных, с максимальной концентрацией скульптур и построек большого размера находится в пойме Мексиканского залива. В Сан-Лоренсо примерно в 1200 г. до н.э. была построена огромная земляная платформа, которая служила для защиты большого комплекса церемониальных площадок и жилищ элиты от разлива реки. Троны, стелы, гигантские головы и другие скульптуры располагались в разных точках этой искусственной площадки. Самыми крупными из них были троны, которые раньше назывались «алтарями»; на них восседали носители верховной власти во время некоторых церемоний и, вероятно, во время решения правительственных вопросов. Образы, высеченные на этих гигантских тронах, говорили о принадлежности правителя к особому роду и указывали на его связи со сверхъестественными силами, особенно с внутренней частью горы, зоной исключительного плодородия. На некоторых изображениях правитель отождествлялся с космической осью и богом майса. Гигантские головы обычно выполнялись из старых тронов; вероятнее всего, трон, использованный при жизни верховным правителем, превращался в сырье для его собственного огромного портрета. Расположенные прямо на земле головы правителей, казалось, высывались из нее: как деревья, как початки майса.

В течение трехсот лет поселение Сан-Лоренсо было политическим центром района, пока в 900 г. до н.э. оно не было неожиданно оставлено после разрушения и захоронения нескольких

скульптур. Между 900 и 500 гг. до н.э. поблизости выросло несколько других поселений, но ни одно из них не достигло величия Ла-Венты, которую можно считать настоящей заменой Сан-Лоренсо. В Ла-Венте появилась первая большая «пирамида» в Месоамерике – гигантский волнообразный конус из утрамбованной земли, окруженный площадями и небольшими платформами.

От Ла-Венты залежи базальта в Лос-Тустлас находились еще дальше, чем от Сан-Лоренсо; однако ее жители, как и их предшественники, постоянно отправлялись на поиски сырья, которое они перевозили на плотах по рекам и прибрежным водам; если же поблизости рек не было, то перевозили по земле, используя для этого бревна. С помощью этих камней они продолжили великолепную скульптурную традицию Сан-Лоренсо и обогатили ее такими новыми творениями, как могила с базальтовыми колоннами. Кроме того, в период расцвета Ла-Венты получило развитие изготовление небольших скульптур из полудрагоценных камней, в основном нефрита; об этом свидетельствуют находки и в данном месте, и в его окрестностях, таких как Серро-де-лас-Месас и Рио-Пескero.

Можно было бы предположить, что процветающие, частично урбанизированные поселения Мексиканского залива, населенные скульпторами, священниками, воинами и правителями, являлись исходной точкой метрополии, откуда распространялась культура ольмеков на Месоамерику. Но, как уже было сказано, имеющиеся данные не подтверждают гипотезу об экспансии со стороны Мексиканского залива, скорее черты ольмекской культуры были одновременно приняты представителями зарождающейся месоамериканской знати, которая имела между собой тесные связи, основанные на взаимной торговле.

Жителей бассейна Мексиканского залива в средний доклассический период мы называем ольмеками. Однако это произвольное название, которое мы дали народам языковой группы михе-соке. И совокупность форм и изображений, характерных для этого района, не является собственно этническим проявлением, чем-то присущим именно «ольмекам», но скорее частью надрегионального явления.

Среди поселений ольмекского типа за пределами Мексиканского залива по своей широте и богатству церемониальных мест выделяются Теопантекуанитлан в Герреро, Чалькацинго в Морелосе. Каждое из этих мест имеет свои особенности: например, стелы в форме «Т» в первом и своеобразные изображения дождя и пещеры во втором. Но в обоих случаях четко прослеживается набор ольмекских предметов материальной культуры, изображений и общие языковые корни. То же самое мы наблюдаем в Тлапакоя и в Тлатилько (в долине Мехико) и в других районах Месоамерики.

Истоки регионального многообразия

Если характерной чертой среднего доклассического периода было единообразие, то в позднем доклассическом периоде (500 г. до н.э.–200 г. н.э.) доминирует региональное многообразие. К 500 г. до н.э. ольмекские черты в Месоамерике исчезают, а на смену им приходят некоторые региональные культуры, которые возникают в эти годы с заметной быстротой: новые архитектурные стили, стремящиеся к монументальности, изменения в скульптуре, в ритуальной керамике и в изобразительном плане. Причины этих изменений в истории месоамериканской цивилизации неочевидны; можно быть уверенными только в том, что регионы достигли демографической концентрации и экономического развития, которых не было ранее. Эта зрелость регионов способствовала существенной концентрации населения и позволила консолидироваться знати, которая присвоила себе властные функции. Эти функции приняли собственно политический характер и перестали опираться на принципы представительства и лидерства родовых общин – теперь в их основе лежала эффективность действий власти для победы в войне, организации рынка и урбанизации пространства.

Появление Монте-Альбана – это одно из событий, которые ознаменовали начало позднего доклассического периода. Крупные поселения трех горных отрогов долины Оахаки, которые непрерывно росли, закончили свое развитие к 500 г. до н.э. и вли-

лись в процесс образования одного города. Монте-Альбан был каменистой и безводной горой, но с выгодным расположением в центре долины; с ее вершины были видны три горных отрога и окружающие горные цепи. Тот факт, что Монте-Альбан с самого начала организовывался как система больших кварталов или округов, подтверждает гипотезу, что его образование стало результатом широкого союза, заключенного между несколькими поселениями долины.

Каменистая возвышенность была приспособлена для нужд растущего поселения, которое до завершения позднего доклассического периода насчитывало более пятнадцати тысяч жителей. Первым общественным строением нового города стало сооружение, которое сегодня известно как Стена Танцоров. Это имя оно получило благодаря настенным изображениям скульптурных фигур, которые кажутся движущимися или извивающимися. Обнаженные и с выпущенными наружу внутренними органами, эти персонажи могли изображать военнопленных, а вся панорама, безусловно, говорит о большом числе захваченных групп.

Этот всеобщий восторг от военной победы уже наблюдался в Сан-Хосе-Моготе в эпоху образования Монте-Альбана. В поселении Дайнсу, небольшом центре, находившемся в подчинении Монте-Альбана, расположенном на горном отроге Тлаколула, также были выполнены рельефы принесенных в жертву людей: в этом случае у них были отрублены головы, а изображение было связано с игрой в мяч (пелоту). Около 200 г. до н.э. в Монте-Альбане было построено здание в форме наконечника стрелы, которое так же, как и в предыдущем случае, было покрыто плитами с изображениями военных побед. Однако на этих плитах вместо изуродованного пленного используется топонимический глиф каждого народа, ассоциирующийся с головой, расположенной лицом вниз.

Предыдущие свидетельства и многие другие, относящиеся уже к классическому периоду, указывают на то, что политическая консолидация Монте-Альбана, его городской рост и региональная гегемония базировались на активных военных действиях. Их

результатом, среди прочего, являлись крупные налоговые поступления, которые обеспечивали богатство и процветание города.

Погребальные ритуалы, которые мы признаем как одну из отличительных черт сапотеков классического периода, наблюдались уже в первом столетии существования Монте-Альбана: могилы с большими каменными плитами, расположенными в ряд, богато украшенные фресками, а также керамические вазы в виде образов, известные как урны, которые обычно располагались вокруг умерших.

В долине Мехико происходили такие же процессы урбанизации и концентрации населения, как и в Оахаке; и даже еще более значительные, если учесть, что на берегах мексиканского озера располагались два города, возникшие в поздний доклассический период. Речь идет о захватывающем периоде нашей истории, который тем не менее мало изучен. Мы можем быть уверены только в том, что Куикуилько знаменит не только пирамидой с круглым основанием: в нем находился огромный некрополь, где сегодня располагается современный жилой квартал, а также многочисленные курганы, которые еще можно увидеть с проспектов, проходящих по этому участку. Судя по размерам этого религиозного центра, можно предположить, что сам город был огромным. Но слой лавы, который в некоторых местах достигает 15 м в высоту, затрудняет исследования и никогда не позволит нам получить точную информацию о том поселении.

Как на юге долины центром привлечения сельского населения был Куикуилько, так на севере и востоке таким центром был Теотиуакан. По некоторым подсчетам, между 200 и 100 гг. до н.э. население Теотиуакана насчитывало около сорока тысяч человек. Тем не менее между двумя этими поселениями существует большая разница: в Куикуилько располагался комплекс религиозных памятников, которого на тот момент не было ни в одном поселении Месоамерики. И хотя в Теотиуакане существовала обсидиановая промышленность, в которой было занято немало людей, но в нем еще не было церемониальных комплексов, сравнимых с комплексами Куикуилько; он был скорее скоплением деревень, чем городом.

Население Куикуилько стало сокращаться после извержения вулкана Шитле в 50 г. до н.э., но город не был полностью заброшен – это произошло лишь через сто лет, когда новые извержения полностью покрыли город лавой. Две из характерных черт культуры Куикуилько исчезли из долины после исчезновения города: церемониальная платформа с круглым основанием и могилы с цилиндрическим ходом для доступа в камеру. Любопытно, что обе они появляются на западе Мексики (штаты Халиско, Мичоакан, Наярит, Колима) около 200 г. до н.э. и будут характерными для этого региона в течение следующей тысячи лет. Информации о связях между двумя культурами нет, но отрицать их также нельзя.

В других регионах Месоамерики сооружения и события позднего доклассического периода имеют определенную связь с древним ольмекским феноменом. В культуре Мескалы мы видим преемственность черт, характерных для ольмекского этапа, – маленькая насечка из камня на антропоморфных фигурах. Абстрактный стиль фигур Мескалы, похоже, происходит от менее натуралистического течения ольмекского искусства. Но помимо этих свидетельств есть очевидные признаки ольмекского влияния, которое распространяется от Мексиканского залива на территорию майя.

Между 500 и 400 гг. до н.э. Ла-Вента была поспешно покинута, однако некоторые небольшие поселения района, как Трес-Сапотес и Серра-де-лас-Месас, оставались заселенными. Они продолжали традицию высекать стелы и алтари в больших кусках камня; в них сохранялись также некоторые черты иконографического искусства ольмеков. Особенно интересно большое сходство между скульптурами этих послеольмекских поселений и теми, что изготавливались южнее, в верховьях Грихальвы и на побережьях Чьяпаса и Гватемалы. Такие сходства позволяют идентифицировать культурное явление, известное как комплекс Исапа; самой северной точкой этого комплекса, похоже, является Ла-Мохарра в Веракрусе, а самыми южными – Исапа в Мехико и Абах-Такалик и Эль-Бауль в Гватемале. Ключевым звеном являются Чьяпа-де-Корсо и Ла-Либертад, расположенные в верхнем

течении реки Грихальва. Эта большая извилистая река, спускающаяся в бассейн залива и пересекающая перешеек Теуантепек, проходит по местам обитания языковой семьи михе-соке в поздний доклассический период. Связь от берега до берега по этому маршруту не была новой и существовала в течение многих веков; а произошло, скорее всего, то, что потомки ольмеков из района залива укрепили связи со своим собственным этническим родом после того, как исчезли торговые и политические отношения эпохи ольмеков.

В эпоху кризиса и переустройства в местах комплекса Исапа возникло одно из самых важных изобретений в истории Месоамерики: длинный счет, система календарного подсчета, которая позволяла с абсолютной точностью датировать любое событие, начиная с фиксированного момента, соответствующего нашей дате рождения Христа. Точкой отсчета для месоамериканской системы длинного счета стало 13 августа 3 114 г. до н.э., но у нас нет информации о том, что эта дата соответствует какому-либо конкретному событию. Самые древние из известных нам календарных записей происходят из района михе-соке: Чьяпа-де-Корсо, 36 г. до н.э.; Трес-Сапотес, 31 г. до н.э.; Эль-Бауль, 36 г. н.э.; Абах-Такалик, 126 г. н.э.; Ла-Мохарра, 143 и 156 гг. н.э.; и Сан-Андрес-Тукстла, 162 г. н.э. Эти данные свидетельствуют о том, что система, которая приписывается майя, на самом деле была изобретена михе-соке в период кризиса и регионального переустройства. Нельзя также утверждать, что сооружение, сочетающее в себе алтарь и стелу, было изобретено майя. Оно использовалось уже в эпоху ольмеков в Герреро, в Морелосе, в районе залива, и пришло в район майя именно через этот культурный коридор комплекса Исапа.

В средний доклассический период уже было несколько земледельческих поселений майя в сельве, таких как Сейбаль и Альтарь-де-Сакрифисиос, в притоке р. Усумасинта под названием Пасьон, а также Тикаль, Уахактун, Накбе и Эль-Мирадор в гватемальском Петене, недалеко от границы с Кампече. Некоторые из этих деревень стали колыбелью мощных правительств, и в поздний доклассический период в них строились компактные и

возвышенные церемониальные участки, которые представляли собой группу из нескольких холмов, каждый из которых в свою очередь был коронован двумя или тремя пирамидальными платформами. Архитектура и декор этих ансамблей очень похожи на те, что были в классический период, но некоторые компоненты пока отсутствуют: портреты правителей и эпитафические тексты с указанием дат.

Группы Петена продвигались на юг и до реки Грихальва, но точно неизвестно каким образом – военным или мирным. В результате этой экспансии они переняли традиции Исапа. Каминальгую и другие поселения гватемальского плоскогорья могли быть удобными территориями для ассимиляции михе-соке и майя. В 292 г. н.э. длинный счет появляется в записях и в архитектуре майя в сельве, в растущем городе Тикаль, который станет одним из самых преуспевающих в регионе.

Эра империи

Между 100 г. до н.э. и 200 г. н.э. – в период, который некоторые авторы отделяют от доклассического и называют протоклассическим, в долине Мехико произошел ряд важных событий. Тогда был заброшен Куикуилько, а Теотиуакан стал бесспорным политическим и религиозным центром региона.

В течение первых двухсот лет нашей эры были построены пирамиды Солнца и Луны, а также храм Кецалькоатля, была сооружена так называемая Дорога мертвых и началась история Теотиуакана как города. Если мы и можем уверенно назвать какое-нибудь из доиспанских поселений городом, то это Теотиуакан. Постройки и мостовые занимали большую часть его пространства, не оставляя на территории площадью около двадцати квадратных километров места для садов и огородов.

Во время классического периода (200–650 гг. н.э.) большая часть населения Теотиуакана занимала жилые многосемейные комплексы, построенные из каменной кладки, и лишь немногие жили в глинобитных хижинах, что говорит об общем процветании города. Жилые комплексы строились на больших склонах, в

стенах строений не было окон; вход осуществлялся через несколько порталов. Большинство этих комплексов имели квадратную форму (примерно 60 на 60 метров), хотя были и прямоугольные, а также в форме «L». Все их стороны были параллельны, но углы совпадали не всегда, т.е. речь не идет о точном квадрате. Каждый комплекс соответствовал одному кварталу; улицы Теотиуакана представляли собой длинные затененные коридоры, проходящие между склонами и высокими стенами, и с них было невозможно увидеть то, что происходит в жилищах.

Несколько внутренних дворов каждого жилого комплекса были соединены с комнатами и обеспечивали освещение. Центральный двор и некоторые большие комнаты позволяли собираться всем жителям для религиозной и административной деятельности. В среднем, вероятно, в каждом комплексе проживало около двадцати семей; все они занимались одним делом и к тому же были родственниками. Генетический анализ скелетов говорит о том, что мужчины каждого комплекса имели между собой более тесные связи, чем женщины, что говорит о патрилокальной модели проживания: женщины уходили жить в дома своих мужей.

Было замечено, что некоторые жилые комплексы стремились объединиться, чтобы образовать кварталы; внутренние улицы этих кварталов были более узкими, чем те, что их окружали. Кроме того, существовал еще один уровень, который объединял несколько кварталов в районы. Каждый район, вероятно, имел собственный ритуальный центр с тремя храмами, которые выходили на небольшую площадь. Данная площадь служила также местом сбора представителей семей и кварталов для решения административных вопросов.

Значительную часть населения, проживавшего в городской черте Теотиуакана, пожалуй, половину, составляли ремесленники, занимавшиеся обработкой и изготовлением изделий из обсидиана, гончарным делом, производством поделок из кости и раковин, тканей, снастей и т.п. С другой стороны, изобилие и плодородие сельскохозяйственных земель долины Теотиуакана и малочисленное сельское население в этой долине говорят о том,

что многие жители города также частично или полностью занимались земледелием.

Часто все доиспанские общества изображаются как тирании, в которых очень богатая группа подвергала производителей изнурительным работам и жесткому политическому контролю. Действительно, эти общества не были демократическими, но их внутренняя структура была сложнее, чем демонстрирует нам этот предрассудок. В Теотиуакане найдены археологические свидетельства, достаточные для понимания, по крайней мере, четырех принципов социального расслоения: 1) основу общества образовывали сословные группы, наподобие кланов, которые разделялись по городским районам; 2) эти кланы имели внутреннюю дифференциацию; были семьи более богатые, чем остальные. Жилые комплексы, где жили правители, были шире и богаче, чем другие в том же районе. Останки лиц высокого ранга внутри каждого района хоронились особым образом; 3) районы ремесленников, земледельцев и других рабочих имели городскую инфраструктуру (улицы, подход к рынку, дренаж, прочные и долговечные дома), что не позволяет нам причислять их к бедноте. Говоря другими словами, качество городского жилья для простого народа, в общем, не отличалось существенно от жилья правящих кругов; 4) на самом деле есть здания, богатое украшение на стенах которых и широкие комнаты определяют их как жилье знати. Комплексы, расположенные к востоку от пирамиды Луны и к северу от пирамиды Солнца, похоже, являются жилищем семей политических и военных правителей. Были также некоторые жилые комплексы, которые, вероятно, служили приютом для монахов, занимавшихся исключительно религиозным служением.

О верховных правителях Теотиуакана мы не знаем почти ничего, кроме того, что они, вероятно, считали Кецалькоатля своим верховным божеством и покровителем, как правители ольмекского периода поклонялись богу майса. Власть правителей в большом городе долины Мехико должна была основываться, по крайней мере, частично, на их успешном управлении общественными работами: огромные пирамиды и большой город служили доказательством эффективности правительства. Организация ремеслен-

ных работ и стимулирование товарообмена, которые гарантировали поступление сырья и вывоз продуктов в другие регионы, также были важными показателями для общин, занимавшихся торговлей.

Самоопределение всех районов, кварталов, ремесленников, знати и крестьян как членов одной и той же политической единицы, вероятно, происходило под покровительством общего бога: Тлалока, бога воды, и его супруги Чальчиутликуэ. Вероятнее всего, пирамиды, которые спустя века, мешики, случайные посетители этого места, называли пирамидами Солнца и Луны, были на самом деле пирамидами Тлалока и Чальчиутликуэ. Пирамида Солнца была большой символической «горой воды», так как жители Теотиуакана сделали для нее круговой ров и небольшой центральный канал, таким образом, чтобы можно было изобразить, что вода рождается в природной пещере в вершине пирамиды, чтобы потом течь вокруг нее. На площади пирамиды Луны была только большая, массивная, почти геометрическая скульптура — Чальчиутликуэ, богини в юбке из нефрита.

За пределами города и прилегающей земледельческой территории Теотиуакан так или иначе оказывал влияние на все области Месоамерики. Во-первых, Теотиуаканское государство играло важную роль в организации производства в долине Мехико и, конечно, в долине Толуки. Вероятнее всего, по имеющимся данным, в этом регионе было два больших этнических компонента: науа, которые составляли большую часть городского населения Теотиуакана, и отоми. Среди представителей народности отоми были группы, занимавшиеся в основном интенсивным земледелием, в бассейне р. Лермы (предшественники племен матлацинка), и другие, занимавшиеся в первую очередь эксплуатацией лесов как ресурсов, охотой на оленей и выращиванием агавы (для производства пульке, снастей, текстильного волокна), в меньшей степени земледелием (предшественники отоми и масауа). Среди стратегических ресурсов, которые Теотиуакан, вероятно, непосредственно контролировал, были залежи обсидиана в Отумбе и Пачуке, а также залежи извести в зоне Тула-Тепехи.

Следующей по значению следует рассматривать долину Морелоса, где жители Теотиуакана выращивали хлопок, какао и другие сельскохозяйственные культуры жаркого климата, а также долину Пуэбла-Тласкала, откуда поступала глиняная масса, необходимая для производства «тонкой оранжевой» керамики, одного из самых изящных ремесленных изделий древней Мексики. Теотиуакан должен был иметь постоянный товарообмен с обоими регионами, и, вероятно, собирал налоги с них, но мы не можем с точностью утверждать, что город непосредственно контролировал то, что в них производилось.

Есть третья сфера влияния Теотиуакана, которая включает в себя поселения, расположенные в сотнях километров от долины Мехико. Поиск залежей киноvari привел жителей Теотиуакана к Рио-Верде в Сан-Луис-Потоси, а интерес к различным полудрагоценным камням, как серпентин и нефрит, привел их в бассейн реки Бальсас. Нельзя утверждать, что жители Теотиуакана смогли завладеть сырьем: скорее всего, они установили с местными жителями асимметричные торговые отношения.

Присутствие жителей Теотиуакана в Мексиканском заливе также можно объяснить поисками сырья, вероятно, перьев тропических птиц, какао и залежей киноvari, а также каолина в районе Тустлас. Недалеко от озера Катемако жители Теотиуакана основали колонию в Матакапане; таким образом, они обеспечили себе не только доступ к некоторому сырью, но и контроль над важным портом, в котором сходились торговые пути с севера Веракруса, полуострова Юкатан, берегов Гватемалы – через перешеек Теуантепек – и Миштекас по маршруту Теотитлан-Тустепек. Среди самых убедительных доказательств присутствия выходцев из Теотиуакана в Матакапане – многосемейные жилые комплексы, построенные по образцу столицы.

Отношения Теотиуакана с майя и сапотеками были объектом многочисленных споров. Мы можем утверждать, что связь существовала, была достаточно тесной и длилась несколько веков. Многие предметы материальной культуры обитателей Теотиуакана дошли до Оахаки и регионов майя, а ряд теотиуаканских

форм и образов был заимствован ремесленниками юга. Но какова была природа этих отношений?

Пятьдесят лет назад было признано, что Теотиуакан оказывал сильное влияние на регион майя. Проведенные с тех пор археологические работы и прочтение эпиграфических текстов подтвердили это влияние и позволили уточнить его характер. В некоторых городах майя в Петене есть четкие следы влияния Теотиуакана на архитектуру и керамику, а также на воспроизведение военных символов и других изображений. Тикаль, безусловно, то место, где черты Теотиуакана выражены наиболее явно: кроме сосудов теотиуаканского типа, как, например, характерная треножная кружка с крышкой, в этой столице сельвы есть несколько построек с откосами и помостом, выполненных по образцу Теотиуакана, а недавно был найден каменный штандарт, которым пользовались для отметок при игре в мяч, почти идентичный тому, который находится в районе Ла-Вентилья в Теотиуакане.

На одном из сосудов, найденных в Тикале, изображены вооруженные воины в нарядных теотиуаканских одеждах, пришедшие к персонажу майя, который встречает их окуриванием. На одной из стен в расположенном поблизости Уахактуне также изображен теотиуаканский воин, которого принимает знатный майя. Только недавно прочтение эпиграфических текстов позволило лучше понять событие, к которому относятся эти сцены. Сегодня мы знаем, что 31 января 378 г. н.э. в Тикаль прибыл иностранец по имени Сиях-Как; за восемь дней до этого присутствие этого персонажа зафиксировано в деревне Эль-Перу, расположенной на берегу одного из притоков Усумасинты, естественного пути в Петен из долины Мехико. В тот же день, когда прибыл чужеземец, умер король Тикаля Чак-Ток-Ичаак; то есть, вероятно, он был убит чужеземцами.

Прибытие Сиях-Кака также упоминается в записях Уахактуна, Бехукаля и Рио-Асуль. Ни в одном из случаев не говорится, что Сиях стал правителем: записи указывают, что этот персонаж привел к власти новых монархов. В Тикале правителем, поставленным Сияхом, стал выходец из Теотиуакана Буо-Лансадардос. После узурпации чужеземцы посчитали целесообразным убрать

из общественных мест стелы, которые напоминали властителей, предшествующих вторжению Теотиуакана, и все они были разрушены или убраны из города. Речь шла о том, чтобы установить новую династию, и впоследствии в течение нескольких поколений легитимность правителей Тикаля будет зависеть от Теотиуакана. Сын Буо-Лансадардоса Ях-Нуун-Айин I был изображен на стеле в нарядах и в позе, не характерных для майя, а в его могиле были зарыты сосуды теотиуаканского типа. Изображение внука Буо-Лансадардоса Сияха-Чан-Кавиила II в большей степени соответствовало традициям майя, но по бокам от него присутствуют два изображения, на которых его отец представлен в одеждах и с оружием воинов Теотиуакана. В Пьедрас-Неграс также есть свидетельства военного давления теотиуаканцев, а в Паленке теотиуаканцы, вероятно, установили новую династию в 431 г. н. э.

Гватемальское нагорье Каминальгую также испытало теотиуаканское нашествие около 400 г. н.э. В этом случае нет никаких записей, но археологические находки очень красноречивы. В Каминальгую произошло то, что Майкл Ко назвал «версией Теотиуакана в миниатюре». Поселенцы строили свои храмы наподобие тех, какие были в долине Мехико, а их керамика повторяла формы, характерные для столицы. После смерти они предпочитали быть похороненными с сосудами, привезенными из своего родного города. Основным мотивом, побудившим выходцев из Теотиуакана поселиться в этом высокогорном регионе, вероятно, было стремление контролировать залежи обсидиана в этой зоне, в частности в Чаяле.

Отношения между Теотиуаканом и Монте-Альбаном, похоже, были сдержанными и симметричными, и, если в случае с майя была очевидной военной составляющая, то связи с Монте-Альбаном скорее были дипломатическими. Сапотекские гончары были менее подвержены теотиуаканской моде, чем ремесленники Тикаля; теотиуаканские формы намного реже встречаются в репертуаре Монте-Альбана. В Монте-Альбане на одной из притолок есть изображение, относящееся к визиту теотиуаканских послов, но эти послы являются не военными, а священниками, несущими подношения в сумках из коपालа. В случае с Оахакой к

тому же есть взаимность, которой не наблюдается в отношениях с майя: в Теотиуакане был район, населенный сапотеками, которые в течение многих веков сохраняли свои обычаи. Сапотеки Теотиуакана хоронили мертвых в подземных камерах, как в Монте-Альбана, а не прямо под полом, как другие жители Теотиуакана. Кроме того, вокруг останков сапотеки размещали сосуды с изображениями, идентичные тем, которые в большом количестве были найдены в долине Оахаки.

Присутствие обитателей Теотиуакана на западе Месоамерики пока неочевидно. Утверждалось, что они доходили до таких поселений Сакатекаса, как Альта-Виста, чтобы контролировать оборот бирюзы и горнодобывающую деятельность в регионе в целом; но пока четких доказательств этому нет. С другой стороны, поселение Тингамбато в Мичоакане всегда привлекало внимание поразительным сходством своей архитектуры с архитектурой Теотиуакана, но подтверждений связи между этими поселениями в керамике не найдено. Наконец, в Наярите, Халиско и Колиме с характерными церемониальными центрами с платформой и круглыми площадями, а также погребальным комплексом с могилами и керамикой, реалистично изображающей сцены из повседневной жизни людей и животных, были связаны с региональной системой и народами западной Сьерра-Мадре и побережья Тихого океана в большей степени, нежели с Теотиуаканом.

Кризис и перемены

Период с 650 по 900 г. н.э. обычно известен под двумя названиями. Если исходить из центральной части Мексики, из падения Теотиуакана и драматических перемен, которые произошли с городом, он называется постклассическим; но если исходить из района майя, который именно тогда достиг процветания, то он называется поздним классическим. В любом случае, начальная дата этого периода совпадает с кризисом, которым завершилась гегемония Теотиуакана, а последняя дата относится к исчезновению классической культуры майя. Точнее, 909 г. н.э. — это последняя зафиксированная дата в монументах Калакмуль и Тонина.

Незадолго до 600 г. н.э. заканчивается влияние Теотиуакана на районы майя, а между этой датой и 700 г. н.э. следы теотиуаканского присутствия исчезают по всей Месоамерике: порт Матакапан перестает быть центром товарообмена; теотиуаканская керамика исчезает из зон добычи киновари в Сан-Луис-Потоси; прерывается торговля между Морелосом и долиной Мехико – другими словами, теотиуаканская эпоха подходит к концу. Падение Теотиуакана, вероятно, было вызвано натиском городов, которые стремились играть более активную роль в системе товарообмена; регионы Месоамерики как бы стряхнули с себя гнет, который сковывал их экономическую жизнь. Древняя метрополия во время кризиса лишилась более четырех пятых своего населения.

Прекращение влияния Теотиуакана на районы майя, вероятно, стало одной из причин ускорения регионального развития. Города майя стали более процветающими: архитектура, скульптура и производство ритуальных приспособлений и предметов роскоши достигли беспрецедентного разнообразия и богатства. Некоторые из основных городов майя – Паленке у подножья сьерры Пьедрас-Неграс в Чьяпасе и Яшчилан в Усумасинте, Тикаль в Петене, Калакумль к югу от полуострова Юкатан – достигли расцвета в VII в. И так же, как и в другие моменты истории майя, этот период процветания известен более подробно, чем другие периоды истории Месоамерики, так как майя использовали письменность, позволявшую воспроизводить устную речь, а также точную календарную систему. Иногда повествования майя классического периода выглядели монотонными; в них говорится о рождении, восхождении на трон, объявлении войн, предназначении храмов, о смерти... Тем не менее подробное ознакомление с записями, которое было особенно успешным в последние двадцать лет, позволяет вскрыть детали и особенности: не все правители вели себя одинаково, и не все города одинаково освещали свои события. Существуют сотни доступных исторических повествований, и многие из них относятся именно к этому блестящему периоду начала VII в.

Записи Яшчилана позволяют нам узнать, кроме других личностей, особенно успешного правителя по имени Ицамнаах-

Балам II, который правил с 681 по 742 г. н.э. В самых блестящих порталах Яшчилана он предстает как великий воин и защитник города. Его правление было успешным, а жизнь – долгой; долгожитель, как и его мать, он прожил более девяноста лет. Среди нескольких жен этого монарха самой главной была Кабаль-Хоок: ей посвящен один из лучших храмов Яшчилана, интерьер которого был украшен великолепными скульптурами, привезенными из других городов. Кабаль-Хоок умерла через семь лет после правителя и была похоронена в великолепном храме с впечатляющим убранством в двадцать тысяч ножей из обсидиана.

Другая история эпохи процветания – это история Пакаля и его сына Кан-Балама – господ из Паленке (в то время город назывался Лакамха). Художники этого города предпочитали фиксировать исторические события на штукатурке, поверх стен, и на некоторых каменных изделиях, но не на стелах. Кинич-Ханааб-Пакаль I, т.е. Пакаль Великий получил власть из рук своей матери, что было редкостью в обществе с преимущественно патриархальным порядком. Вероятно, мать Сак-Кук получила власть, поскольку не имела братьев; последний из них погиб в ожесточенной войне против Калакмуля. После трехлетнего правления, своего рода регентства, она передала власть сыну, которому было всего двенадцать лет. Пакаль смог прервать череду военных неудач города и достичь достаточного богатства, чтобы построить один из самых больших дворцов древней Мексики и монументальный мавзолей для своего путешествия в Шибальбу, в мир мертвых: так называемый Храм надписей. Опираясь на стабильность, достигнутую Кинич-Ханааб-Пакалем I, его сын Кинич-Кан-Балам II привел город к еще большему процветанию и сравнялся со своим отцом в области строительства: ему мы обязаны великолепным комплексом из трех храмов – Креста, Лиственного креста и Солнца.

Современниками Пакаля Великого были Юкноом-Кабеса и Юкноом Великий, правители Калакмуля. Юкноом-Кабеса, смелый правитель города, отличавшийся воинственностью среди соседей, ревностно относился к военному престижу своих владений и собственной власти над небольшими городами. Когда город

Наранхо в гватемальском Петене предпринял попытку освободиться, туда незамедлительно отправилось войско из Калакмуля, а Юкноом лично убил правителя. В рассказе используется глагол *kixaj* для определения того, что Юкноом сделал со своим соперником; можно перевести его двумя способами: он его пытал или он его съел. Наследник Юкноом-Кабесы, Юкноом Великий направил свою военную мощь на борьбу с Тикалем, оказывая воздействие его врагам или непосредственно атакуя город.

Признаком власти королевства майя в VII в. может считаться его способность влиять на центральную Мексику. Это влияние, тем не менее, является частью общего явления экспансии регионов, которые являлись периферией теотиуаканской системы. Группы центральной и северной части Веракруса с процветающим городом Тахин во главе проникли в Уастеку и центральное плоскогорье. Некоторые предметы, найденные в городе Чолула, свидетельствуют об очевидном влиянии декоративных стилей района залива. Группы миштеков также направлялись в Чолулу и, безусловно, способствовали распространению некоторых иконографических и особенно календарных навыков в поселениях Пуэбла и Морелос. Майя в свою очередь существенно влияли на элиты двух важных городов – Какаштла и Сочикалько. На замечательной настенной живописи Какаштлы есть фигуры и изображения, происходящие из района залива, а также теотиуаканские мотивы, но стиль живописи, композиция сцен и поведение персонажей относятся, прежде всего, к традиции майя. Художники, которые рисовали их, и, несомненно, представители местной знати были знакомы с художественными традициями долины Усумасинты.

В случае Сочикалько слияние региональных традиций является еще более поразительным. Застройка пространства осуществлялась по схожей с Монте-Альбаном схеме, но имеет еще больше общего с традицией построения церемониальных комплексов и формирования акрополя майя. Архитектурные платформы выполнялись со склоном и настилом, как в Чолуле, но использовали консольный карниз, как в Тахине. Украшение храма Кецалькоатля воспроизводит теотиуаканскую тему, но, помимо этого, жите-

ли Сочикалько избегают контакта с метрополией, находящейся в состоянии упадка, и предпочитают запастись обсидианом в залежах Мичоакана, несмотря на то что они расположены намного дальше, чем долина Мехико. В календарных записях Сочикалько прослеживается влияние Оахаки, хотя также заметны попытки создать новую систему. И еще раз, так же, как и в Какаштле, в Сочикалько встречаются стилистические элементы, которые могут быть объяснены только тесным контактом с группами элиты, которые были хорошо знакомы с искусством майя. Скульптуры человеческих фигур, выполненные в храме Кецалькоатля, без сомнения, несут на себе отпечаток художественной традиции майя – вероятно, из дальнего Копана.

Похоже, что в результате образовавшегося вакуума после падения Теотиуакана все поспешили перестроить систему старых связей. И если ранее эта система регулировалась центральной властью, то теперь в ней формировались центры, из которых исходили различные инициативы. Это был, несомненно, бурный период, в том числе и с точки зрения военных действий: Теотенанго у истока р. Лермы строится на горе, что затрудняет атаку города, а Сочикалько и Какаштла не довольствуются своим расположением на вершине холмов и окружают себя рвами и стенами. На настенной живописи Какаштлы тема борьбы между дождями и засухой принимает форму жестокой битвы. На пирамиде Кецалькоатля в Сочикалько персонажи в верхней части изображены с огромным щитом и пучком копий.

В течение VIII в. военные действия усилились также и в регионах майя, где они достигли невиданного ранее размаха. Споры за распределение зон влияния, которые в конечном итоге означали борьбу за экономические ресурсы, дали начало череде военных конфликтов, которая завершилась только с исчезновением культуры майя, в течение столетий процветавшей в нижних землях. Некоторые события в районе реки Пасьон и озера Петексбатун могут послужить иллюстрацией этого периода ожесточенных войн. Там примерно с 760 г. н.э. развернулся региональный конфликт, в который были вовлечены поселения Дос-Пилас, Агуатека, Сейбаль, Агуас-Кальентес и Амелиа. Город Дос-Пилас, кото-

рый до того момента был самым могущественным в регионе, был оставлен местной знатью; люди, оставшиеся в нем, построили двойную стену, которая проходила по древним площадям и церемониальным участкам. Жители Агуатеки также прибегли к строительству стены для усиления защиты, и в конечном итоге укрылись на острове, где также возвели оборонительные сооружения. В конце этого кризиса примерно в 830 г. единственным процветающим городом региона был Сейбаль. В общих чертах можно утверждать, что города майя в течение IX в. входят в неразрешимый кризис, в результате чего оказываются заброшенными: Яшчилан был покинут около 808 г. н.э., а Паленке немногим позже; Тикаль – около 870 г. н.э., Калакумль, находившийся в состоянии упадка на протяжении почти целого века, был окончательно заброшен около 909 г. н.э., и в это же время опустошается город Тонина.

Современная историография отвергла старую идею о загадочной катастрофе: сегодня мы знаем, что именно война стала причиной краха древних государств майя. Тем не менее необходимо повторить, что в этих боях было нечто большее, чем просто иррациональная, безудержная воинственность. Мы видим, скорее всего, самое яркое проявление борьбы за выживание жителей сельвы – обильной на первый взгляд, но одновременно хрупкой, если учесть многочисленность поселений. Майя использовали для возделывания плодородные земли на берегах рек и часто обрабатывали их с помощью ирригационных каналов. Они также возделывали внутренние земли, расположенные в глубине сельвы, которую они отвоевывали у гор, вырубая деревья и сжигая растительность. Но береговых земель было мало, а система вырубки и сжигания деревьев и растений имела слабую сторону: после двух или трех лет нужно было более, чем на десять лет, дать использованным участкам отдохнуть, чтобы они восстановили естественную растительность и питательные вещества.

Для знати война была быстрым способом увеличить богатства с помощью налогов, которыми облагались побежденные города, но силы и время, потраченные в этих войнах, в итоге отрицательно сказывались на организации и производительности сельского

хозяйства, особенно в зонах орошения. Есть доказательства того, что питание крестьян майя стремительно ухудшалось во время позднего классического периода в результате снижения сельскохозяйственного производства. И, вероятно, также в результате непосильных налогов, установленных элитой, которая не знала границ, когда речь шла об обогащении их городов. Менее устойчивые, слабые общества и знать, которая настойчиво искала способы улучшить свои позиции и увеличить доходы посредством войны, довели состояние дел до критической точки. Многие города пали, разоренные или истощенные, а в других крестьяне отвернулись от своей знати: было достаточно того, чтобы земледельцы ушли в горы на несколько месяцев, чтобы знать осталась без содержания.

Воины Кецалькоатля

За пределами региона майя процветавшие города также прекращают свое развитие и остаются частично или полностью заброшенными около 900 г. н.э.: Тахин, Сочикалько, Какаштла. Сам Теотиуакан, который более двух веков выполнял роль регионального центра, был оставлен. С этого времени начинается период, который известен как постклассический, который будет длиться до испанской конкисты.

Другое явление, которое обозначает начало постклассического периода, – это уход жителей из многих северных месоамериканских поселений и их последующая миграция к югу. Многие народы, которые веками жили в Бахио, в Лос-Альтос в Халиско и в западной Сьерра-Мадре, направились к долинам Пуэбла-Тласкала, Мехико и Толуки и в сторону плоскогорья Тараска. Большинство из них были науа, но, вероятно, среди них были и паме и пурепечи; в колониальных источниках все они называются чичимеками. Эти люди были привычны к существованию на грани цивилизации в суровых землях, по которым перемещались группы охотников-собираателей. Это были воинственные группы, самый высокий социальный статус в которых принадлежал воинам.

Бесконечные конфликты, которые характеризуют период после падения Теотиуакана, и нашествия северных чужеземцев способствовали тому, что война оказалась в центре общественной жизни городов постклассического периода. Воины наделялись религиозными атрибутами; сражения происходили от имени богов, а человеческие жертвоприношения, практиковавшиеся после боев, воспринимались как необходимость для функционирования космического порядка. Образ и ценности воина получили невиданное ранее общественное признание. Правители опирались на военные ордены элиты, особенно орлов и ягуаров. Тема противостояния орла и ягуара, изображенная как борьба, соединение или сопоставление, была очень частой в иконографии постклассического периода: это была излюбленная метафора общества в состоянии войны.

Но не все конфликты разрешались с помощью оружия, а общества не смогли бы выжить, постоянно находясь в состоянии войны. Государства постклассического периода стремились стабилизировать и контролировать конфликтные ситуации посредством союзов и дипломатических соглашений. Союзы обычно были тройственными, хотя были и четырехсторонние. С их помощью стремились сформировать политическую власть территорий, при этом каждому из союзных государств соответствовала определенная зона влияния и население, а общие поступления от налогообложения распределялись между ними. Среди других замечательных союзов постклассического периода известен союз, в который входили Чичен-Ица, Ушмаль и Майяпан на полуострове Юкатан, союз Иуацио, Пацкуаро и Цинцунцан в Мичоакане и союз Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана в долине Мехико. Помимо этих союзов между «друзьями» существовали также временные соглашения, которые позволяли поддерживать определенные дипломатические отношения между враждебными государствами. В этом отношении особенно красноречиво присутствие некоторых правителей из Мичоакана на праздниках коронации мещиков; после участия в празднествах и развлечениях, проходивших в течение нескольких дней, сановники тарасков воз-

вращались в свои земли и продолжали враждебно выступать по отношению к Мехико-Теночтитлану и его союзникам.

Самым важным городом раннего постклассического периода (900–1200 г.) была Тула, расположенная в современном штате Идальго. В ней боевая отвага чичимеков смешалась с традицией южных науа, наследников Теотиуакана. В Туле воины – это герои сцены: они восседают на вершине самого важного здания в городе, основание которого украшено койотами, ягуарами и орлами, держащими в клювах кровоточащие сердца. Площадки для игры в pelota выполняли важную роль в этих местах, служа, вероятно, для проведения военного ритуала, который завершался обезглавливанием военнопленных. Тула – это первый месоамериканский город, в котором используется ужасный *tzompantli* – своего рода огромные счеты, на каждую перекладину которых насаживались человеческие головы: один из вкладов народа чичимеков в последние века месоамериканской истории. Также в Туле впервые использовался монументальный портик, образованный несколькими параллельными колоннадами, и антропоморфный алтарь, который известен как *чак-мооль*. Оба элемента происходят из западных горных поселений.

Преуспевание Тулы было скромнее, чем Теотиуакана, но политический и военный вес города был достаточным для того, чтобы распространить на большие расстояния маршруты товарообмена, которые доходили до Центральной Америки через юг и, по меньшей мере, до Синалоа на севере. Некоторые памятники материальной культуры месоамериканского происхождения, найденные в поселениях в земледельческих оазисах Нуэво-Мехико, таких как Пуэбло-Бонито в Каньоне-дель-Чако, вероятно, происходят из тольтекской эпохи, но нельзя точно утверждать, связано ли их появление здесь с торговым проникновением Тулы или с функционированием всей региональной сети. Мы знаем, что земледельческие деревни в долинах рек Соноры торговали с поселками Сьерра-Мадре, существуют также свидетельства о контактах между горными жителями Чиуауа и Дуранго и земледельцами Аризоны и Нуэво-Мехико. Самым комплексным земледельческим поселением на севере современной Мексики

было Пакиме (известное также как Касас-Грандес) в Чиуауа, где был построен огромный четырехэтажный многосемейный дом из адоба с отоплением и дренажом, окруженный ритуальными платформами и площадями. Вероятно, Пакиме был важным местом стоянки на пути тех, кто вез месоамериканскую продукцию на север. Вполне возможно, что торговцы из Тулы также доходили до Пакиме, привлекаемые месторождением бирюзы в Нуэво-Мехико.

Тольтеки, как в свое время жители Теотиуакана, также имели отношения с поселениями майя, хотя в этом случае сложнее определить характер этих отношений. Город Чичен-Ица на полуострове Юкатан был практически заново основан около 900 г. н.э. рядом с древним городом классического периода. В новой Чичен-Ице были воссозданы некоторые из основных образов и структур Тулы: портик из колоннады с этажом в форме «L», храм Воинов, на верхушке которого две возвышающиеся пернатые змеи служат колоннами для доступа в крытое пространство, колонны с вырезанными на их гранях воинами, *чак-мооль*, фризы с орлами и ягуарами и даже скульптурный *tzompantli*, воспроизводящий вереницу тольтекских черепов. Возможно, те, кто воссоздал Чичен-Ицу, были не эмигрировавшими тольтеками, а влиятельными группами торговцев происхождения майя, известными как путуны, которые часто посещали города науа и были знакомы с их образом жизни. Версию, согласно которой архитектура нового города создавалась тем, кто не знал Тулу, сразу можно отбросить. Город Чичен-Ица был самым могущественным на полуострове до 1300 г., однако власть он осуществлял в союзе с Ушмалем и Майяпаном. Последний разорвал отношения с союзом и, вероятно, в тиранической форме контролировал район до 1450 г. Но престиж Чичен-Ицы и ее реформаторской элиты, отождествляемой с Кукульканом (юкатанское название Кецалькоатля), сохранится до испанской конкисты.

Тула славилась среди месоамериканских народов не только памятниками материальной культуры; ее слава распространилась за пределы территории науа и всегда была связана с политической властью и цивилизацией. То же самое произошло с Кецаль-

коатлем, легендарным владыкой тольтеков. Считалось, например, что первый повелитель майя-киче Гватемалы был утвержден на своем посту Кецалькоатлем, которого киче звали Кукумац. Миштеки приписывали Кецалькоатлю создание династий, которые правили в постклассический период. Как майя, так и миштеки упоминают в своих повествованиях Тулу; майя утверждают, что предшественники их правителей были родом из этого города, а миштеки считали, что великий правитель и завоеватель Очо-Венадо, Ягуар, путешествовал в Тулу, чтобы его утвердили на его посту. В свою очередь большинство народов науа в XVI в. относятся к Туле как к месту происхождения своих правящих родов: то же самое было у чальков, тецкоканов, чолультеков, куаутинчантлака, конечно, мешиков и многих других.

Глубокий след Тулы и Кецалькоатля в идеологии народов Месоамерики не объясняется исключительно деятельностью тольтеков из Тулы-де-Идальго, их торговыми предприятиями и военной мощью. Здесь было и другое. Слово Тула (*Tollan* в своем правильном произношении на языке науатль) этимологически означает «заросли тростника», место, где изобилуют тростники или *tollin*. Это метафора большой агломерации людей, характерной для города. В различных источниках индейской традиции колониальной эпохи это слово использовалось для обозначения чудесного, мифологического города, населенного богами, как Кецалькоатль и Тескатлипока, а также использовалось для обозначения серии городов, современных или исторических: Чолулы, Кулуакана, Теночтитлана и самой Тулы-де-Идальго.

То, что объединяет все города, называемые Тулой, это их процветание, большая территория, высокий уровень цивилизации, а также мудрость и религиозность их правителей. Тула была роскошным, чудесным городом – так же, как и все ее земные воплощения. Вероятно, что прототипом всех городов, называемых Тулой, был самый большой, могущественный и процветающий город в Древней Мексике, т.е. Теотиуакан. Там зародилась городская традиция науа и культ Кецалькоатля. В Туле-де-Идальго укрепился древний миф и возникли новые атрибуты, связанные с властью: правитель этой Тулы носил имя бога Кецалькоатля и

ему принадлежало право утверждать на своем посту правителей других городов, что он делал, прокалывая им носовые перепонки когтем орла и ягуара.

Знакомство майя и миштеков с Тулой и богом Кецалькоатлем свидетельствует о влиянии традиции науа на юге. Это влияние началось в эпоху Теотиуакана, но, похоже, имело большие политические и религиозные последствия именно в тольтекский период. Итак, Кукулькан майя мог бы быть господином Чичен-Ицы; а Тула, которую миштеки упоминали в своих источниках, могла бы быть Чолулой (*Tollan Cholollan*); последняя сохраняла теотиуаканские традиции в течение нескольких веков, имела прочные связи с Оахакой, а в постклассический период имела репутацию главного святилища бога Кецалькоатля. Точно известно, что было несколько Тул и несколько Кецалькоатлей, и что различные месоамериканские города, по крайней мере в постклассический период, приняли эту легенду и эти символы как часть стратегии, чтобы узаконить свою власть, чтобы признавали их главенство и воздавали почести их знатному роду.

Мешики считали Тулу-де-Идальго священным городом Кецалькоатля и придавали ей большую историческую значимость, чем Чолуле или Теотиуакану, потому что она была «их Тулой», их метрополией. Мешики проживали в северных провинциях тольтекского государства, вероятно, в районе Керетаро, и пришли в долину Мехико, когда их метрополия испытывала кризис и была заброшена незадолго до 1200 г. Еще во времена процветания мешики ходили по древнему городу атлантов и чак-моолей, искали изделия, которые потом использовали как подношения в Теночтитлане, и вдохновлялись видами заброшенного города, чтобы создать свои собственные художественные произведения. Мешики считали себя прямыми наследниками этой Тулы, а Теотиуакан ассоциировали с более древними временами, временами сотворения мира.

Падение Тулы, скорее всего вызванное чередой ожесточенных конфликтов около 1200 г., ознаменовало начало позднего постклассического периода, который завершится испанской конкистой.

Боги воды

Накануне испанской конкисты долина Мехико переживала этап расцвета городов. Городов было много, и все они были густонаселенными; хронисты говорят о большом скоплении людей на улицах и каналах и поражаются оживленности на торговых площадях: Чалько-Атенко, Сочимилько, Койоакана, Кулуакана, Истапалапы, Тескоко, Тлакопана, Аскапоцалько, Мехико-Теночтитлана, Мехико-Тлателолько и десятков других средних поселений, как Коатлинчан, Мискоак или Такубая. Население долины Мехико, рассредоточенное по этим центрам, составляло около двух миллионов человек.

Большинство этих городов находилось под властью знатных родов науа, но во многих из них проживали представители других этносов, особенно отоми и матлацинка. Науа использовали для обозначения города, с его населением и землями термин *altépetl* (что означает «гора воды»). Каждый *altépetl* управлялся *tlatoani* или правителем, которому помогал многочисленный бюрократический аппарат судей, сборщиков налогов, полководцев и других администраторов. Хотя каждый город был достаточно независимым в своих внутренних делах, существовало три крупных города с более высокой иерархией, чем остальные; они собирали дань с других городов и могли призывать их к участию в войнах или в других общественных делах: этими тремя городами были Тлакопан, Тескоко и Мехико-Теночтитлан, которые составляли самый известный из тройственных союзов постклассического периода. Тлакопан получал только пятую часть подати подчиненных земель и имел в союзе меньший вес, в то время как Тескоко находился почти на одном уровне с Теночтитланом, за исключением военных вопросов: мешики, несомненно, были в союзе военными лидерами.

Тройственный союз был необходимостью; ни одно государство в долине Мехико не смогло бы в одиночку управлять сложной системой торговых маршрутов, облагаемых налогами территорий и отношениями между знатными родами. И это было не более чем административным вопросом; традиционная власть царств

над определенными поселениями и этническими группами оставалась в силе. Это позволяет нам понять, почему мешики и тецкоканы, после разгрома тепанеков из Аскапоцалько обратились с просьбой о союзе к Тлакопану, который также входил в тепанекское государство: им было необходимо то влияние, которое тепанеки имели над народами западной части долины и района Толуки, в особенности матлацинками; кроме того, торговый рынок Аскапоцалько играл ключевую роль в экономике долины.

Демографическая плотность и сложная система городов долины Мехико в начале XVI в. опирались на процветающее земледелие. В течение двух веков до прибытия испанцев, о чем подробно сообщают колониальные источники, упоминается только о двух случаях голода, произошедших в результате продолжительных засух. Высокая производительность земледелия долины объясняется повсеместным использованием ирригации на сухих землях и особой системой огородов на островах и на берегах озера. Земли удобрялись тиной и экскрементами летучих мышей, а некоторые растения выращивались в питомниках, которые позволяли сажать на каждом участке только самые жизнеспособные растения.

Сельскохозяйственная продукция науа в постклассический период была та же, что и у жителей Теотиуакана, тольтеков и большинства других месоамериканских народов: маис, фасоль, тыква (особенно вид *Cucurbita pepo*), перец, различные виды томатов, чия, амарант и некоторые другие. Кроме продуктов земледелия, долина могла давать другие съедобные продукты: множество разновидностей рыбы, птицы, лягушки, различные насекомые, змеи, зайцы, олени и т.д. В глубине озера были залежи соли (в районе Тескоко), а в лесах можно было выращивать агаву и запасаться дровами. В регионе росли также некоторые плодовые деревья, например боярышник и вишня.

Каждое государство существовало за счет того, что производили его подданные, а также за счет налогов от других поселений на подвластной территории. Производители любого поселения должны были платить своим правителям налог натурой, кроме того, они были обязаны участвовать в войнах и в общественных

работах. Крупные государства, входившие в Тройственный Союз, получали налоги от дальних провинций и могли наполнять свои склады перьями кецаля и попугаев, золотом и другими продуктами. Эти предметы роскоши предназначались для знати и религиозных праздников.

Во всех городах науа долины Мехико население делилось на две социальные группы: знать, или *pipiltin* (*pilli* в единственном числе), и простые люди, или *macehualtin* (единственное число - *macehualli*). Статус *pilli* или *macehualli* определялся по рождению, и только в исключительных случаях, связанных с военными заслугами, простой человек (*macehual*) мог войти в число знати. Простые люди занимались земледелием, рыболовством, ремеслами и другими работами и платили знати налоги. Знать занималась вопросами управления, правосудием, организацией военных кампаний и религиозными культами, и жила за счет налогов, поступавших от простых людей правителю (*tlatoani*), которые он периодически распределял. Некоторые представители знати получали налоги напрямую, например, судьи, потому что продукты, получаемые с определенных земель, предназначались именно им. Были также и те, кто имел что-то вроде феодальных владений, которые можно было продавать и оставлять в наследство; это были воины, отличившиеся в боевых действиях, и некоторые представители знати, которых *tlatoani* хотел наградить: и те, и другие получали земли и пользовались ее продуктами и услугами крестьян, которые проживали и работали на этих землях.

Законодательство усиливало классовые различия и способствовало укреплению престижа и власти в руках знати. Знать использовала одежды и драгоценности, запрещенные для остальной части населения. Даже если предположить, что простой человек мог купить на рынке нефритовые украшения, он не мог носить их, а если делал это, то мог быть наказан смертной казнью. Наряды знати были из хлопка, а не из жесткого волокна, как одежда простых людей; дома знати были богаче, выше и лучше декорированы; знатные люди могли иметь много жен, а простые – нет. Знать спала в удобных кроватях с перьевыми матрацами, подуш-

ками, хлопковыми простынями и шкурами оленей. Простые люди жили очень скромно.

Это разделение общества на два класса дополнялось рядом исключений и отклонений. Ремесленники не были обязаны участвовать в общественных работах и платили налоги только натурой; кроме того, некоторые ремесленники были очень уважаемы, были связаны с властью и жили со всеми удобствами под покровительством правителей. Торговцы также не отработывали налоги и не должны были участвовать в войнах, как остальные простые люди: их служение заключалось в деликатном задании шпионить во вражеских городах, в которые они могли приезжать, не вызывая подозрений. Элитные воины, орлы, ягуары, койоты, воины из батальонов отоми вели своеобразный образ жизни: они почти с безумной отвагой предавались сражениям и часто умирали на поле боя или на жертвенном камне от рук противника, но в мирное время они наслаждались привилегиями и особым общественным почетом, танцевали, пили какао, наслаждались компанией куртизанок; если некоторые из этих воинов доживали до старости, они занимались обучением молодых в школах.

Некоторые крестьяне обрабатывали землю, которую считали своей, будучи членами одного из многочисленных *calpullis* (районы, сформированные на основе древних родов), чье право на поселение было исторически признано. Эти работники, названные в некоторых источниках *calpuleque* (единственное число — *calpule*), платили налоги своему *tlatoani*. Но были также крестьяне, которые работали и жили на землях, завоеванных и переданных в качестве феодальных владений знати или военачальникам. Этих работников в некоторых источниках называют *mayeque* (в единственном числе *maye*, то есть «тот, у кого есть руки»). В колониальных документах положение *mayeque* предстает еще хуже, чем положение *calpuleque*, что связано с огромным налоговым бременем в виде работ и натуральных продуктов, которые они должны были платить знатному человеку, владельцу земель.

Социальная шкала в своей низшей крайности включала в себя и тех людей, которые жили хуже или в еще более тяжелых условиях, чем простые люди. Густонаселенные города постклассиче-

ского периода давали убежище бродягам, преступникам и различным мошенникам. В принципе, все индивиды подчинялись и были защищены обществом, к которому принадлежали, но если человек отрывался от своего общества, он не мог найти себе другое, и ему оставалось только бродяжничать. Это могло произойти, если подросток убегал из родительского дома, если человек, совершивший преступление, бежал из города, чтобы уйти от наказания, если город или общество изгоняло одного из своих членов за серьезный проступок. Так, вероятно, появились рыночные носильщики, или *tamemes* (от слова *tlamama* – тот, кто носит грузы), нищие, проститутки, воры и грабители на дорогах, о которых нам сообщают источники. Некоторые из них довольно ярко описывают оборванных, взлохмаченных, покрытых ссадинами людей на грани человеческого образа жизни, шатающихся по улицам, не выспавшихся или пьяных; ищущих по ночам отбросы на рыночных площадях.

Существование подобных персонажей поражает и представляется весьма странным, если учесть, что речь идет о строго сословных обществах. Среди науа из долины Мехико были рабочие *calpulli*, торговцы и представители знатных родов. Не принадлежать к одному из этих сословий означало практически не существовать вовсе. Информация о знатных родах тщательно документировалась в кодексах. Длительная практика многоженства позволяла правящим родам сформировать двор за одно поколение; каким бы многочисленным ни был бюрократический аппарат, он мог состоять из прямых родственников правителя. Что касается сообществ рабочих, *calpullis* (в единственном числе *calpulli*, во множественном – *calpultin*), насколько нам известно, они составляли основной элемент всей доиспанской социальной организации. Немало споров было посвящено выяснению, были ли это родовые группы, наподобие кланов, или существовали административные границы, установленные государственными органами. Документальные источники в конечном итоге указывают на то, что разгадка лежит посередине: не вызывает сомнения, что у *calpullis* были кровные связи, их члены были родственниками и признавали общие корни, но в то же время, попадая в зависи-

мость от городских законов, *calpullis* функционировали как административные единицы в целях взыскания налогов и участия в военных действиях, а также в религиозных культах. Существовали некоторые ограничения для вмешательства *tlatoani* во внутренние дела *calpullis*, но также были ограничены и автономии этих сообществ, и эти ограничения предусматривали обязательства и подчинение высшей политической власти. Мотивы, которые вынуждали сообщества соблюдать эти политические правила, очевидны: жизнь в городе, рынок, военная защита и даже божественная защита.

Calpullis вели активную жизнь в пределах своих городских районов. Они поклонялись своему собственному богу-покровителю, участвовали в работах по обслуживанию своего храма и защите обездоленных в своем собственном сообществе, проводили свои праздники и ежедневно собирались на площадях и улицах района, чтобы отдохнуть, поговорить и повеселиться. Каждый *calpulli* признавал своего начальника, которого, по данным из некоторых источников, называли «старшим братом»; этот начальник принимал решения, опираясь на поддержку совета старейшин. Собрания этого совета, а также глав семейств каждого района проходили в общественном здании.

У *tlatoani* в подчинении были сборщики налогов и надсмотрщики, которые контролировали выплату налогов каждого *calpulli* и организовывали участие членов *calpulli* в общественных работах. Кроме того, юноши *calpullis* должны были посещать своего рода школу, которая на языке науатль называлась *telpochcalli*, дом молодежи. В этих *telpochcalli* юноши получали боевую подготовку, и те, кто отличался храбростью, могли стать полководцами или элитными воинами, настоящими героями в глазах общества.

Молодые представители знати также посещали школу, которая в источниках называется *calmécac*, там они получали более строгое воспитание, явно ориентированное на руководство: военная стратегия, священство, управление. Некоторые из воспитанников оставались в храмах в качестве священников, другие начинали работать в области управления. В *calmécac* тщательно сле-

дили за поведением молодежи и препятствовали их связям с женщинами. В *telpochcalli*, напротив, дисциплина была менее строгой и, судя по всему, юноши часто вступали в связь с девушками, с которыми знакомились на вечерних занятиях по танцам, проходившим в *cuicacalli*, или в доме пения.

Принадлежность к административной единице более широкого масштаба – к государству – выражалась в участии в религиозных праздниках города, которые часто происходили в течение года. Юноши школьного возраста танцевали и участвовали в ритуальных играх и схватках, а все население наблюдало за этими ритуалами, проходившими на вершине храмов центральной священной территории, и принимало более активное участие в тех, что происходили на улицах и площадях города и в расположенных поблизости святилищах.

Самые напряженные ритуалы из тех, что проводились в городах науа, были связаны со смертью людей. Мешики среди всех народов древней Мексики отличались неистовством, с которым они различными способами совершали человеческие жертвоприношения. Иногда приносили в жертву десятки детей, чтобы ублажить Тлалока, бога бури и дождя; их бросали в водовороты или приносили в жертву на алтарях, расположенных в горах. На одном из таких ежегодных праздников обезглавливали старуху, и воин бегал по городу, держа за волосы отрубленную голову и размахивая ей во все стороны. Чтобы воздать хвалу Шипе, богу весны, священник ходил, облачившись в кожу принесенного в жертву человека... Раны, расчленение, смерть постоянно присутствовали в Теночтитлане и других соседних городах. Население имело возможность преодолеть эти полные драматизма сцены, принимая участие в катарсисе публичных развлечений: уличные игры, веселые ритуалы и смешные комедии, которые давали публике возможность посмеяться над юношами, изображавшими шмелей, которые сталкивались и падали с карниза, или над актерами в роли стариков, калек, больных.

Помимо своего религиозного значения, несомненно, некоторые случаи жертвоприношений имели своей целью продемонстрировать военную мощь войск Тройственного Союза. Кампания

против уастеков, предпринятая Ауицотлем, самым воинственным из правителей мешиков, завершилась принесением в жертву тысяч и тысяч врагов, мужчин, женщин и детей, которые в течение четырех дней и ночей в четыре ряда становились перед лестницами храмов долины Мехико в ожидании своей очереди подняться на жертвенный камень. Идя на смерть, они по обычаю пели грустную птичью песню.

Накануне конкисты

К началу эпохи испанской конкисты Тройственный Союз, возглавляемый Теночтитланом, расширил свои территории от берега одного океана до другого и с севера на юг, от Керетаро до Оахаки, а также контролировал зону Соконуско в Чьяпасе. Прибрежная равнина Мексиканского залива также была подчинена ему. В процветающие города тотонаков, в которых были мощные улицы, сети каналов для орошения и осушения, сады, окруженные стенами церемониальные центры, а также в изобилии маис, какао, ваниль, фрукты, хлопок, древесина и другие продукты, периодически наведывались сборщики налогов, присылаемые мешиками, кроме того, они должны были защищать и давать пристанище торговцам, которые проходили через эти города во время своих торговых миссий из союзных городов. С другой стороны, уастеки, северные соседи тотонаков, постоянно бросали вызов экспансии мешиков: не успевали мешики вернуться домой, чтобы отпраздновать очередную военную победу над уастеками, как они снова выражали непокорность и отказывались платить налоги. Колониальные источники приписывают нескольким *tlatoani* завоевание уастеков, что является безошибочным признаком того, что это не удалось в полной мере ни одному из них.

На юге мешикам удалось навязать налоговые повинности и торговые условия миштекам из сьерры и долины Оахаки, а также сапотекам долины. Но на побережье, а также на перешейке было несколько независимых владений, объединившихся под началом Тутутепака. На территории современного штата Герреро тлапанеки платили налоги Тройственному Союзу, но были поселения,

оказывавшие упорное сопротивление. Телолопан, богатый производитель какао, упорно отказывался принимать торговые караваны, находившиеся под защитой мешиков, и стал жертвой самой ожесточенной войны того времени: его население было истреблено (в этом поселении были убиты даже собаки и индюки), а территория была заселена переселенцами науа, посланными из долины Мехико. Дикие поселения Йопицинко, напротив, никогда не были подчинены, а их жители, по языку родственные апачам, начали время от времени атаковать поселки, платившие налоги, и даже гарнизоны мешиков.

На западе Тройственный Союз столкнулся с непреодолимым барьером. Государство тарасков, центром которого являлось озеро Пацкуаро, управляемое другим тройственным союзом – Иаццо, Цинцунцан и Пацкуаро, растянулось на весь Мичоакан и часть современных штатов Герреро, Колима, Халиско и Гуанахуато. Тот факт, что пурепечи использовали медь для изготовления некоторых земледельческих инструментов и оружия, навело некоторых исследователей на мысль, что в Мичоакане произошли качественные изменения, которых месоамериканская технология неолитического периода не знала за всю свою историю. Тем не менее нет подтверждений ни того, что они значительно отличались от других месоамериканских народов своей земледельческой продукцией, ни что они имели военное преимущество подобно тому, которое имели ассирийцы в Старом Свете со своими железными мечами. Пурепечи хорошо защищали свою территорию; они использовали стены, небольшие укрепления, наблюдательные пункты; организовывали свои военные кампании под единым командованием и смогли оказать сопротивление армиям, пришедшим из центральных долин Мексики. Кроме того, их города, их архитектура, их одежда и даже их письменность и художественные произведения были намного скромнее, чем у науа эпохи Теотиуакана.

Что касается региона майя, то зоны наибольшей демографической концентрации и с наибольшим количеством городов располагались на возвышенностях Чьяпаса и Гватемалы и, большей частью, на полуострове Юкатан. После падения Майяпана там

образовалось не менее семнадцати независимых владений, но это разделение не стало помехой для развития достаточно процветающей экономики, которая использовала активные торговые потоки в прибрежной зоне. Порт Тулум в Кинтана-Роо был жизненно важным звеном между судоходными маршрутами, соединявшими полуостров с Центральной Америкой и островами Карибского бассейна, и сухопутными маршрутами, ведущими в Теуантепек, а оттуда к территориям, контролируемым Тройственным Союзом. Майя имели торговые отношения с науа позднего постклассического периода, а мешики не были настолько сильны, как теотиуаканцы, чтобы вторгнуться в эти земли. На самом деле способность территориальной экспансии Тройственного Союза Мехико, Тескоко и Тлакопана была недостаточной, если сравнивать ее со стабильным и обширным господством империи Теотиуакана.

Эпилог

Тотонаки посчитали Кортеса приемлемым союзником для освобождения от господства мешиков, и было бы глупо упрекать их в этом, ведь они не могли знать, что затем придут оспа, коклюш и тиф, и что их города будут брошены, а кукурузные поля и сады со временем превратятся в пастбища. Тласкальтеки прекратили свое первоначальное сопротивление и решили присоединиться к испанцам, так как им показалось, что этот союз гарантирует им целостность их территории; у них не было никаких обязательств в преданности к мешикам, скорее наоборот, они были врагами. С момента прибытия Кортеса на Юкатан до захвата Тлателолько и пленения Куаутемока было много государств, которые после поражения в бою или заключения соглашения с Кортесом присоединялись к его армии. Завоевание Теночтитлана стало победой тласкальтеков и многих других индейских групп: это была последняя доиспанская война в Мексике, которой, тем не менее, руководила небольшая армия, пришедшая совершенно из другого мира.

После падения столицы мезиков испанцы стали контролировать значительную часть древних территорий, находившихся в подчинении Тройственного Союза; за последующие три года, вступая в сражения и заключая многочисленные союзы, они смогли подчинить Кастильской короне даже те территории, которые раньше оставались независимыми: Мичоакан, Мецтитлан, Тутутепек и некоторые области Чьяпаса и Гватемалы. Завоевание Юкатана проходило медленнее и оставалось незавершенным в течение примерно двухсот лет; Тайясаль, укрывшийся на озере Петен-Ица, не был завоеван до 1697 г. Завоевание западной Сьерры-Мадре и земель, расположенных к северу от Месоамерики, населенных охотниками-собираателями и деревенскими земледельцами, стало задачей, которая не была выполнена даже через три века колониальной истории.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭПОХА ДО 1760 ГОДА

Бернардо Гарсия Мартинес

ВТОРОЙ БОЛЬШОЙ ЭТАП МЕКСИКАНСКОЙ ИСТОРИИ – это колониальная эпоха. Это определение соответствует периоду испанского владычества, в течение которого страна (уже допустимо использовать это понятие) обретает политическую целостность под названием Новая Испания. По этой причине традиционно считалось, что колониальная эпоха, которую называют также новоиспанской эпохой, началась после падения Мехико-Теночтитлана в 1521 г. и завершилась три века спустя с провозглашением независимости.

Но такая хронологическая точность допустима только в отношении формального существования Новой Испании как политической единицы и неприменима с других точек зрения. В экономическом, социальном, демографическом или культурном аспектах нельзя говорить о периоде, который начался в 1521 г. и закончился в 1821 г. В этом случае указывать точные даты неуместно. Например, рыночная экономика постепенно трансформировалась по мере того, как испанцы развивали свою торговую, земледельческую и горнодобывающую деятельность на протяжении XVI в., но натуральное хозяйство доиспанской эпохи продолжало существовать параллельно, и ни то, ни другое не претерпели в годы независимости существенных изменений. В начале XIX в. в экономике действительно произошли потрясения, но основной их причиной стала налоговая агрессия Испании в 1804 г. Между 1519 и 1575 гг. произошло существенное сокращение населения, после которого настал период относительной стабильности, а затем – период роста, который завершился только около 1736 г., но не в 1821 г. Экологическая история, изучающая воздействие человека на окружающий мир, признает, что конкиста вызвала очень серьезные перемены в месоамериканском пейзаже – как это произошло с развитием животноводства. Но конец колониальной эпохи для экологической истории не имеет особого значения, и, напротив, большее значение имеет хронологическая отметка около 1780 г., когда началась массовая вырубка деревьев

для кораблестроения, или около 1880 г., когда железные дороги оказали серьезное воздействие на практику землепользования.

Исходя из вышесказанного, колониальная эпоха в зависимости от того, о чем идет речь, может уместиться в различных временных отрезках. Начальные даты варьируются незначительно, так как они совпадают с периодом, когда почти весь мир переживал большие перемены в результате путешествий Колумба и последующих контактов и товарообмена между Европой, Африкой, Азией и Америкой. Но конечные даты существенно различаются, потому что соответствующие изменения не оставили таких глубоких следов или не совпадали по времени. И однако можно согласиться с тем, что примерно в 1760 г. произошли серьезные перемены политического, социального, экономического, культурного характера. Эту дату можно считать концом этапа мексиканской истории, начавшегося с появлением в месоамериканских землях испанцев. По традиции мы будем называть его колониальным, исключая из него последние пятьдесят или шестьдесят лет испанского владычества. Они могут рассматриваться отдельно вместе с периодом, включающим в себя – несмотря на политический перелом – годы, последовавшие за процессом завоевания независимости.

Период основания, 1519-1610

Вторжение конкистадоров, 1519-1530

Начало колониальной эпохи было связано с серией знаменательных событий, которые произошли с прибытием испанцев и их первым проникновением в Месоамерику. С него началась конкиста – этот термин нужно понимать не только как военную победу, но и как сложный процесс столкновений и адаптации, который продолжался примерно до 1560 г. Конкиста как таковая заняла чуть более сорока лет (которые можно разделить на две фазы: начальная фаза и фаза консолидации), после которых пройдет еще пятьдесят лет, прежде чем результат конкисты – Но-

вая Испания – оставит позади первые годы периода своего основания и войдет в этап зрелости.

Прежде чем вдаваться в подробности начальных событий, необходимо поразмышлять над контекстом, в котором они произошли. Для этого вспомним о европейской торговой и культурной экспансии, начавшейся с морских экспедиций португальцев, в результате которых с середины XV в. начинали формироваться торговые анклавы на берегах Африки, Индии и Юго-Восточной Азии, а также были заняты Кабо-Верде, Азорские острова и другие острова Атлантического океана. Стимулом для этого послужил европейский спрос на специи и шелка, а в случае с островами – заинтересованность в территориях для посевов сахарного тростника. Так как некоторые из этих островов были незаселенными, а на других коренное население было истреблено, сахарная промышленность основывалась на рабском труде. Таким образом, первым большим потоком людей в те времена стала перевозка с берегов Гвинеи и Анголы африканских рабов, купленных португальцами, а иногда и захваченных ими в плен для работы на этих островах. Действия португальцев повторяли на Канарских островах их кастильские соседи.

Желание королей Кастилии и Леона активнее участвовать в развивающихся торговых отношениях побудило их в 1492 г. финансировать путешествие Христофора Колумба к берегам Индии, результаты которого очень хорошо известны. Занятие испанцами островов Карибского бассейна, особенно Кубы, Ямайки, Санто-Доминго и Пуэрто-Рико в точности повторяло опыт Канарских островов: жестокий захват, производство сахара, катастрофические последствия для местного населения, появление африканских рабов. Тем не менее, были и отличия: жители Кастилии были заинтересованы в том, чтобы уехать в эти новые земли, основать постоянные поселения с официальной властью, создать определенный юридический порядок, поддерживать постоянные связи с Испанией, перевести практику скотоводства и земледелия и, наконец, насколько возможно, воспроизвести там культурную и социальную атмосферу Кастилии. Это объясняется тем, что в этом регионе в условиях демографического роста экономика была неспособна удовлетворить потребности большей части насе-

ления. Затем по следам кастильцев пошли португальцы, осуществляя такую же практику на берегах Бразилии.

Эти события, последовавшие за изгнанием мусульман с Иберийского полуострова, совпали в 1492 г. с консолидацией монархии корон Кастилии и Арагона, за короткий отрезок времени укрепившей свои позиции с восхождением на трон Карла I Габсбурга из австрийской династии, который под именем Карла V был также императором Германии. Опираясь на свое единство, политическую силу нового короля и экономическую выгоду, извлекаемую из Америки, Испания шла к тому, чтобы стать доминирующей силой в Европе¹. Это стало возможным после завоевания Мексики, а затем – Перу в результате продвижения испанцев за пределы островов, т.е. собственно на сам континент.

В то время американский континент, который тогда назывался Новым Светом, начинал принимать участие в системе товарооборота, которая постепенно охватывала весь мир. Объектом обмена и распространения были люди, животные, растения, металлы, промышленные изделия и даже болезни и культура. Естественно, эта деятельность осуществлялась прежде всего для удовлетворения европейских интересов или испанских в частности, в итоге возникла ситуация колониальной зависимости, которая характеризовала Америку в течение последующих веков.

В общих чертах в таком контексте произошли события, связанные с началом колониальной эпохи в Мексике. Если быть точными, они начались на Кубе, где испанцы к тому моменту находились уже более двадцати лет. Стремясь расширить свое

¹ Использование названия «Испания» и обозначения «испанцы» в контексте XVI и XVII вв. относительно неточно, так как различные монархии Иберийского полуострова сохраняли свою индивидуальность, а «королевства Испания» не существовало. Почти всегда в данном тексте под Испанией подразумевается королевство Кастилия, а под испанцами – кастильцы (или жители Эстремадуры или Андалусии, которые также были подданными этой короны), но не арагонцы или каталонцы, например. Необходимо отметить, что с точки зрения Америки и особенно Новой Испании использование терминов «Испания» и «испанцы» оправдано и распространено с XVI в.

влияние, они организовали несколько экспедиций. Одна из них, возглавляемая Франсиско Эрнандесом-де-Кордоба, в 1517 г. привела их к берегам Юкатана. Во время этой экспедиции, которая по сути была разведывательным путешествием, произошли первые контакты между европейским и месоамериканским мирами.

За первой экспедицией последовала вторая, а затем – третья, очевидной целью которой было завоевание, что предполагало уточнение (между испанцами) некоторых юридических моментов, определяющих и регулирующих привилегии и права, к которым стремились конкистадоры. Третья экспедиция, организованная Эрнаном Кортесом, отправилась с Кубы в 1519 г. на деньги, выделенные для основания поселения Веракрус и учреждения городского совета (муниципалитет или орган местной власти по испанской традиции). Так он смог обосновать и самостоятельно организовать экспедицию. Кульминацией военных успехов стал вход испанцев в Мехико-Теночтитлан в конце того же года. Для достижения поставленных задач Кортес прибег к нескольким политическим ходам и особенно к союзу с правителями тласкальтеков.

Стоит напомнить, что Месоамерика на тот момент насчитывала сотни владений, т.е. небольших государств или политических объединений, обладавших различными степенями автономии. На языке науатль они назывались *altépetl*. Хотя это понятие имело эквиваленты в других индейских языках, слово из языка науатль было самым распространенным; позже испанцы перевели его как *поселок индейцев*. Почти все они возглавлялись правителем или наследным «господином», который фактически являлся царем на более низком уровне и лицом, воплощающим в себе политическую легитимность (слово *tlatoani* из языка науатль испанцы перевели как *касик*). Владения являлись основными единицами политической доиспанской организации. Многие из них платили налоги Тройственному Союзу (имперская структура, господствовавшая в те времена), а другие, например тласкальтеки, были независимыми.

Прибытие испанцев в Мехико-Теночтитлан, даже будучи формально мирным, уже через несколько дней превратилось в военную оккупацию с заточением монарха мешиков Мотексумы.

Эта оккупация продолжалась семь месяцев с ноября 1519 по июнь 1520 г., и за это время испанцы получили необходимые средства и информацию, а главное заключили союзы с другими правителями способом, не противоречившим месоамериканскому политическому порядку. В этот период политическая целостность Тройственного Союза была нарушена, хотя тогда же возникло движение сопротивления мешиков, которое завершилось свержением Мотексумы и изгнанием испанцев и их союзников (этот эпизод, известный как *«Печальная ночь»*, занял важное место в народной истории).

Почти сразу в землях Месоамерики началась эпидемия оспы, губительные последствия которой не заставили себя долго ждать. Болезнь пришла в Веракрус примерно в мае 1520 г. и была принесена группой испанцев, защищавших кубинские интересы и пришедших в эти места с целью остановить Кортеса (экспедиция Панфило-де-Нарваэса). Оспа была одним из элементов упомянутого ранее процесса взаимообмена, охватившего всю планету, и до того момента она была неизвестна в Месоамерике. Поэтому ее население оказалось очень уязвимым к этому заболеванию: менее чем за год оно распространилось в глубь территории, унеся жизни около трех миллионов человек. По другим подсчетам эта цифра достигает десяти миллионов человек.

Именно тогда началась в прямом смысле война за завоевание Мексики: ожесточенная и неравная борьба, в которой лошади и огнестрельное оружие, которые были только у испанцев, служили серьезным преимуществом. Основным эпизодом войны стала осада Мехико-Теночтитлана, население которого, несмотря на ослабленное оспой состояние, в течение года оказывало сопротивление, но в конце концов город был захвачен 13 августа 1521 г., а его последний правитель Куаутемок был взят в плен (эту дату испанцы считали символом победы в конкисте и праздновали в течение всего колониального периода). Война, тем не менее, не ограничилась этим событием, а распространилась на другие районы – как на входившие в Тройственный Союз, так и на независимые, – и продолжалась до 1525 или 1526 г. Испанцы одерживали победы во всех своих военных действиях, хотя и не без

ожесточенных боев и больших осложнений (об этом известно очень мало, так как большинство источников посвящено осаде Мехико-Теночтитлана). В то же время различные политические ухищрения и манипуляции позволяли подчинять себе без насилия, по крайней мере без вооруженной борьбы, многие государства центральной и южной части страны, среди которых по своему размеру и политической значимости выделялось царство Мичоакан.

Непосредственным итогом описываемого процесса стало установление официальных отношений господства между испанцами и каждым из более чем пятисот поселений. Это предполагало интенсивную политическую деятельность в период с 1522 по 1525 г., включавшую в себя обсуждения, переговоры и соглашения, зачастую приводившие к конфликтам. Для установления этих отношений была использована система *энкомьенды*, которая заключалась в официальном назначении в каждой из областей командора из числа конкистадоров. Эта система предполагала, с одной стороны, что области сохранят свой характер политического органа, свои властные функции и возможность взимания налогов, а с другой стороны, что значительная часть этих налогов будет доставаться командору. Последние должны были поддерживать состояние боевой готовности и оберегать военные и политические достижения испанцев. Некоторые индейские владения, считавшиеся особенно важными (Мехико и владение тласкальтеков, например) контролировались представителями короны.

Установление центральной власти, представляющей кастильскую монархию, происходило по мере того, как конкистадоры закрепляли свои успехи во имя короля. Первым шагом в этом процессе, основанным на политическом формализме, стало утверждение и легитимация *Королевства Новой Испании* как преемника «империи Мотексумы» (т.е. Тройственного Союза). Согласно этой идее, конкистадоры решили возродить разгромленный и полуразрушенный город Мехико, чтобы сделать из него столицу новой конкисты, преодолевая проблемы, связанные с озерным расположением города. Помимо этих мер огромной символической значимости, установление такого правительства предполагало формирование различных постов и должностей,

особенно в том, что касалось налоговых сборов и судебного управления, – очень важных для монархии вопросов. Она в свою очередь посчитала целесообразным вывести некоторые провинции или районы из сферы влияния Мексики, учредив отдельные правительства в Пануко (на короткий период), Гватемале (с 1527 г.) и Юкатане (с 1527 по 1549 и снова, начиная с 1565 г.).

В то же время в Месоамерику прибыло много испанцев, число которых с 1522 по 1523 г. все возрастало. Их называли *поселенцами*, чтобы отличать от военных конкистадоров, с которыми им приходилось уживаться, хотя постепенно их интересы начинали расходиться. И те, и другие – но в большей степени поселенцы – принялись основывать поселения, учреждая официальную власть в виде городского совета, и устанавливая торговые связи – как внутренние, так и с Антильскими островами и Испанией. Они начали ввозить животных, растения и европейские изделия в Новую Испанию и распространять практику животноводства, земледелия и производства. Все это стало фундаментом того, что со временем должно было образовать четко определенные и отвечающие испанским культурным традициям регионы, как это произошло, например, с одним из самых значительных поселений – Пуэбла-де-лос-Анхелес в 1531 г.

Не меньшее значение в описанном выше контексте имело прибытие с 1524 г. монахов нищенствующих орденов (францисканцев, доминиканцев и августинцев) и постепенное распространение их *доктрин* или основ евангелизации и церковного управления в каждом из подчиненных районов. Монахи пользовались большим авторитетом и выполняли важную роль в идеологическом оправдании конкисты, так как в контексте христианской мысли она была возможна только, если вела в конечном итоге к обращению язычников в христианскую веру. В своей деятельности монахи, или монахи-наставники, опирались на поддержку хозяев энкомьенд и особенно правителей из числа коренных жителей; кроме того, они зависели от налогов для поддержания своего существования. Используя эти ресурсы и активно выполняя поставленные задачи, они за короткое время смогли распространить некоторые религиозные практики, такие как креще-

ние, посещение месс (которые сопровождались музыкой, пением и празднованиями) и культ святых, а также научили уважать христианские нормы в отношении половых отношений и брака.

Описываемые события требуют некоторых замечаний, необходимых, чтобы дать надлежащую характеристику этих начальных лет колониальной эпохи. Первое замечание заключается в том, что в месоамериканском мире произошли коренные изменения, но некоторые его аспекты остались прежними и нетронутыми. Самый яркий пример тому – это владения, сохранившиеся в качестве ключевого элемента местной власти, налоговой системы и основы евангелизации. Преемственность была очевидной в тех областях, которые заключили союзы с конкистадорами, особенно во владениях тласкальтеков (которые сохраняли привилегированное положение в течение всей колониальной эпохи), но также и в тех, которые были подчинены силой. В большинстве из них после завершения боевых действий испанцы назначили новых правителей из числа своих союзников, которые сохранили местные институты.

Объяснить эту преемственность очень просто: испанцев было мало, и их возможности были ограничены. Их положение было господствующим, но они не могли (и не хотели) брать на себя многочисленные задачи, связанные с управлением такой большой и разнообразной страной. Как тогда они могли достичь своих целей: остаться в этих землях, добиться богатств и других благ, навязать свои ценности, обеспечить приемлемый уровень безопасности? Только передавая другим те функции и работу, которые они сами не могли выполнить, т. е. устанавливая систему косвенного господства. Месоамерика позволяла сделать это благодаря предшествующему опыту Тройственного Союза (который во многом основывался на похожей системе косвенного господства), а также благодаря тому, что существовавшие политическая, социальная и экономическая системы вполне соответствовали этим целям. Суть их заключалась в сохранении системы управления, что означало преемственность функций власти, судебного управления, поддержания порядка, организации труда и взимания налогов. Эти принципы были реализованы на практике благодаря

политической чуткости Кортеса. Может показаться парадоксальным, но сотни районов в течение этого периода больших перемен не претерпели никаких изменений в своих правящих кругах, социальном составе, экономической жизни, территориальных границах, владениях, степени автономии и культуре. В конце концов, подобное соглашение им также было выгодно, по крайней мере правящей элите, которая сохраняла – на данный момент – свое привилегированное положение.

Намного больше конфликтов было в отношениях между самими испанцами. Конкистадоры неистово соперничали за высшие должности в самых доходных энкомьендах или за первые места в правительстве. Разум многих из них затуманивался жадностью, безответственностью и насилием, и к 1525 г. их соперничество приобрело такой масштаб, что сам проект конкисты оказался под угрозой срыва. Вмешательство короны, которая в 1528 г. учредила суды или трибуналы с властными полномочиями, а также прибытие монахов и других поселенцев смягчили эту нестабильную ситуацию, хотя и спровоцировали новые конфликты. Самый крупный из них был связан с именем Нуньо де Гусмана, который в качестве первого председателя суда возглавил злополучное правительство, а позже начал завоевание западной Месоамерики более жестокими и менее политическими методами, чем те, которые использовал Кортес. Желая отмежеваться от Новой Испании, он назвал свои завоевания *Королевством Новая Галисия* и установил там собственное правительство в 1531 г. Но оно, формально признанное короной, не смогло стать полностью независимым от правительства Мексики.

Консолидация конкисты (1530–1560)

Примерно с 1530 по 1560 г. произошло то, что можно назвать консолидацией конкисты. В сравнении с предшествующим этот этап был спокойнее, но тем не менее в эти годы также произошло много бурных событий. В следующих абзацах будет вкратце рассказано о самых важных событиях этого периода.

Во-первых, следует сказать о возвращении к мирному времени вследствие окончания почти непрерывных войн между индейскими вождями, выполнения военных задач конкисты и прекращения вооруженных конфликтов между испанцами, а также благоразумного установления системы косвенного господства, о чем говорилось ранее. Среди исключений в этой хронологии оказались Юкатан, где процесс конкисты проходил намного медленнее, и Новая Галисия, где агрессивная политика Гусмана спровоцировала кровавое восстание касканов, или *Миштонскую войну* (1540–1542 гг., на севере современного штата Халиско).

Второй аспект консолидации конкисты был выражен в парадоксальном смещении конкистадоров с официальных постов во власти и их замене образованными чиновниками (или, по крайней мере, теми, кто вел себя более цивилизованно) на самом высоком уровне. Этот факт, означавший установление гражданского правительства, вызвал возмущение конкистадоров, но корона победила, и с 1535 г. ее представительство осуществлялось через фигуру наместника, или вице-короля, обладающего самыми широкими властными полномочиями. Большинство вице-королей происходили из кастильской знати.

Консолидация конкисты проявилась также в интеграции индейских владений – основных единиц доиспанской политической организации – в колониальную систему. Речь идет о сложном процессе, обусловленном различными обстоятельствами, среди которых самым важным была новая большая эпидемия, начавшаяся в 1545 г. На этот раз речь шла о кори, еще одной болезни, также неизвестной в месоамериканских землях, которая вызвала второе и, вероятно, самое значительное сокращение населения.

Помимо этой трагедии, интеграция городов-государств в колониальную систему предполагала глубокие изменения, которые в определенной степени можно считать ценой, заплаченной ими за дальнейшее существование. Среди этих государств были существенные различия, которые отражали их сложную и разнообразную доиспанскую историю, но испанцы стремились стереть их – отчасти из-за неспособности понять их, а отчасти – из-за желания сделать панораму Новой Испании однородной. Для достижения этой цели они использовали разные средства.

Первое заключалось в том, чтобы насадить сословную организацию по примеру кастильских городских советов, что было логичным, так как и те, и другие были признаны органами политической власти с юридическим лицом, территориальными границами и относительной автономией. Эта реформация отчасти отразилась в том факте, что города были переименованы, как уже говорилось, в *поселки индейцев* (хотя слово *altépetl* из языка науатль и его эквиваленты в других языках также сохранились). Городские советы в поселках индейцев назывались *органами республики* и были связаны с алькальдами и городскими советниками по образу своих испанских коллег. Эти посты занимались представителями знати или знатных родов (так называемыми *благородными людьми*), а дополнительная должность правителя предназначалась для касиков. Разработанная система была ограничена выборами, чтобы обеспечить сменяемость различных групп и интересов, а кроме того, было учреждено казначейство, или *общественная касса*, хотя она и не имела особого смысла до тех пор, пока использование денег не стало повсеместным. В зависимости от конкретных обстоятельств все это могло означать либо простую смену названия существовавшей доиспанской практики, либо по-настоящему конфликтные изменения.

Второе средство заключалось в том, чтобы унифицировать налоговые повинности так, чтобы глава каждой семьи в индейском поселке платил обладателю энкомьенды – а в некоторых случаях непосредственно короне – один песо и половину фанеги майса в год или их эквивалент (что не освобождало от других местных повинностей). Внедрение этих перемен заняло много времени (так как сначала нужно было распространить использование денег), и, как и следовало ожидать, в зависимости от ситуации их воздействие на простых людей было очень разным. Как правило, от этого бремени были освобождены представители знати и благородные люди, а также их личные подчиненные (*mayeques*), которых в некоторых поселениях было почти столько же, сколько и налогоплательщиков (*macehuales*).

Третье средство заключалось в том, чтобы стимулировать поселки индейцев организовывать поселения городского типа – с

центральной площадью, возвышающейся церковью и прямыми улицами, какими они являются сегодня. Как правило, в каждом поселке индейцев формировалось несколько мест с такими чертами, одно из которых было *главной частью*, а остальные – *второстепенными*. В первые годы эти изменения происходили очень медленно, но в конце концов стали одним из самых важных факторов интеграции индейских поселков в колониальную систему и их постепенной трансформации.

Евангелизация была тесно связана с этими изменениями, так как монахи-наставники тоже имели отношение к описанному выше процессу. Не стоит забывать, что поселки индейцев являлись оперативной базой для служителей религии, которые стремились строить монастыри с храмами в каждом из поселков (преимущественно в *главной части*) и пропагандировали в каждом поселении культ того или иного святого; кроме того, они оказывали влияние на выборы органов республики и тратили значительную часть налоговых выплат на цели культа. Все это способствовало усилению новой самобытности поселков индейцев и укреплению центральной власти церкви. Опираясь на эту структуру, а также при помощи обучения детей и смены поколений монахи смогли (иногда силовым путем) подавить доиспанские ритуалы и авторитет доиспанских священников. Но в то же время они упрочили положительные стороны своей деятельности, распространяя культуру и давая полезные уроки по истории и языкам, о чем свидетельствуют произведения монаха Торибио де Мотолиния и Бернардино де Саагуна. Они также начали возводить свои монументальные и живописные монастырские сооружения, рассчитанные на многочисленных посетителей и предназначенные для реализации части проекта по конкисте и аккультурации.

Еще один аспект этапа консолидации конкисты заключался в упрочнении связей с внешним миром, хотя и с некоторыми ограничениями. Учитывая, что метрополия не позволяла своим американским владениям пользоваться полной свободой в этом отношении, потоки людей, товаров и информации сильно контролировались и должны были подчиняться ограничениям, квотам и установленным маршрутам. В Испании единственным портом,

которому разрешалось поддерживать связи с Америкой, была Севилья; в Новой Испании этой исключительной привилегией пользовался порт Веракрус. Для сравнения, торговля по Тихому океану была свободнее, и Новая Испания очень скоро установила связи с Перу, используя для этого порты Уатулько и Акапулько.

Несмотря на ограничения, иммиграция испанских поселенцев была значительной, и к середине века их число достигло 20 000 человек. Они поселялись в основном во внутренних районах (где были основаны города Антекера-де-Оахака и Вальядолид-де-Мичоакан), избегая горных и прибрежных участков. Наряду с Мехико и Пуэблой (а также Гвадалахарой в Новой Галисии и Меридой в Юкатане) эти города укреплялись как экономические и политические центры. В каждом из них был учрежден городской совет и храм со своим епископом (и другой совет, церковный), возводились здания европейского типа и развивались собственные культурные стили. Город Мехико стоял во главе не только из-за своего политического значения, но также из-за экономической и культурной значимости (в 1553 г. там был открыт университет), но и остальные города оказывали влияние на соседние территории, ограниченные соответствующими епископствами. Из этих территорий спустя время образовались некоторые интендантства поздней колониальной эпохи, а затем и штаты республики.

Одновременно с описанными выше событиями начался процесс биологического и культурного смешения. Хотя было много противников (особенно среди монахов) контактов между индейцами и испанцами и хотя законодательство всегда подчеркивало разницу между ними, эти два сегмента населения очень скоро установили тесные взаимоотношения. В большинстве случаев это были неофициальные половые отношения, но были также и официальные браки, особенно между испанцами и знатными представителями индейских народов. К 1550 г. на науатле и других индейских языках бегло разговаривали многие испанские поселенцы. Также немало касиков и представителей знати скоро приняли испанский язык, а в некоторых религиозных школах представителям индейской элиты объясняли премудрости испан-

ской культуры, в частности, латинское ораторство (хотя и недолго). Кроме того, необходимо добавить к этому прибытие в Новую Испанию большого количества африканских рабов (около 15 000 к середине века). Большинство из них были мужчинами, и они быстро вступали в отношения с индейскими женщинами.

Дальнейшее смешение сопровождало появлению новых для Месоамерики видов хозяйственной деятельности, последствия чего были ощутимы как внутри, так и вне региона. Внутри региона животноводство (особенно разведение коров и овец), производство пшеницы и сахара, разведение шелковичных червей и эксплуатация серебряных шахт привели к глубоким изменениям в окружающей среде; вне региона изменения произошли в торговле с Испанией и Перу, которая включала в себя торговлю серебром, красителями и промышленными изделиями (ткани, орудия производства, мебель). В то же время возник рынок труда (особенно в городах), появились новые транспортные средства (как правило, использовались кучера), и распространилось использование монет, которые чеканили в Мехико с 1536 г. Так были посеяны ростки капиталистической экономики, а Новая Испания стала участником мирового товарооборота.

Спрос растущего испанского населения и новые торговые возможности обусловили появление особого типа сельскохозяйственных предприятий с единой инфраструктурой, постоянной рабочей силой, строгой организацией и явным стремлением к прибыли. Первым примером стали сахарные заводы в окрестностях Куэрнаваки, чья рабочая сила в большинстве своем состояла из африканских рабов. В этих предприятиях можно увидеть зачаточную форму поместий, которые имели большое значение в сельской жизни Новой Испании.

Последним признаком консолидации конкисты было начало экспансии на север. Она началась с различных экспедиций и разведывательных путешествий, стимулом для которых была надежда найти богатства в вымышленных «семи городах Сиболы», расположенных где-то в центре континента, но особый импульс им придало открытие серебряных месторождений в Сакатекасе на территории Новой Галисии в 1548 г. Данный факт привлек в эти места и окрестности (земли, ранее занимаемые только племе-

нами охотников и собирателей) огромное количество поселенцев разного типа, что способствовало прокладке дорог, появлению сельскохозяйственных земель и распространению животноводства.

* * *

Безусловно, на большей части Новой Испании установился мир, но это не означало, что конфликтов не было: конфликты продолжались и были довольно интенсивными; единственное, что они разрешались без особого скандала.

Если предыдущие годы можно охарактеризовать как период тесного контакта между индейцами и испанцами, то с 1530 по 1560 г. доминирующей темой стало превращение Новой Испании в нечто большее, чем то, о чем грезил конкистадор.

Однако проектов по построению страны было много, как и различных интересов, возникших в связи с этим. Испанцы в большинстве своем поддерживали один из трех основных проектов. Один из них непосредственно вытекал из опыта первых контактов, и его суть заключалась в системе косвенного господства, основанной на сохранении доиспанских владений, и в которой главными звеньями остались бы обладатели энкомьенд, служители церкви и касики. Другими словами, Новая Испания должна была консолидироваться как закрытое и консервативное сообщество вассального характера, в котором власть и принятие решений являются прерогативой привилегированных лиц. Согласно идее этого проекта, надо было наградить конкистадоров, никто лучше монахов-наставников не смог бы защитить интересы веры, а касики были необходимы для осуществления господства.

Но этой точки зрения не придерживались другие испанцы, и особенно поселенцы, которых становилось все больше и больше. В принципе они требовали своего собственного пространства и правительства, которое представляло бы их интересы, так как они не собирались подчиняться власти обладателей энкомьенд, что было логичным. Учитывая, что они имели численное преимущество в новых городах, они поддерживали проект формирования

сильных городских советов с большой автономией. Они также были заинтересованы в индейцах в качестве рабочей силы, но этим правом преимущественно пользовались обладатели энкомьенд, священники и касики. В вопросах веры они предпочитали епископов и мирское духовенство. Они хотели, чтобы Новая Испания была больше похожа на Испанию с более открытым и свободным обществом, а также с более прямым господством, ориентированным на эксплуатацию.

Третий вариант был предложен короной, которая допускала некоторое пространство для описанного выше проекта, но предпочитала сильную центральную власть, которая позволяла бы управлять не только индейцами, но и испанцами, и которая, помимо прочего, гарантировала бы Испании максимальную прибыль от страны и ее жителей. Контролировать испанцев оказалось сложнее всего, так как почти все те, кто пересекал Атлантику, были людьми амбициозными и непокорными.

Корона знала, что, несмотря на свой авторитет, она не располагала эффективными средствами управления – армией и бюрократическим аппаратом, и когда было необходимо принять новые законы, ограничить претензии обладателей энкомьенд и монахов или контролировать агрессивные городские советы, ей приходилось использовать политические средства и запасаться терпением. То, что королевская власть была ограничена, стало очевидным в 1543 г., когда намерение короны наложить ряд ограничительных мер, называемых «Новые законы», встретило мощный протест. В Перу угроза местным интересам была настолько велика, что вспыхнуло восстание, в результате которого был убит вице-король. Вице-королю Мексики Антонио де Мендосе этот урок пошел на пользу: он понял, что лучше выждать, создать противоречивое законодательство, столкнуть между собой различные интересы и вмешаться только для того, чтобы принять решение в последней инстанции. Он полагал, что такая система правления будет оптимальной для поддержания спокойствия среди недисциплинированных испанцев Новой Испании, и доказал это в 1549 г., когда смог создать выгодные для поселенцев налоговые условия (так называемое *распределение* – схема обязательной, хотя и оплачиваемой, работы, налагаемой на поселки индейцев) так,

чтобы это не воспринималось как ограничение интересов обладателей энкомьенд.

Обстоятельства благоприятствовали проекту короны, так как экономическая динамика и экспансия на север служили выпускным клапаном, который успокаивал самых амбициозных и недовольных. Это также позволило не допустить серьезных столкновений с поселками индейцев, которые в случае недостатка имеющихся средств, вероятно, были бы неизбежными. Экспансия, к примеру, открывала возможности для развития животноводства. Даже индейцы нашли пользу в динамике и росте страны, и некоторые из них, пользуясь спросом на рабочую силу и личной свободой, которой раньше у них никогда не было, переехали в города или на север. Этими возможностями воспользовались метисы, которые обычно отличались врожденной культурной гибкостью, позволявшей им быстро адаптироваться практически к любому обстоятельству.

Завершение процесса основания Новой Испании (1560–1610)

Короне удалось закрепить свои проекты и свою систему управления примерно между 1560 и 1610 гг. В этот период произошли различные события, многие из которых открыли большие перспективы для Новой Испании. В некоторой степени этот этап с большей ясностью, чем предыдущие, позволяет увидеть дальнейшее развитие. Однако лучше всего эти события характеризует тот факт, что все вместе они способствовали завершению процесса основания Новой Испании.

Начало этого этапа было отмечено бурной экспансией на север, или в глубь территории, как говорили тогда в Новой Испании. Самым большим стимулом для нее послужило открытие серебряных рудников, которые приносили быструю экономическую выгоду, хотя существовали также и земледельческие и животноводческие интересы. Возможность того, что все это пойдет на пользу Новой Галисии и в ущерб городу Мехико, побудила вице-королей разработать свои собственные схемы завоевания и

создать в 1562 г. отдельное правительство для территорий к северу от Сакатекаса. Это правительство, *Королевство Новая Бискайя* (расположенное на территории современных штатов Дуранго, Чиуауа, Сонора и большей части Синалоа) производило впечатление некоторой автономии, но на самом деле было продолжением Новой Испании, полностью отвечающим ее интересам. Для тех же целей создавались отдельные правительства на других территориях, занятых позже в соответствии с интересами вице-королевства: Новый Леон и Нуэво Мехико. Все эти юридические разделения по сути сохранились и до сих пор.

В результате политической, социальной и экономической интеграции территорий, занятых во время начального этапа экспансии на север, произошел рост основной части Новой Испании. Эти территории, первоначально не входившие в месоамериканский мир, за короткое время дали импульс еще большей – и еще более богатой – динамике развития регионов Новой Испании, которые будут называться Бахио. Многие поселения, основанные в этих местах, формировали модель поместий или агроживотноводческих ферм, которые были здесь основным элементом колонизации.

Экспансия сопровождалась активным строительством новых городов, как в Бахио, так и на севере: Дуранго (1563 г.), Санта-Барбара (1567 г.), Херес (1569 г.), Селая (1571 г.), Самора (1574 г.), Агуаскальентес (1575 г.), Леон (1576 г.), Сальтильо (1577 г.), Сан-Луис-Потоси (1592), Саламанка (1602), Санта-Фе (1609), а также те, что сохранились, но со временем потеряли свое значение. Начиная с 1591 г. в этих районах страны также появлялись поселения индейских групп, происходящих из Тласкалы и Мичоакана.

С появлением испанцев север захлестнула новая волна насилия, которая, хотя и менее интенсивная, была масштабнее, чем на колониальном этапе. Речь идет о *Чичимекской войне* – череде столкновений с полукочевыми племенами, которые действовали независимо и осуществляли периодические вылазки. Если бы в этих местах была воспроизведена система господства, установленная в месоамериканском регионе, этого конфликта, вероятно, можно было бы избежать, но огромные культурные различия ме-

жду испанцами и племенами, отсутствие стабильной политической организации и налоговой системы, захват испанцами коренных жителей в качестве рабов (что особенно часто практиковалось в Новом Леоне) помешали найти приемлемое решение. Правительство пыталось решить проблему с помощью военных постов или *гарнизонов*, что обеспечило контроль над поселениями, но также способствовало новой волне насилия. Конфликт завершился только тогда, когда вице-король маркиз Вильяманрике начал проводить с 1585 г. мирную политику, хотя на тот момент многие племена были уже истреблены. Тем не менее север был охвачен насилием. Спустя некоторое время вспыхнули восстания с участием северных оседлых народов (акашей в 1600 г. и тепеуаны – в 1616 г.).

Эти годы были бедственными для индейского населения в целом – не только на севере. Третья большая эпидемия, вероятно тифа (1576–1581), стала причиной последней демографической катастрофы, в результате которой население сократилось почти до двух миллионов человек, а многочисленные народы нижних земель и прибрежных зон окончательно исчезли. Население еще будет сокращаться в течение последующих десятилетий, а потом очень медленно восстанавливаться. Но времена, когда испанцы терялись в подавляющем большинстве индоамериканского населения, остались позади. Примерно в 1600 г., если не учитывать региональные различия, один из каждых четырех или пяти жителей Новой Испании был испанцем или был ассимилирован в испанскую культуру. Соотношение было еще большим в Новой Галисии, но не в Гватемале, на Юкатане и в северных провинциях, где испанское население было относительно менее значительным.

Демографический спад имел несколько последствий в других аспектах. Самым заметным было постепенное вытеснение обладателей энкомьенд, религиозных наставников и касиков, так как их власть ослабевала, а доходы снижались. Что касается первых, то смена поколений позволила легко сместить их с занимаемых позиций, в результате чего функции по взиманию налогов почти со всех индейских поселений перешли в руки правительства. Мо-

нахи-наставники (чьи религиозные ордены испытывали период спада) были постепенно заменены мирским духовенством, подвластным епископам. Обедневшие и потерявшие авторитет касики не могли противостоять появлению новых властных структур в своих поселках, и к началу XVII в. они были вытеснены из большинства органов власти республики.

Как ни парадоксально, именно тогда, особенно в годы между окончанием конкисты и большой эпидемией, монахи смогли завершить свои блестящие архитектурные памятники (результаты обстоятельств) и развитие связанных с ними художественных явлений: картины, портреты, скульптуры и т.д. Гармоничный комплекс этих произведений в многочисленных индейских поселках центральной Мексики (но не в нижних землях, кроме Чьяпаса и Юкатана) открыл новую главу блестящей истории колониального искусства.

В благоприятных условиях, когда количество групп, господствовавших в течение периода конкисты, снижалось, центральное правительство в некоторой степени смогло упрочить свои позиции и утвердить главенство вице-короля, судов и других представителей проекта господства короны. Это произошло, например, с ее делегатами на местном уровне: *коррехидорами* и *алькальдами*. И те, и другие (они выполняли практически одни и те же функции) постепенно заменили обладателей энкомьенд как связующее звено между индейскими поселками и сборщиками налогов, ограничивая их автономию. Правительственный контроль над системой труда стал могущественным оружием в политической борьбе с испанскими поселенцами.

Консолидация центральной власти опиралась также на некоторые важные события. Одни из них имели политический характер, как дискредитация обладателей энкомьенд после восстания с участием Мартина Кортеса (сына конкистадора) в 1566 г., или как учреждение пять лет спустя Трибунала Святой инквизиции, чьи достижения в области политического и идеологического контроля были не менее значительными, чем в области религии. Не менее важным был рост бюрократического аппарата, о чем свидетельствует расширение штата судов в 1568 г., учреждение Индейского суда в 1592-м и Счетной палаты в 1605 г. Другие собы-

тия относились к области экономики, в частности наложение в 1574 г. налога *алькабала* (которым облагались торговые операции, за исключением тех, что производились церковью и индейскими поселками) и другие меры, которые пополнили налоговые поступления в пользу короны.

В то же время произошло усиление церковных органов, не имеющих отношения к обстоятельствам конкисты и контролируемых правительством на основании привилегий, выданных папской властью испанским монархам (что являлось так называемым *королевским покровительством*). В этом процессе особое значение имело укрепление позиций соборов и епископов благодаря взиманию десятинного сбора, церковного налога, которым облагалась сельскохозяйственная продукция испанских поселенцев, и размер которой рос вместе с их количеством. Прибытие в 1572 г. иезуитов, которые не вмешивались в религиозное управление коренным населением (кроме севера), а сконцентрировали внимание на обучении испанцев и воспитании интеллектуальной элиты, также имело большое значение.

В области торговли была установлена закрытая и протекционистская система, которая распространялась как на Новую Испанию, так и на остальные испанские владения в Америке. Самым заметным ее проявлением стало сведение торговли через Атлантический океан к одному единственному маршруту, по которому с 1561 г. группа кораблей с вооруженным сопровождением совершала свое путешествие один раз в год с тщательно учтенными и облагаемыми различными налогами грузами. В Севилье была учреждена гильдия торговцев или *консульство*. Если торговля никогда не была свободной, то установление описанных выше условий сделало ее еще более ограниченной и дорогостоящей. В этих обстоятельствах особенно заманчивой становилась контрабанда.

Параллельно с этими событиями в начале правления Филиппа II (1556–1598) испанцы снова вспомнили свою старую мечту добраться до Азии через Тихий океан. В конце концов они добились своего, отправившись в 1564 г. из порта Навидад и оказавшись в Маниле в 1571 г. Когда Филиппины попали в зависимость от Новой Испании, торговля через Тихий океан приобрела новый

размах. Десятки китайских джонок из Кантона везли в Манилу специи, шелка и фарфор, которые испанцы покупали на мексиканское золото и везли в Акапулько в соответствии с регламентированной системой ежегодного отправления галеонов.

Акапулько также был связующим звеном в торговле с Перу, а так как она была такой же активной, как и с Новой Испанией, товарооборот через Тихий океан значительно увеличился. К концу XVI в. его объем превысил объем торговли между Веракрусом и Севильей. Но так как это противоречило интересам Испании, корона начала ограничивать торговлю между Перу и Мексикой и запретила ее в 1631 г. Восемь лет спустя торговля снова была разрешена, но при условии, что китайская продукция перевозиться не будет.

В Новой Испании развитие торговли сопровождалось зарождением могущественной элиты торговцев. Ее представители, подражая севильцам, учредили в городе Мехико в 1592 г. свое собственное консульство. В их руках оказалось управление морскими связями по обоим океанам, контроль над импортом и, конечно же, над ценами. Они стали скупать товары и накапливать деньги, а их политическое влияние и экономическая власть постоянно росли. Корона стремилась запретить в американских землях производство некоторых товаров (орудий труда, вина, бумаги, тонких тканей) с явным намерением защитить испанских производителей, но в итоге она уступила интересам ненасытных торговцев. Последние, однако, не довольствовались своими привилегиями и увеличивали прибыль, получая дополнительные доходы от контрабанды.

* * *

Описанные выше факты показывают, что обстоятельства конкисты сменялись настоящей системой колониального господства. Формировалась принятая во всем мире политика эксплуатации ресурсов, отвечающая реалиям, проблемам и интересам мира испанцев, не имеющая ничего общего с ограниченными и неустойчивыми подходами конкистадоров и энкомендерос, а также с проектами и идеалами, в центре которых находились индейцы,

например, когда ставились первые цели евангелизации. Во второй половине XVI в. уходящий мир конкисты, так прочно укоренившийся как в испанском, так и в доиспанском прошлом, наслаивается на первые проявления нового по сути порядка.

Своеобразие Новой Испании в значительной степени опиралось на преемственность многих черт доиспанского прошлого, но речь вовсе не идет о статической неизменности. Уже тогда в некоторых элементах этой преемственности происходил перелом, например, крах системы правления касиков. Более того, перемен становилось все больше и в конце концов мир, созданный в начале XVII в., значительно отдалился от своего прошлого. Новая Испания имела девяностолетний опыт, который был вполне удачным с испанской точки зрения. Проблемы, связанные с доиспанским миром, например политическое подчинение, экономическое господство, физическое сосуществование, обращение в христианство и другие, не были окончательно разрешены, но были преодолены, а в отношении тех проблем, которые, по мнению испанцев, были присущи колониальному положению вещей, были приняты меры, позволявшие если не преодолевать их, то держать под контролем. Если проследить дальнейшее развитие национальной истории, то можно увидеть характерные черты страны в целом, которая станет независимой в 1821 г., особенно если учесть экспансию на север.

Необходимо отметить положение, которое занимала Новая Испания в мире. Ее продукция из серебра (такая же, как и в Перу) распространялась не только в Испании, но и в значительной части Европы, так как целью было выплатить крупные долги испанской короны и приобрести те товары, которые слаборазвитая в промышленном отношении Испания сама производить не могла. Распространение этого металла оказывало огромное влияние на европейскую экономику. С другой стороны, серебро из Новой Испании также распространялось в Китае (где мексиканские монеты использовались до XIX в.) и достигало по разным торговым маршрутам Индии и других регионов Азии. Когда в 1610 г. в Мексику с большими надеждами прибыло торговое японское представительство, все указывало на то, что Новая Испания, или,

по крайней мере, ее часть, стала ключевым элементом новой конструкции, объединяющей всю планету: это удивительно, если учесть ту изолированность, в которой пребывала Месоамерика за несколько десятилетий до этого. Более того, описанный товарооборот не был чисто торговым, но вовлекал в себя и значительную культурную составляющую, в частности тесную связь с Перу. Однако Новой Испании, готовой занять свое место в мире, пришлось сдерживать свои порывы.

Не будет лишним отметить, что Испания в то же время пережила существенные перемены. Одной из причин расширения коронной административного аппарата было желание укрепить и сделать более эффективной систему налоговых сборов, которая приобретала все большую значимость, так как Испания, плохо управляемая, постоянно находившаяся в состоянии войны, с большими задолженностями и обедневшая, старалась оправиться от серьезной травмы после поражения своей Непобедимой Армады от англичан в 1588 г. Некоторые критики и социальные реформисты (их называли *прожекторами*) предложили и применили ряд принципов правления или «проекты», с помощью которых предполагалось избежать или, по крайней мере, отсрочить то, что было очевидно всем в Испании: конец ее имперской гегемонии, который компенсировался лишь блестящим Золотым веком в литературе. Маятник власти качнулся в сторону стран северной Европы. Для американских владений это означало все новые экономические требования со стороны метрополии.

Период зрелости и автономии, 1610-1760

Встреча с внешним миром, 1610-1650

Три рассмотренных этапа закрывают в колониальной истории начальный период, и далее в ней начинают проявляться более зрелые черты. С самого начала и до середины века произошло множество бурных событий.

Голландцы (недавно освободившиеся от испанского господства), англичане и французы становятся хозяевами морей. Новая расстановка сил стала очевидной в 1621 г., когда была создана

голландская вест-индийская компания, которая держала в страхе испанские суда в Атлантическом и Тихом океанах. Захват голландской эскадрой флота, вышедшего из Веракруса, в районе Кубы в 1628 г. продемонстрировал упадок Испании и привел к серьезным убыткам для торговцев Мексики. Впоследствии опасность морских путей стала постоянной проблемой.

В этих условиях прожектеры, которые в 1621 г. пришли к власти в лице графа-герцога де Оливареса (фаворит короля Фелипе IV), инициировали амбициозную программу реформ для всей империи. Ее реализация в Новой Испании была предоставлена вице-королю, маркизу де Гельвесу, которому поручили повысить налоговые сборы, борьбу с контрабандой и с действиями, преследующими частные интересы. Но этому человеку не хватало политической чуткости, и он действовал с чрезмерным рвением, пренебрегая местными порядками, что в итоге стало причиной вражды между ним и самыми сильными группами власти в Новой Испании: судом, городским советом Мехико, консульством, церковными должностными лицами и т.д. Соперничество с архиепископом сделало его положение невыносимым.

Развязка конфликта была необычна для колониальной истории: вице-король был свергнут в 1624 г. в результате государственного переворота, организованного судом, который воспользовался критическим моментом, чтобы насильно отстранить его от власти под угрозой народного восстания. Это событие показало, что в Новой Испании политика делалась по своим правилам и что, несмотря на упрочнение центральной власти, она далеко не была прочной и всесильной в угоду метрополии. Авторитет короля признавался, но реальное положение дел лимитировало его. Испанцы Новой Испании заставляли уважать свои мнения и свои интересы. Настал момент, когда они смогли реализовать один из проектов страны, разработанных во времена основания Новой Испании: проект поселенцев с более открытым и свободным обществом, похожим на метрополию, и с большими полномочиями для деятельности городских советов, мирского духовенства, земледельцев, владельцев рудников и торговцев.

Короне пришлось считаться с этими обстоятельствами, потому что в противном случае она рисковала потерять больше, кроме того, у нее были иные приоритеты, для которых ей была необходима добрая воля местных элит. Одним из этих приоритетов была консолидация так называемого *Союза оружия*, финансовой схемы, посредством которой планировалось потребовать от самых богатых сословий империи выплаты крупных сумм для поддержания короны. Помимо этого шла подготовка к формированию оборонительного морского корпуса для Карибского бассейна *Армада Барловенто* (1635), содержание которого поручалось городскому совету и торговцам Мехико. Также были увеличены субсидии на возведение укреплений и защитных корпусов за пределами территории Новой Испании.

В результате этих мер большая часть серебра из Новой Испании перестала отправляться в Севилью, но направлялась на цели обслуживания и обороны других испанских владений: Филиппин, Кубы, Санто-Доминго, Ямайки, Флориды. В конце XVII в. для этих целей направлялась уже почти половина налоговых поступлений Новой Испании. Метрополия компенсировала свои потери огромными денежными переводами из чрезвычайно процветавшего на тот момент Перу.

Новой Испании пришлось привыкнуть к проблемам, вызванным слабостью метрополии, и принять новую роль, определенную метрополией в рамках своей империи. Это означало, что городские советы, торговцы и другие сословия были обязаны платить. Но и в этой ситуации была своя выгода, ведь взамен они получали существенные привилегии в сфере большой политики и делах местного характера.

Самым важным из них по своему политическому значению и по воздействию на экономическую панораму Новой Испании стало наводнение города Мехико, которое произошло в 1629 г. и продлилось пять лет. Защищать город от воды, осушая бассейн, было проблематичным. На строительство тоннелей и каналов были потрачены огромные деньги, но этого было недостаточно. Наводнение вызвало ожесточенные политические споры (например, сверженного вице-короля обвинили в том, что он из-за своей экономности приказал приостановить строительство важнейших

дренажных объектов) и вызвало небывалый спрос на трудовую повинность (чтобы завершить и расширить эти работы), который коснулся всех индейских поселков центра Мексики. Было предложено переместить город чуть выше, к берегам древнего озера, но частные интересы оказались сильнее. Между тем Пуэбла извлекла выгоду из этой ситуации, превратившись, пусть и не надолго, в самый активный торговый и промышленный центр страны.

Косвенным последствием наводнения стало то, что оно сделало невозможной систему трудовой повинности в том виде, в котором она существовала с 1549 г. Нуждаясь в рабочей силе для выполнения срочных осушительных работ, правительство должно было в 1632 г. принять несколько мер, главная из которых предполагала отстранение испанских поселенцев от благ этой системы. Это было трудное решение для вице-короля, так как он терял инструмент, с помощью которого мог оказывать давление (например, несколькими годами ранее городской совет Пуэблы отказался выплачивать взнос в Союз оружия, но изменил свое решение, когда его членам пригрозили ограничить доступ к системе трудовой повинности). Это вызвало недовольство у поселенцев, но в итоге они только выиграли, так как получили доступ к рынку рабочей силы, свободному от правительственного контроля именно в том момент, когда в связи с неблагоприятной демографической ситуацией ощущалась нехватка рабочей силы.

Последняя попытка улучшить политическую обстановку была предпринята в 1640 г., незадолго до того, как группа реформистов была отстранена от власти в Испании. Исполнителем проекта стал Хуан Палафокс, епископ Пуэблы, в разные годы занимавший самые высокие посты в гражданском правительстве, включая должность вице-короля. Палафокс с умом подошел к решению проблем Новой Испании и попытался найти баланс между различными группами интересов, но не смог избежать конфликтов, которые вынудили его вернуться в Испанию в 1649 г. Его тяжба с иезуитами по поводу прерогатив епископа превратилась в настоящий политический скандал. Резонанс, вызванный этим делом, и его потенциально дестабилизирующие последствия

положили конец реформаторским устремлениям короны. Палафокс, защищавший мирское духовенство, стал поборником политического и социального проекта испанцев в Новой Испании.

Бедность короны способствовала этому процессу. Вопрос налоговых сборов рассматривался как приоритетный. Поэтому корона поддержала некоторые действия правительства, которые обеспечивали ей экономию административных средств и надежный доход, несмотря на то, что они были сомнительными с точки зрения борьбы с корыстными интересами или коррупцией. Это особенно относилось к практике продажи государственных должностей, т. е. передачи функций гражданского управления или управления государственными финансами, как, например, управление нотариальными конторами (или государственным нотариатом), доставка почты, управление монетным двором, сборы налогов (или должность коррехидоров или алькальдов) и взимание алькабалы (которое в течение долгого времени выполнял городской совет Мехико, а затем – консульство). На продажу были выставлены и должности в самих городских советах, иногда пожизненные. Должности предлагались тому, кто давал лучшую цену, а цены, очевидно, варьировались в зависимости от той выгоды, которую можно было извлечь из выполнения тех или иных функций, или от престижа занимаемой должности. Эта практика давала возможность семейным родам Новой Испании укрепить свое положение и оказывать большее влияние на дела правительства.

Таким образом, в течение этого этапа испанцы, родившиеся в Новой Испании, постепенно получали доступ к влиятельным правительственным должностям в различных сферах управления (хотя самые высокие должности доставались им только в самых исключительных случаях), а значит – и к богатствам. Статус испанца определялся по крови и по происхождению, но не по месту рождения, но было естественно, что испанцы с Иберийского полуострова существенно отличались по своим взглядам и интересам от американских испанцев или *креолов* (это понятие включало лиц с различным соотношением смешенной крови). Первые пользовались преимуществами при получении или покупке самых выгодных должностей, хотя и не всегда, а неспособность

Испании осуществлять неограниченную власть на тот момент давала вторым большую свободу действия.

Этот этап характеризуется также культурным расцветом. Он опирался на укрепление позиций различных училищ (особенно иезуитского) и университета, а также на наличие средств на возведение храмов, церквей и городских жилищ, создание картин и скульптур, сочинение литературных и музыкальных произведений и т.д. Крестьянские черты искусства конкисты остались в прошлом, а на их место пришли новые явления городского искусства. В этом процессе выделяются различные проявления смешения культур, среди которых стоит выделить историческое произведение Фернандо де Альба Ишттлильшочитля (до 1625 г.), которое прославляло доиспанское прошлое и по своему духу было близко к чуть более древним поэтическим произведениям, как *«Мексиканское величие»* Бернардо де Бальбуэны, в котором воспевались красота и ценности Новой Испании. Еще один аспект идентичности Новой Испании можно найти в распространении в течение XVII в. женских монастырей, чьи ордена, в отличие от мужских, были чисто созерцательными и абсолютно затворническими.

Наконец, нельзя забывать о продвижении на север, которое получило новый импульс в 1631 г. после открытия серебряных залежей в Паррале. Экспансия этой эпохи в основном была направлена к Синалоа и Соноре и осуществлялась путем создания миссионерских центров францисканцев и иезуитов, целью которых было добиться аккультурации и обращения в христианство местных жителей на новых занятых территориях. Миссионерские центры создавались в местах постоянного проживания населения и пытались в некоторой степени воссоздать организацию индейских поселков центральной части страны. Некоторые достигли этой цели, но некоторым не удалось сохраниться или пришлось применить силу, чтобы удержать своих новообращенных; они столкнулись также с революционными ситуациями, как это произошло с тараумара в 1648 г. В то же время на севере были основаны новые крепости или военные посты и гражданские поселения.

* * *

Новая Испания вошла в период зрелости с несколькими отличительными чертами. Для начала, ни один из элементов предусмотренной короной структуры власти не обладал целиком необходимыми полномочиями, чтобы влиять на ее политику. Конечно, центральное правительство укрепилось, но компетенции и юрисдикции вице-королей и судов так и не были определены до конца и нередко пересекались, кроме того, возникали конфликты с церковной властью и инквизицией, а также с городскими советами. Разделение властей существовало со времен Кортеса, но усилилось как следствие сложных и противоречивых юридических положений, которые формировали (или наполовину формировали) институты власти. Если этого было мало, корона время от времени осуществляла *визиты* – процедура, которая предполагала приезд должностного лица непосредственно из Испании с более или менее широкими полномочиями по контролю. Неясно, могли ли эти уполномоченные лица быть выше других властей по иерархии. Палафокс, например, осуществлял визиты и в то же время был вице-королем. Ко всему этому добавляется расплывчатость границ и пределов юрисдикций. Результатом стала система сдержек и противовесов, которая позволяла проявляться различным тенденциям, мнениям и интересам, признавая верховную власть, но иногда дистанцируясь от нее.

Корона не нашла в Новой Испании идеальной почвы для установления устраивающей ее власти. Когда ситуация требовала усилить давление в одном месте и ослабить в другом, в результате не всегда получалось задуманное. Но и катастрофы не происходило. Система сдержек и противовесов была эффективна: она позволяла в течение долгого времени удерживать свои позиции мирным путем.

Во-первых, такая система не была случайна – она вытекала из доминирующего восприятия власти в испанском мире, в котором правительство опиралось в большей степени на органы правосудия, чем на исполнительную власть. Вершить правосудие – верховное право короля, а его представители и делегаты – от вице-

королей до градоначальников и алькальдов — выполняли эти функции на своих местах. Поэтому их часто называли *судьями*. Законодательство исходило из частных случаев и предоставляло чиновникам широкие полномочия для его толкования. Возможные (и довольно частые) злоупотребления на практике сдерживались процедурами привлечения к ответственности высшего должностного лица, посредством которых все представители короны, включая вице-королей, подчинялись государственной цензуре в течение срока выполнения своих функций. Многих из них серьезно штрафовали за нарушения и злоупотребления; другим удавалось избегать наказаний. Несмотря на все недостатки, система редко давала возможности для проявлений тирании, а когда это все же происходило, решение находилось с относительной быстротой.

Во-вторых, система сдержек и противовесов делала ненужным опасный и дорогостоящий вариант авторитарного режима, основанного на военной силе, который, к тому же, государство не могло позволить себе в такой обширной империи. На схожих соображениях была основана система косвенного господства над доиспанскими владениями.

Необходимо принять во внимание, что доминирующее понимание общества в испанском мире тех лет основывалось на принципе сословного объединения. Люди приобретали значимость в зависимости от принадлежности к сословию, благодаря чему могли участвовать в политических делах. Новая Испания вошла в этап зрелости в тот момент, когда многие сословия прочно обособились в сферах своей деятельности: суд, городские советы, консульство, религиозные ордены, индейские поселки, университет, ремесленничество и т.д. Каждое сословие с абсолютной правоспособностью представляло и защищало интересы своей группы и, как и сама корона, иногда было вынуждено уступать в некоторых вопросах, чтобы выиграть в других. Естественно, внутри сословий также были различные взгляды, и каждое из них было частью большего сообщества. В Новой Испании основные различия внутри сословий зарождались с XVII в. среди креолов и выходцев с Иберийского полуострова.

Политическая игра благоприятствовала интересам креолов по мере того, как они повышали свой авторитет в наиболее значимых сословиях. Им также благоприятствовала экономическая ситуация. Новая Испания в первой половине XVII в. переживала расцвет и пользовалась результатами своего труда – по крайней мере, это касалось испанцев. Горнодобывающая промышленность постоянно росла, а после успешного внедрения скотоводства, пшеницы и других культур настал черед производства европейской мануфактуры. Многочисленные мельницы производили огромное количество муки и обеспечивали хлебом все общество Новой Испании, а десятки сахарных заводов и плантаций обеспечивали изобилие сахара. Свыше ста мастерских по производству тканей, особенно шерстяных, имели в среднем по пятьдесят работников в каждой. В связи с этим самые большие денежные суммы были связаны с доминирующей экономической деятельностью Новой Испании: торговлей и, особенно, морской торговлей. Индейские поселки также не бедствовали, поскольку они получали выгоду (относительную) от своего участия в торговле, продавая по хорошим ценам свою продукцию (особенно кошель) или частично контролируя транспортировку товаров.

Контрастной на этом фоне выглядела бедность короны. По мере возникновения очередных экономических трудностей ее интересы сужались: в результате превыше всего для нее было получение денег. От налогов, дополнительных выплат и продажи должностей метрополия получала значительные и стабильные доходы, но ей также приходилось делиться частью своей власти – власти, полученной с таким трудом путем ограничения деятельности обладателей энкомьенд, наставников и касиков в течение XVI в. – с бюрократией среднего уровня, возглавляемой торговцами, городскими советами и, в общем, местными олигархиями. Таким образом, правительство заплатило цену за свою консолидацию: разрешив широкое разделение властей, которое с точки зрения Новой Испании выражалось в значительной степени автономии. Если учесть, что Испания зависела от своих владений в Америке для поддержания своих позиций на международной арене, то результат был довольно благоприятным для Новой Испании – или, по крайней мере, для ее привилегированных элит.

Расцвет и его пределы (1650–1715)

Развитие Новой Испании стало особенно заметным со второй четверти XVII в., хотя некоторые его черты проявлялись еще в предыдущие годы. Этот этап истории Новой Испании демонстрирует неоспоримый подъем, но и обнаруживает свои пределы.

Одна из черт этого этапа – и одновременно продолжение предыдущего – укрепление и развитие собственной самобытности, в которой, с одной стороны, успешно культивируются местные варианты европейской культуры, как в литературе и полифонической музыке, а с другой – создаются художественные формы и стили, в которых безошибочно угадывается принадлежность к культуре Новой Испании, как, например, в архитектуре. Поэтесса Хуана Инес де ла Крус, литературные произведения которой создавались в период с 1680 по 1695 г., стала личностью первого порядка в испанской литературе и, хотя она никогда не покидала Мексику, ее значимость по сегодняшний день признана мировой. Музыкальные произведения с энтузиазмом создавались церковными советами. Великолепию архитектуры способствовал динамизм городских центров, за плечами которых в большинстве случаев уже было несколько десятков лет стабильности и роста. Мирское духовенство претендовало на самые привилегированные места во всех поселениях и приносило новые архитектурные направления, всегда вдохновленные барокко, которые соперничали по своему великолепию с более старинными (и уже почти заброшенными) монастырями нищенствующих монахов. Очевидно, что религия господствовала и ограничивала культурную панораму, но имелись и важные примеры научных знаний, особенно в горнодобывающей промышленности, космографии и математике, о которых свидетельствуют, помимо прочих, произведения монахов Диего Родригеса и Карлоса де Сигуэнсы и Гонгоры.

Также именно в этот период обрели свои характерные черты или укрепились другие культурные элементы, которые можно считать характерными для Новой Испании, а если смотреть с точки зрения современности, то и чисто мексиканскими: кухня,

одежда, мебель, язык, народная музыка, танец и т.д. Во всех этих случаях значительное влияние оказывали процессы культурного смешения, которые включали в себя преимущественно доиспанские и испанские черты, а также азиатские и африканские (которые проявлялись, например, в распространенном использовании шелка и слоновой кости, в керамике Пуэблы и фейерверках, в народной любви к корице или в некоторых музыкальных стилях). Многие из рабов африканского происхождения были заняты в домашнем обслуживании, и это также придавало особенный оттенок городской жизни. Эти культурные проявления оказывали влияние в различных направлениях. Так, например, язык науатль середины XVII в. уже достаточно сильно отличался от своего доиспанского варианта. Другие явления имели и экологический компонент: развитие животноводства, например, не только вызвало культурную революцию (так как использование шерсти и регулярное потребление в пищу мяса изменили одежду и диету почти всего индейского населения), но и животные со своими отходами постоянно способствовали изменению некоторых агро-систем.

Еще одна особенность культуры Новой Испании выразилась в расцвете некоторых религиозных культов, особенно посвященных различным случаям явления Девы Марии. Из них больше всего выделяется культ Девы Марии Гваделупской, особенно после 1648 г., когда он начал распространяться по всей Новой Испании за пределы ее храма в окрестностях города Мехико.

В области экономики, с одной стороны, необходимо отметить дальнейшее развитие черт, характерных для предыдущего периода, а с другой – упрочение позиций свободного рынка труда, который больше не зависел от налоговых практик, что пошло на пользу земледельческим предприятиям, управляемым испанцами или монастырями или иезуитскими колледжами, которые стали крупными собственниками. Стимулом для этого процесса послужила уже упомянутая реформа о повинности 1632 г. и распространение денег. Рабочие, происходившие, как правило, из индейских поселков, стали предлагать свои услуги за плату. Продукты земледелия стали элементом более широкого и конкури-

рующего рынка, также свободного от налоговых схем, установленных конкистой.

Эти события были связаны с окончательным формированием и распространением поместий. В своем конечном виде поместья представляли собой сочетание земельной собственности, сельскохозяйственного предприятия и постоянного поселения. В отличие от более ранних времен их особенность заключалась не в наличии рабов (хотя некоторые из них их имели) или участии в процессе колонизации, а в зависимости от свободных работников и смешении с индейскими поселками в центральных регионах страны. Эти новые поместья, которые были одним из самых характерных элементов сельского мира Новой Испании, укрепляли свои позиции по мере того, как многие свободные люди, обычно метисы, искали место, где можно поселиться, или многие люди из поселков индейцев предпочитали покинуть их (временно или навсегда) в поисках работы или во избежание налогов. Так они становились пеонами, т. е. оплачиваемыми работниками, проживающими на территории этих предприятий и относительно защищенные ими (так как в те времена рабочей силы было мало, и она очень ценилась). Одновременно собственники старались расширить территорию своих владений, покупая или арендуя земли расположенных по соседству поселков. Между ними и поместьями установились связи, которые в течение почти сотни лет находились в относительном равновесии.

Хотя поместья обычно располагались на обширных территориях, не все они были большими владениями. Их значение заключалось как в земле, так и в производимой продукции. И не все земельные владения были поместьями. Собственники в свою очередь представляли собой не менее разнородную группу. Среди самых скромных были поселенцы со средним достатком и некоторые священники, почти все они – креолы и метисы (было сложно различить их), но в эту группу входили также касики индейских поселков. На другом конце этой шкалы были разбогатевшие торговцы и владельцы рудников (креолы и выходцы с Иберийского полуострова), которые имели по пять или шесть больших поместий, а также церковное сословие – религиозные

орден (кроме францисканцев), иезуитские училища, женские монастыри, — которые покупали и получали в качестве пожертвований многочисленные владения. Эти организации также приобретали многочисленные объекты городской недвижимости, и их нескончаемые капиталы позволяли им осуществлять кредитную деятельность. Все большее количество сельской собственности закладывалось в их пользу.

В отличие от этих примеров расширения индейские поселки почти во всех регионах Новой Испании с середины XVII в. вошли в фазу политического распада. Поселки, наследники доиспанских государств, уже освободившиеся от своих касиков, разделялись в соответствии с различными участками или компонентами (субъекты и районы), переставали признавать установленные органы власти республики и стали требовать права создавать свои собственные, воспроизводя в миниатюре сословные черты первоначальной политической единицы. Правительство не возражало против этого, и в результате пять или шесть небольших поселков индейцев появлялись там, где сто лет назад был только один. Хотя в этих обстоятельствах многие поселения удовлетворили некоторые свои потребности — например, в большей безопасности общего имущества, — этот процесс упразднил еще остававшуюся политическую значимость индейских поселков, что стало дополнительным подтверждением того, насколько далеко в прошлом остались характерные для конкисты обстоятельства.

В быстро меняющейся окружающей действительности для индейцев было непросто адаптироваться. Вторая половина XVII в. была отмечена рядом потрясений, связанных со злоупотреблениями властей, ростом дороговизны, сокрытием продуктов и другими обстоятельствами подобного рода. Среди них выделялась распространившаяся практика многих коррехидоров и алькальдов: так называемое *распределение товаров*, которое заключалось в принудительной продаже (по завышенным ценам) различных продуктов среди жителей индейских народов. Иногда это предполагало также бессовестную эксплуатацию труда, когда население вынуждали покупать нити, чтобы затем заставить его продать (по минимальным ценам) изделия из тканей. Эту практику терпели до определенного момента как еще одно налоговое

бремя, которым облагалось население, и воспринималась она как способ вознаграждения чиновников (которые практически не получали заработную плату или даже покупали свою должность). Но злоупотребления пока не выходили за общественно приемлемые границы, а когда выходили – встречали протест в различных его проявлениях. Не будучи присущими исключительно этому этапу, в течение данного периода произошли региональные революции (Теуантепек, 1660) и городские мятежи (Мехико, 1692) с относительной жестокостью и со значительными политическими последствиями. Разбой на дорогах, ранее почти неизвестный, стал обычным явлением.

Хотя и в других обстоятельствах, подобные злоупотребления властью спровоцировали крупное восстание населения Нуэво Мехико в 1680 г., в результате которого испанцы были изгнаны из провинции и смогли вернуться только через десять лет. Нуэво Мехико был периферийным районом, но это событие имело важное значение: оно стало первой неудачей прежде мощной экспансии на север и к тому же обозначило начало периода, в течение которого империя по разным причинам терпела другие, не менее тяжелые удары.

Французы, в то время бывшие врагами Испании (они только что закончили одну войну, длившуюся пять лет, и вскоре начали другую), осуществляли активное вторжение в Северную Америку. В 1685 г. участок техасского побережья был занят участниками неудачной французской экспедиции, которые вскоре погибли. Так как корона ревностно относилась к тому, что происходило в этой части континента, ответ не заставил себя долго ждать. Помимо других мер было решено продвинуться в Коауилу (в результате чего в 1689 г. был основан г. Монклова) и укрепить несколько военных постов. Но предпринятые меры не смогли предотвратить событие, огромное значение которого станет понятным годы спустя: основание французской колонии Луизиана. Испания смогла компенсировать этот удар, заняв с 1697 г. Нижнюю Калифорнию под давлением иезуитов, которые хотели расширить свою миссию, но в итоге получили весьма скудные результаты.

Если корону беспокоила ситуация на севере, то еще больше ее беспокоила растущая активность англичан, французов и голландцев. Они завладели Карибским морем, используя для этого пиратов или корсаров, которые, помимо других вылазок, огнем и мечом атаковали в 1683 и 1685 г. Веракрус и Кампече. Ни денежная помощь, ни слабые оборонительные сооружения испанцев не предотвратили захват англичанами Ямайки в 1655 г., что позволило им пять лет спустя, опираясь на эту базу, занять обширную зону на востоке Табаско (в районе лагуны Терминос), где они останутся до 1716 г., а также Белиз, где они окончательно закрепились. Огромную тревогу вызвал их быстротечный захват Гаваны в 1692 г. Невезучие испанцы едва возместили себе эту потерю, захватив в 1697 г. оплот майя в Тайясале в сердце Петена, который оставался практически независимым.

* * *

Тот факт, что Новая Испания заканчивала XVII в. с несколькими английскими поселениями на своей территории, был очень значительным. Такое вмешательство, которое нельзя было представить себе сто лет назад, демонстрировало упадок морской мощи испанцев и усиление их врагов. С другой стороны, Новая Испания вошла в этап зрелости и вышла из изоляции, в которой она пребывала в течение своего начального периода. События внешнего мира оказывали на нее непосредственное влияние. Но не слишком сильное. Англичане вторгались в ту часть страны, которая оставалась практически незаселенной с конца XVI в., и к тому же Новая Испания ориентировалась в своей экспансии и интересах на север, дистанцируясь от Центральной Америки и даже от Юкатана. Если она и участвовала в делах, связанных с Карибским регионом, то только по требованию короны. Более болезненными оказались временная потеря Нуэво Мехико и близость французов к побережью северо-востока – и то, и другое вызвало немедленный и решительный ответ. Все сказанное, однако, влияло на периферию, но не на центр Новой Испании, и в этом была существенная разница.

Несмотря на растущую зависимость от событий внешнего мира, Новая Испания вошла в этап зрелости как страна, сконцентрировавшаяся на внутренних проблемах и относительно закрытая для внешнего мира. Прибрежные поселения не вели торговлю по морю за исключением Веракруса, Кампече и Акапулько. Помимо прочего, активному использованию морских путей препятствовала боязнь пиратских нападений.

Новая Испания обращала все меньше внимания на свои восточные территории: Табаско, Юкатан, границы с Гватемалой. Уже упомянутый захват англичанами Белиза и лагуны Терминос рассматривался как неудача, которая не заслуживала карательных действий. Торговые связи с Гватемалой (которая с момента создания своего самостоятельного правительства включала в себя Чьяпас), имевшие важное значение до начала XVII в., шли на спад. Прибрежный район Соконуско, почти незаселенный со времен последних эпидемий, стал объектом территориальных споров, разрешением которых практически никто не занимался. На Юкатане, между тем, происходили события, которые делали из этой провинции практически отдельную политическую единицу. Он подчинялся Мексике в юридических и церковных вопросах, а его правительство теоретически признавало власть вице-короля, но внутренние проблемы Юкатана решались полностью автономно, а при необходимости обсуждались напрямую с Испанией. Экономика провинции была очень закрытой и сохранила архаичные структуры, среди которых выделялась энкомьенда. Правительство вице-короля редко проявляло интерес к этим вопросам.

Внешние границы Севера (который в эту эпоху обычно именовался «Септентрион») были совершенно размыты и простирались вдоль практически незанятого пространства. Первые вторжения атапасканских индейцев с севера континента – так называемых апачей – сделались еще одним источником беспокойства. Правительство потратило большие денежные суммы для того, чтобы организовать различные системы контроля. Из множества проектов по реорганизации и защите Севера предпочтение было отдано возведению цепочки «пресидиос» – военных крепостей от

Техаса до Соноры; результаты этой меры оказались, впрочем, весьма неоднозначными, в значительной степени по причине многочисленности и плохой подготовки личного состава, который должен был обеспечивать функционирование пресидиос. Несмотря на свои недочеты, эти пробные сторожевые посты содействовали формированию опытных военнослужащих, которые позже станут одним из резервов офицерского кадрового состава и займут важные посты в правительстве. Знакомство с Септентрионом, интерес к его проблемам и условиям в будущем оставят важный след в истории Новой Испании.

Со всем тем, и даже с учетом своего растущего значения, Септентрион по-прежнему оставался столь же периферийным пространством, как побережье и восточная часть Новой Испании. Стоит повторить, что страна была развернута вовнутрь. Все важнейшие города, динамично развивавшиеся районы, экономическая деятельность, пути сообщения, проявления культурной жизни, богатства, население – все это располагалось на нагорье Центральной Мексики. Эта общая конфигурация новоиспанского пространства, возникшая в XVI в. и устоявшаяся в XVII-м, сегодня по-прежнему является преобладающей в географии страны. Существуют природные и климатические факторы, частично объясняющие это явление, которое в значительной степени объяснено своим возникновением первичному основанию Новой Испании на месте Мехико-Теночтитлана; но не менее важно и то, что корона сознательно выстроила жестко ограничительную систему торговли и закрытую границу.

Таковы были общие штрихи карты Новой Испании, которая насчитывала уже почти два века, из которых сто лет приходились на фазу зрелого существования. Если говорить конкретно, и прежде всего – о головной части страны, то уже были четко различимы районы, созданные в результате колониальной деятельности. Некоторые повторяли с незначительными отклонениями пространственные системы, унаследованные от доиспанского прошлого, как это имело место в Мистека-Альта и во многих горных районах, но некоторые по своему возникновению и развитию были в чистом виде колониальными, как, например, долина Пуэблы. Из числа последних областей ни одна не была столь

выдающейся и динамично развивающейся, как Бахио, возникшая в результате первых экспедиций в Септентрион, но вскоре интегрировавшаяся в головную часть страны. В начале XVIII в. Бахио являлся районом, демонстрировавшим наибольший экономический рост, наиболее высокие уровни городского развития, сельскохозяйственного производства и социального динамизма; все это впоследствии сделает более значимой его роль в истории Новой Испании.

Обзор последнего периода (1715–1760)

Смена династии в Испании произошла, когда оставшийся без наследника испанский престол перешел от Австрийского дома (Габсбургов) к дому Бурбонов, правившему Францией (новый король Испании Филипп V был внуком Людовика XIV). Это событие вызвало большие волнения в Испании, но в Мексике обычный ход вещей изменился мало, во всяком случае, не сразу и не в явной форме. Только спустя несколько лет – около 1715 г. – можно было заметить, что наступают новые времена. Зарождению еще одного этапа в истории Новой Испании – последнего из рассматриваемых в настоящей главе – способствовали также некоторые события европейской политики.

Династическое родство между Испанией и Францией не уничтожило недоверия между двумя державами, хотя и обеспечило их стабильное сосуществование. Зато сложными были отношения с Англией, вылившиеся в многочисленные войны, – начиная с вступления Англии в длительную борьбу за испанское наследство. Утрехтский договор, положивший конец войне в 1713 г., санкционировал пребывание Бурбонов на испанском престоле, но вынудил их предоставить англичанам немалые торговые уступки. Начиная с этого времени англичане пользовались исключительным правом так называемого асьенто на ввоз в Америку африканских рабов.

В Испании, в свою очередь, решили воспользоваться создавшимся положением в целях перестройки жесткой системы, регулировавшей трансатлантическую торговлю. Контроль за морским

судоходством переместился из Севильи в Кадис, и были приняты некоторые преобразования в системе флотилий; кроме того, для большего контроля за передвижениями флотилий были учреждены ежегодные торговые ярмарки, которые должны были совпадать с прибытием конвоев в американские земли. В Новой Испании ярмарка проходила в Халапе, начиная с 1728 г. Меры эти, тем не менее, в значительной степени были поверхностными и не могли стать действенным ответом на проблему, обострявшуюся год за годом. Англичане стали пользоваться преимуществами, которые давало им асьенто (в Новой Испании его масштабы были весьма скромными) для ввоза европейских товаров и установления связей, позволивших им весьма быстро наладить хорошо организованную систему контрабанды. Последняя приносила значительную часть всех доходов, которые Англия получала от торговли с испанскими владениями в Америке. Наложённые метрополией чрезмерные торговые ограничения лишь создавали условия для расцвета контрабанды в Новой Испании.

Новая война с Англией в 1739 г. уже более непосредственно ударила по торговле – в частности, хождение флотилий было парализовано до 1754 г. Наиболее важным следствием явилось то, что, за отсутствием флотилий, торговля успешно осуществлялась посредством отдельных, так называемых реестровых судов, что создало прецедент, который несколько десятилетий спустя послужил основанием для постепенной либерализации торговли.

Новые условия отразились не только на торговой сфере. Начиная с 1714 г. корона взялась за реорганизацию учреждений, уполномоченных ведать американскими делами. На протяжении следующих двадцати лет судьбы Новой Испании были вверены двум последовательно сменившим друг друга вице-королям (маркизу Валеро и маркизу Касафуэрте), которые смогли установить стабильное, хорошо скоординированное правление, постепенно становившееся все более эффективным. Последующие вице-короли являлись, как правило, более способными людьми, нежели были в среднем их предшественники. Кроме того, произошли заметные изменения в манере управления, языковом стиле властных структур и, можно сказать, большая степень бюрократизации.

Весьма важным событием стало учреждение высшего уголовного суда в 1719 г. С его созданием связано формирование и первого в стране штатного полицейского корпуса – ответ на угрожающе возросшее число разбойных нападений, от которых страдали дороги Новой Испании. Главнейшее значение создания суда заключалось все же в том, что он стал первым конкретным примером новой философии властей, делавших акцент на дееспособность властного органа и на снабжение его необходимым инструментарием для того, чтобы подтверждать свои полномочия на практике. Стоит отметить, что единственными вооруженными силами, существовавшими до того момента в Новой Испании, были гвардия вице-короля и различные корпуса местной милиции (некоторые набирались в случае необходимости, другие были сформированы на более постоянной основе), целью которых была защита побережья и северных границ – или, по крайней мере, изображение такой защиты. Ни один из них не состоял из профессиональных военных, и тем более не приходится говорить о какой-либо организованной иерархической структуре по образцу современных армий.

Другим серьезным событием эпохи стала эпидемия тифа или *матласауатль* (*matlazáhuatl*), охватившая период с 1736 по 1739 г.; она была не столь опустошительной, как предшествовавшие ей эпидемии XVI столетия, но имела более широкий географический охват вследствие более масштабного обмена людскими и товарными потоками. Эпидемия не была достаточно интенсивной для того, чтобы обратить вспять демографическую тенденцию, показывавшую рост с середины предыдущего века, но имела весьма значительные последствия для экономики. Событие это также стало поводом для вмешательства властей, рассматривавших различные проекты наилучшего способа обуздания эпидемии, что может служить еще одним из первых примеров меняющейся или модернизационной политики правительства.

Нужно отметить, что около 1750 г. население Новой Испании составляло немногим более четырех с половиной миллионов человек, из которых половина или чуть больше были приписаны к индейским селениям (т.е. внесены в списки как податное насе-

ние вместе со своими зависимыми людьми). Остальные были, в основном, креолами или метисами (а также мулатами или представителями других смешанных этнических групп, которые уже давно было принято называть кастовым населением). В пределах этой цифры количество отдельных групп было не очень большим. Лица африканского происхождения, включая рабов и вольноотпущенников, составляли всего около 10 тыс. человек, а число испанцев в определенный момент не превышало 20 тыс. В некоторых областях (в частности, Бахио, Нуэва-Галисия и Север) метисы составляли большинство.

С растущим присутствием метисов и мулатов в сельских областях связан значительный рост числа свободных поселенцев, которые являлись также мелкими собственниками (т.е. не платившими податей и не приписанными ни к индейским селениям, ни к асьендам). Как правило, они были известны под именем «ранчерос», так как первоначальной формой их поселений были ранчо или небольшие и неформальные населенные пункты. Некоторые ранчерос становились арендаторами земель асьенды; понимая, какие законные выгоды влечет за собой формализация их поселков, они объединялись в некоторых случаях на корпоративной основе в качестве индейского селения, хотя ни их социальная структура, ни история не имели ничего общего с подлинными старыми индейскими селениями. В любом случае, их все более значимое присутствие вызывало изменения в социальной структуре села, становившейся все более пестрой.

На этом этапе жизни Новой Испании весьма громкий резонанс получили события на Севере, и не только благодаря подъему горного дела (о чем будет рассказано ниже). Нужно подчеркнуть расцвет миссионерской деятельности (иезуитов в основном в Соноре, францисканцев – в Техасе, окончательно колонизированном в 1715 г.). Некоторые миссии со временем превратились в устойчивые, относительно многочисленные поселения, привлекавшие различного рода иммигрантов, селившихся на их окраинах (чего миссионеры никогда не приветствовали). Система взаимообмена между поселенцами характеризовалась все большим числом участников и все более высокой активностью, в ней принимали участие различные группы яки, опата, тараумара и

других племен, не считая метисского населения самого разнообразного происхождения, отличавшегося высокой социальной мобильностью.

Важным событием для Севера также стало занятие Тамаулипаса или Нуэво-Сантандера (с 1748 г.), которое заслуживает быть отмеченным особо по двум причинам. Во-первых, результатом этого стало заполнение пространства, до сих пор не затронутого экспансией, и занятие его небольшими поселениями. Во-вторых (что более важно), в Тамаулипасе была впервые опробована новая модель колонизации, проведенная под контролем властей – организованная по строгому плану и осуществленная почти по военному образцу, она являла собой еще один пример инновационного духа, с которым власти брались за свои проекты.

Тем не менее плотность населения на Севере оставалась крайне низкой, и крупные латифундии взяли в свои руки контроль над обширнейшими безлюдными пространствами. В этих условиях и суждено было зародиться тому культурному укладу, который со временем стал трактоваться как типично северный образ жизни, во многих отношениях отличный от жизни в центре страны. Подобное обобщение (справедливое до известной степени) не должно маскировать глубокие отличия, вызревавшие в самом сердце Севера на протяжении его истории. Примером их является своего рода исключение из правила, которым стал район Наяр (горная область, населяемая племенами корá и уичолей) – расположенный сравнительно близко к центру страны анклав, оставшийся вне ареала испанского господства и покоренный только в 1722 г. Можно сказать, что власти выполняли здесь свою миссию так же, как это было и двадцать пять лет назад в Петене.

Но новые приоритеты, встававшие на повестке дня, обходились недешево и каждый раз наталкивались на все более очевидную экономическую слабость короны. К счастью для себя, Новая Испания продолжала переживать период экономического расцвета, в основе которого лежали торговля, высокий уровень сельскохозяйственного производства и, в особенности, небывалый подъем горнорудной промышленности, выразившийся в открытии се-

ребряных месторождений не только в северных областях (Гуана-севи, Кусиуириачик, Батопилас, Чиуауа и Аламос), но также и прежде всего в районах, близких к центру страны (Гуанахуато, Реаль-дель-Монте и Таско). Из богатейших рудников этих мест были добыты неисчислимые богатства, которые метрополия не замедлила прибрать к рукам.

Постоянно находясь в поиске новых прибыльных источников дохода и в соответствии с проводимой ею политикой продажи официальных должностей, корона предприняла очередной шаг и начала продавать более высокие посты – например, членов аудиенсии. Таким образом креолам представился удобный случай повысить свой статус и обрести связи. Одновременно корона дала добро и на приобретение новых, весьма пышных феодальных титулов. Тем самым был добавлен новый элемент неравенства в социальную структуру Новой Испании, разнородную саму по себе (немногим ранее 1700 г. она насчитывала только три старых титулованных семейства, тогда как в 1759 г. их уже было четырнадцать). Новая знать состояла прежде всего из горнопромышленников, в своей основе – пиренейцев, или из лиц, отличившихся заслугами и сделавших состояние в ходе непростого освоения Септентриона (Севера).

* *

В середине XVIII в. Новая Испания представляла собой страну, достаточно окрепшую для того, чтобы, невзирая на колониальное положение, обнаружить многие из признаков собственной идентичности, которые позднее проявятся уже в независимой Мексике. Укрепление национальной, или – в более общих терминах – «американской» идентичности было главным предметом забот креольской и метисской культуры. Историки вроде Хосе Хоакина Гранадоса Гальвеса, обобщившие индихенистские взгляды, ростки которых были посеяны в предыдущем столетии, оживили и в значительной степени породили идею великой толтекской нации как исторической родоначальницы «земли Анауак», а также идею законной монархии или «Мексиканской импе-

рии». Отсюда оставался только один шаг для того, чтобы назвать «мексиканской» нацию, рождающуюся в Новой Испании.

Естественно, эти попытки сформулировать концепцию идентичности ограничивались весьма узким кругом интеллектуальной элиты, насчитывавшей, возможно, немногим более тысячи человек. Основная масса была далека от постановки подобных вопросов, тем более что элементарное образование той поры охватывало узкий круг людей и даже отдаленно не затрагивало историческую тематику. Подобное отсутствие национального сознания не означало отсутствия общих знаменателей, многие из которых уже были отмечены нами ранее при рассмотрении предшествовавшего этапа. Культ святой девы Гуадалупы, становившийся все более популярным, был отличным идеологическим катализатором. Более серьезная форма идентичности опиралась на региональное чувство, а в случае индейского населения – на индивидуальность соответствующих народностей, которые, несмотря на пережитую эволюцию и раздробленность, по-прежнему оставались определяющим (а зачастую – и единственным) мерилom общественной и культурной жизни. Корпоративная идентичность, это стоит отметить, была весьма сильной во всех своих проявлениях, и как таковая являла собой противовес всякой другой.

В экономической области также проявлялись поочередно примеры как интегрированности, так и ее отсутствия. Производство товаров горнорудной промышленности охватывало почти всю страну; кредитные операции, в основе которых лежало использование чеков, консигнаций, долговых расписок и других инструментов, распространялись на всю территорию от края до края, и ипотеки, поддерживавшие развитие сельского хозяйства, связывали городские центры с регионами. Снабжение городов мясом подразумевало перегон скота на такие большие расстояния, как например, между Синалоа и Мехико. Подобный взаимобмен в той или иной степени содействовал созданию единой торговой сети. Однако, что касается других проявлений экономической жизни, основная масса сельскохозяйственных и промышленных продуктов редко шла на продажу за пределы областей, где производилась, а разница между ними в отношении цен и на-

личия товаров была весьма высока. Кроме того, особенно в случае ранчо и индейских селений, типичным являлось преобладание самодостаточной экономики.

Пути сообщения были развиты в одном направлении и не развиты в другом. С одной стороны, практически вся Новая Испания могла быть преодолена пешком или верхом – по тропам и дорогам для верховых или вьючных животных, покрывавшим все пространство страны (как равнины, так и горы), не считая сельвы или почти необитаемых районов; в сезон дождей свободный проезд только затруднялся. С другой стороны, проезжие дороги, мосты и другие необходимые элементы системы массовой перевозки товаров были плохи и немногочисленны и ограничивались центральной областью и частично Севером. Пространственная мобильность распространялась достаточно далеко, но это была преимущественно мобильность людей, а не товаров.

Что касается мобильности социальной, то здесь Новая Испания середины XVIII в. являла не менее контрастную картину. «Чистые» социальные категории времен конкисы – испанцы и индейцы – все еще признавались некоторыми группами населения, сохранявшими свою социальную специфику или культурную изоляцию. Но безотносительно к этим отдельным исключениям упомянутые категории уже устарели: население слишком перемешалось, чтобы имело смысл проводить социальное разграничение в вышеназванных терминах; и оно продолжало смешиваться далее – как в расовом, так и в культурном смысле. Законодательство еще позволяло сохранять различия, которые было выгодно подчеркивать тем, кто добивался всевозможных привилегий; но это было уже ложное отображение социальной действительности. Вопреки этому текущий этап колониальной истории обозначил появление классов, определяемых прежде всего своим экономическим положением, а не какими-либо иными критериями. Пропась между крайне немногочисленным богатым меньшинством и бедным большинством, их устоявшиеся интересы и различные подходы к действительности еще отзовутся в последние годы существования Новой Испании. Но не меньшую роль сыграет и то общее, что послужит основой для единения самых

привилегированных слоев элиты, с одной стороны, и податного населения, пеонов, ранчерос, ремесленников, беднейших чиновников и церковнослужителей – с другой. Социально-экономические различия углублялись по мере того, как корона переставала заботиться о поддержании законности, зиждущейся на справедливости, и занималась лишь повсеместным утверждением своей власти и утолением своих appetitов по пополнению казны.

Заключение

Испания понесла большой урон, поддержав Францию против Англии в Семилетней войне (1756–1763). Хотя война была прежде всего европейским событием, она имела важные последствия и для американского континента. Англичане захватили Гавану в 1762 г., что вызвало окончательный крах системы флотилий и настоящую панику испанского правительства. После подписания мира Испания смогла вернуть Гавану и восстановить торговые операции, но опыт оказался болезненным. Так же, как это было и после поражения Непобедимой Армады в 1588 г., в Испании всерьез задумались о необходимости преодолеть слабость империи и попытках вернуть что-то из прежнего, утраченного блеска. И, как почти двумя столетиями ранее, корона воспользовалась средствами, которыми располагала благодаря своим заморским владениям. Впрочем, не считая этих совпадений, ситуация отличалась в корне. В первую очередь европейские державы изменили концепцию власти и государства, во многом оставив в стороне свои прежние державные взгляды, заменив их тем, что вошло в историю под названием «просвещенного абсолютизма» – идеи возвеличивания авторитарной, централизованной, эффективной, рационалистичной власти, пекущейся о материальном прогрессе, но также озабоченной, если не одержимой, расширением своей финансовой базы, причем любой ценой. Кроме того, в 1759 г. трон Испании занял необычайно деятельный монарх – Карл III. Вместе со своими министрами он занялся претворением в жизнь бесчисленных преобразований и реформ с одновременной заменой го-

сударственных деятелей. Новое поколение чиновников – коренные испанцы, многие с военным образованием и опытом службы в тяжелых условиях Септентриона – шло на смену колониальной бюрократии, которая в глазах пылких просветителей была недееспособна и погрязла в коррупции. И, конечно же, никто более не собирался терпеть занятие стольких властных должностей креолами.

Принимая во внимание, что Новая Испания в течение XVII в. управлялась со значительной долей автономии, и что она добилась того, чтобы добрая часть производимых ею богатств оставалась на американской земле, намерения и действия короны предвещали здесь коренные изменения – вместе с изъятием этих богатств. Становится понятным, почему некоторые историки определили годы середины XVIII в. как время, когда просвещенное правительство, исходя из своих интересов, положило конец временам бессилия, чтобы открыть эпоху сильной власти.

РЕФОРМЫ БУРБОНОВ

Луис Хауреги

НАЧИНАЯ С ПЕРВЫХ ГОДОВ XVIII в. испанская корона начала преобразования в системе управления своими обширными американскими владениями. В первой половине столетия реформы были скорее робкими; более поздние нововведения, отличавшиеся уже широким масштабом, стали известны как «реформы Бурбонов». Независимо от того, носили ли они робкий или решительный характер, все они отвечали желанию испанских королей династии Бурбонов вновь сосредоточить в своих руках нити управления Америкой – прежде всего Новой Испанией, самым богатым владением, – начав таким образом процесс модернизации, которому суждено было продлиться почти все столетие.

Бурбонская модернизация основывалась на форме философского мышления и системе ценностей, известной как *Просвещение*. Основными характеристиками просветительского движения были вера в человеческий разум, недоверие к традициям, противостояние невежеству, защита научного и технического познания как средств преобразования мира и поиск скорее посредством разума, чем религии, решений социальных проблем. Коротко говоря, Просвещение преследовало реформистский идеал. Его практическим воплощением был процесс модернизации, осуществлявшийся в XVIII в. едва ли не всеми европейскими монархами, следствием чего и явилась форма правления, известная как «просвещенный абсолютизм».

Ввиду того, что в Испании Просвещение сталкивалось с обществом, основанным на традиционных ценностях, его проводниками здесь становились аристократия, чиновничество и церковь. Одним из представителей последней стал просветитель Бенито Херонимо Фейхоо, который посредством своей занимательной и недвусмысленной прозы ставил под сомнение (хотя и всегда в пределах католической веры) общепринятые постулаты, которые считал ошибочными. Сочинения падре Фейхоо были весьма популярны, их читали и комментировали как светские, так и церковные деятели. При этом само правление династии Бурбонов являло наглядный

пример просвещенного абсолютизма. Министры Карла III (правил в 1759–1788) и его сына Карла IV (правил в 1788–1808) повлияли на реформистские настроения обоих монархов; кроме того, они пропагандировали просветительские идеи посредством так называемых Экономических обществ друзей страны и через еще только появлявшуюся на свет периодическую прессу.

В Америке новые идеи внедрялись по образцу просветительской формы государственной власти во главе с абсолютным монархом, авторитет которого не мог быть подвергнут сомнению. По этой причине в ходе многих лет были проведены реформы, затрагивавшие основы политической структуры вице-королевства; самые выдающиеся из них имели место между 1760 и 1808 гг. и получили название «реформ Бурбонов». Они отразили стратегию правительства империи, направленную на удовлетворение материальных интересов и увеличение богатств монархии путем важных перемен в налоговой, военной и торговой сферах, а также через поощрение различных видов производственной деятельности. В рамках реформ было также увеличено число привилегий, частично улучшено положение индейцев, распространялась культура. В последнем случае роль короны трудно переоценить, поскольку именно ею направлялись из Европы просветители, ответственные за развитие наук, искусств и промышленности. Но и сами американцы приложили усилия в деле освоения новых идей – прежде всего путем косвенного приобщения к освободительным, а то и революционным идеалам Просвещения. С ростом культурного уровня и экономического процветания креолы все более осознавали, что испанская власть поражена злоупотреблениями и изъятиями. Таким образом, период бурбонских реформ в Новой Испании важен не только с точки зрения достигнутого экономического роста и открытия страны атлантическому миру; он важен также как период кризиса общества, которое осознало, что бесповоротно изменилось.

Общий взгляд

В Новой Испании реформизм Бурбонов начался с трех генеральных инспекций официальных учреждений и частных лиц, на-

правленных по приказу короля Филиппа V (1700–1746). Направление инспекций отражало четкое понимание короной того факта, что административная ситуация в вице-королевстве была плачевной. Устойчивый рост экономики сделал в этот период возможным проведение реформ административного характера, позволивших короне заготовить арсенал средств для реализации последующих, более масштабных преобразований. Эти первичные перемены заключались в так называемой «централизации королевских доходов», т.е. передаче сбора налогов из рук частных лиц в руки королевских чиновников.

Занятие Гаваны английской эскадрой в 1762 г. обозначило необходимость перехода ко второму этапу реформ – на этот раз более энергичных; в значительной степени наступлению этого этапа содействовало то обстоятельство, что несколькими годами ранее на престол вступил Карл III Бурбон. Без сомнения, новый монарх имел большой опыт в искусстве управления; тем не менее все же именно внешние факторы вынудили его предпринять политико-административную реорганизацию вице-королевств, которые в большой степени продолжали управляться по указам конца XVI в. Эти внешние факторы имели международный масштаб и были связаны, преимущественно, с войнами. По этой причине реформы, предпринятые Карлом III, включали укрепление оборонительной системы, прежде всего в районе Карибского моря и на севере Новой Испании, а также централизацию власти в руках королевских чиновников. Эти две задачи требовали больших финансовых средств, для чего была коренным образом реформирована система управления королевским казначейством Новой Испании.

В отличие от большинства своих предшественников в предыдущие века вице-короли, управлявшие Новой Испанией в царствование Карла III, были выдающимися людьми; ни один из них не был выходцем из знатного рода, и все они добились своего высокого положения благодаря личным заслугам. Но, что еще более важно, всеми ими двигало стремление к обновлению империи вообще и Новой Испании в частности. Как если бы этого не было достаточно, испанская корона в середине 1770-х годов предпринимает генеральную инспекцию королевской казны в Новой Испании – знаменитую инспекцию Хосе де Гальвесы в 1765–1771 гг. С мо-

мента назначения Гальвеса министром по делам Индий в 1776 г. в Новой Испании начинают активно проводиться в жизнь меры по исправлению положения, намеченные Гальвесом как необходимые во время генеральной инспекции. Именно в этот период сформированы вице-королевские оборонительные корпуса и учрежден Генеральный военный округ внутренних провинций (1776). В эти годы предпринята также попытка урезать власть вице-короля и начата реформа провинциальной администрации путем учреждения постов интендантов и субделегатов.

Несмотря на первоначальную решимость, с которой проводился в жизнь план модернизации, со смертью Гальвеса в 1786 г. и последующим вступлением на престол Карла IV, вынужденно столкнувшегося с гораздо более враждебным международным окружением, нежели его отец, бурбонский реформизм переживает переломный момент, и изначально заданный курс реформ меняет траекторию. В экономической сфере это объяснялось, помимо прочего, относительным торможением экономического развития Новой Испании сравнительно с двумя предшествовавшими десятилетиями, тем, что королевское казначейство, с избытком изъязв налоговые средства у населения вице-королевства, стало прибегать в больших объемах, чем прежде, к практике принудительных займов и пожертвований; кроме того, из-за международных конфликтов Новая Испания оказалась в «благоприятном положении» благодаря так называемой «нейтральной торговле» (1796–1802 гг. и 1804–1808).

Реформы Бурбонов имели также последствия в социальной и культурной областях. Именно в эти годы население взроптало против испанского господства – господства, которое оставляло право на прогресс лишь за наиболее привилегированными слоями; хотя даже последним поддержка короны обходилась весьма дорого. Креолы, невзирая на свое негодование, копившееся в течение всего периода, воспользовались крупными достижениями в культурной области, а также открытием страны для других обществ атлантического мира. Что касается индейцев, на которых также тяжким бременем ложилось испанское господство, то они в большей степени были озабочены собственным выживанием в периоды многочисленных кризисов, особенно в 1785–1787 и в 1808–1810 гг. К

первому десятилетию XIX в. Новая Испания представляла собой сокровищницу испанского монарха, у нее была своя крепнущая экономика и собственная идентичность. Давление, оказываемое короной на подданных в Новой Испании в последние годы эпохи Бурбонов, привело к обнищанию части населения и свело на нет возможности для будущего экономического роста колонии, а впоследствии – и независимой Мексики. Чего не смогли добиться испанское правительство и его последние вице-короли, так это уничтожить надежды на перелом ситуации в пользу жителей Новой Испании.

Общий взгляд на основные реформы, предпринятые просвещенными Бурбонами, дает точку отсчета при изучении последних лет существования Новой Испании и первых десятилетий независимости Мексики. Можно даже сказать, что, подобно тому как в период реформ Бурбонов была проведена большая часть политико-географических границ, которые частично унаследует затем республиканская Мексика, подобно тому как в эти годы росло неприятие испанского господства, точно так же и в процветании Новой Испании в бурбонский период таился зародыш экономического упадка независимой Мексики.

Первые реформы династии Бурбонов

Для правительства испанской империи было недопустимым то положение, в котором оказалось самое богатое из ее владений. Три внезапные выборочные инспекции (1710–1715, 1716 и 1729–1733) показали необходимость перемен в существующем порядке вещей: например, с 1711 г. внимание метрополии постоянно обращалось на то, что рента с алькабалы (внутренний налог, взимаемый за провоз товара по территории) была бы более доходной, если бы управлялась королевским чиновником, а не сдавалась в аренду какому-либо корпорациям (купцам или гражданским кабиљдо). Проблема заключалась в том, что вице-короли поручали сбор налогов различным корпорациям, а не представителям короны.

В случае с алькабалой, как и со многими другими статьями доходов (монетный двор, подушная подать, порох, табак, игровые дома, право на пробу металлов, печать, пульке и др.), ситуация на-

чинает меняться с 1732 г., когда в распоряжение короны переходят важнейшие должности при Монетном дворе в Мехико; это означало, что соответствующие должности отныне переставали продаваться богатейшим аукционистам. Процесс централизации доходов продолжался на протяжении почти всего столетия; его важнейшей вехой стала передача алькабалы в ведение фискальной администрации Новой Испании. Эта реформа потребовала многих лет (1754–1776) и в какой-то момент была временно свернута по решению генерального ревизора Гальвесы. Процесс централизации состоял в отмене продажи за установленную цену права на сбор налогов частным объединениям; таким образом, корона теперь должна была брать эту задачу на себя, в результате чего перед ней открывались перспективы увеличить сборы и сократить расходы.

Разумеется, для достижения подобного уровня централизации доходов корона должна была израсходовать большие денежные суммы и одновременно укрепить административную структуру казначейства Новой Испании. В связи с этим весьма кстати оказались высокие темпы экономического развития, которые Новая Испания показывала с конца XVII в. В частности, если судить по уровню собранных налогов, горнорудная промышленность существенно выросла еще до 1750 г.; что касается экономики в целом, то в середине века наблюдался застой, сменившийся впечатляющим ростом в 70-е и 80-е годы.

Первые реформы, хотя и потребовали затрат, к середине века обещали существенный прирост доходов казны вице-королевства. Удар по атлантической гегемонии Испании в конце Семилетней войны (1756–1763) ускорил процесс преобразований. С одной стороны, урезались доходы – так, в результате падения наряду с Гаваной филиппинской Манилы на много лет прекратилось хождение галеонов, доставлявших с Дальнего Востока средства, предназначенные для казны Новой Испании. С другой стороны, резко возросли расходы, которых требовало выстраивание обороны всего района Больших Антильских островов – в частности, порта Гаваны. С захватом последней англичане подошли очень близко к основному источнику богатств империи, каковым являлась Новая Испания; по этой же причине в 1764 г. был разработан план укрепления Веракруса и обеспечения безопасности маршрута Веракрус–

Мехико, а также формирования крупных войсковых частей в составе боевых и милицейских корпусов. В ноябре этого года в Новой Испании высадилась первая постоянная армия – Американский полк под командованием Хуана де Вильяльбы.

Одновременно с этим готовилась генеральная инспекция, которой предстояло выявить административное и юридическое состояние вице-королевства. Для выполнения этой задачи был назначен Хосе де Гальвес, уроженец Малаги.

Генеральная инспекция судов и королевских казначейств Новой Испании

От генерального ревизора Гальвеса требовалась не только проверка; он был также наделен обширными полномочиями по реформированию всего того, что нуждалось в преобразованиях. Основных задач было две: увеличение доходов казны Новой Испании и искоренение злоупотреблений и расточительства в целях лучшего управления доходами. В порядке решения первой из задач генеральный ревизор закрепил учреждение королевской монополии на табак. Это означало, что корона получала исключительное право выращивать, обрабатывать и продавать табак, преимущественно в виде папирос, которые имели широкое употребление в Новой Испании (особенно среди женщин). Экономически табачная промышленность являлась второй по значению производственной деятельностью вице-королевства, уступая лишь богатейшей отрасли – горному делу. Генеральный ревизор узаконил также производство водки из сахарного тростника – ввиду запрета этого напитка его незаконное употребление приобрело колоссальные размеры, результатом чего стала утрата соответствующих доходов для короля. Кроме того, Гальвес учредил Службу генерального учета прямых и косвенных доходов, посредством которой корона получала доступ к управлению средствами городов, деревень и населенных пунктов. Данный орган позволял централизованно направлять соответствующие поступления в королевскую казну, и хотя в действительности эти средства не принадлежали королю, в течение многих последующих лет они были соблазном для монарха, когда требовалось в срочном порядке финансировать войны империи.

Назначение вице-королем Франсиско де Круа (1766–1771), разделявшего реформистские идеи Гальвеса, упростило проведение генеральной инспекции. Оба должностных лица договорились проинспектировать Нуэво-Сантандер, который с момента своего основания (1748) был практически забыт властями. Несколько месяцев спустя генеральный ревизор предпримет также личную инспекцию обширных земель северо-запада Новой Испании; здесь целью являлась выработка стратегии по обеспечению роста местного населения, умиротворению индейцев и разработка расположенных там рудников.

Между тем расходы вице-королевства росли небывалыми темпами, что объяснялось как увеличением затрат на оборону – так называемых *ситуадос*, так и необходимостью усмирения волнений 1767 г., вызванных изгнанием иезуитов, о чем будет рассказано ниже.

Вице-король уполномочил генерального ревизора, инспектировавшего казначейства и суды, вершить правосудие над коррупционерами и снимать их с занимаемых постов, а в случае необходимости – закрывать целые учреждения, как это было в случае с казначейством Акапулько, работавшим всего лишь три месяца в году. В плане увеличения доходов королевской казны Гальвес и Круа выступили в защиту меры, которая на первый взгляд шла вразрез с интересами короны, – снижения цены на ртуть (являвшейся королевской монополией) в целях поощрения развития горнорудной промышленности, в тех случаях, когда ртуть являлась необходимым элементом при обработке серебра. Как и некоторые другие предложения Гальвеса, данный проект в последующие годы доказывал свою эффективность в плане экономического развития, а затем и роста королевских доходов.

Регализм как подчинение церковных властей королю был отличительной чертой правления Бурбонов. С точки зрения Карла III и его министров привилегии, которыми пользовалась церковь, были несовместимы с интересами государства. Власти намеревались покончить со старой метафорой «король – отец, а церковь – мать большой испанской семьи» и насадить чисто «мужскую» концепцию политической власти – с единственным главою, коим являлся король. Писатели и просвещенные политики

защищали данную позицию, предполагавшую пристальный надзор за церковной иерархией и за ее участием в общественной жизни. Это начинание не имело бы успеха, если бы не опиралось на поддержку части церковной партии – так называемых янсенистов. Они считали церкви времен позднего барокко чересчур экстравагантными, помпезными, отличавшимися дурным вкусом и отстаивали простоту и строгость неоклассического стиля. Именно янсенисты, как в Европе, так и в Америке, подвергали жестким нападкам иезуитов, стоявших за власть папы и пытавшихся сохранить свою независимость от власти епископов.

Изгнание иезуитов из Новой Испании было следствием не идейного течения, возникшего в вице-королевстве, а изданного испанским монархом в начале 1767 г. декрета, отвечавшего желанию покончить с сопротивлением, которое этот религиозный орден оказывал королевской власти, отстаивая идею абсолютной подчиненности папе.

Без сомнения, иезуиты в Новой Испании располагали крупными и весьма прибыльными сельскохозяйственными угодьями; они были также очень влиятельными городскими землевладельцами; но самое большое влияние, оказываемое ими на жизнь вице-королевства, исходило из образовательной сферы. Иезуитская система образования была направлена на воспитание ученика как покорного мыслителя, что представляло опасность в эпоху XVIII в., когда наука и философия переживали процесс модернизации, даже несмотря на усилия инквизиции.

Когда королевский декрет достиг Новой Испании, удивительное единство суждений, объединявшее Гальвеса и Круа, помогло осуществить предельно быстрое и организованное изгнание иезуитов, как предписывал сам король: «ибо подданные великого монарха, занимающего трон Испании, должны знать, что они рождены для того, чтобы молчать и подчиняться, а не для того, чтобы рассуждать и высказывать мнения по поводу высоких деяний государя». Изгнание Общества Иисуса вызвало волнения среди населения – или, по крайней мере, дало повод для таковых. Сан-Луис-де-ла-Пас, Сан-Луис-Потоси, Гуанахуато и Вальядолид-де-Мичоакан стали жертвами генерального ревизора Гальвеса (направленного вице-королем), который прибег к жестким

репрессиям, наглядно продемонстрировав тем самым слепую подчиненность короне и желание выкорчевать любой ценой малейшие проявления мятежа.

Дело иезуитов 1767 г. стало одним из самых ярких ударов, нанесенных короной по церковным привилегиям. Другим стал регламент, касающийся возможности государства судить и подвергать наказаниям духовных лиц, преступивших гражданские законы. Изгнание иезуитов возмутило образованные слои общества, представители которых обучались в иезуитских школах, охватывавших двадцать один населенный пункт Новой Испании – от Чиуауа до Мериды; это была социальная группа, представителей которой иезуиты обучили всему – от азов алфавита до латинской грамматики и высших философских и научных доктрин. Второй же удар фактически затронул все население Новой Испании, в особенности самые бедные и необразованные слои населения, видевшие в священнике полубожественное существо, отличное от светских деятелей. В конечном счете вся бурбонская стратегия, направленная против церкви, служила ослаблению колониального режима.

* * *

Важнейший период экономического процветания Новой Испании начинается в 1770-е годы, после фазы застоя, которая, как показывает статистика, началась где-то около 1750 г. Начало эпохи благоденствия совпадает с периодом правления вице-короля Антонио Мария де Букарели (1771–1779). Одной из причин этого явления стал демографический рост: между 1742 и 1810 гг. население Новой Испании выросло с 3,3 млн человек до 6,1 млн – колоссальный рост, имевший место, прежде всего, среди индейского населения. Последнее было преимущественно сельским и проживало приблизительно в 4 682 населенных пунктах численностью от 2 до 3 тыс. человек.

Несмотря на то что большая часть населения проживала в сельской местности, число вилл, «небольших населенных пунктов» и городов также росло в этот период. Интендантство Мехико, где располагалась столица вице-королевства, имело

большой процент городского населения; аналогичная ситуация имела место в интенданствах Гуанахуато и Пуэбла. В отличие от них Оахака и Гвадалахара (которая частично включала в себя территорию современного штата Халиско) являли преобладание села над городом, поскольку городские скопления ограничивались одним или двумя центрами в каждом из интенданств. Сходная картина наблюдалась и в провинциях Вальядолид (Мичоакан) и Веракрус.

Что касается структуры населения, то большинство его составляли малолетние, не достигшие 16 лет; продолжительность жизни составляла 55-58 лет среди белого населения; среди индейцев и «кастового» населения этот показатель был ниже. В связи с этим целесообразно отметить, что власти вице-королевства осознавали необходимость улучшения жизненных условий (не принимая во внимание чисто человеческий фактор) всякий раз, когда эпидемии наносили чрезмерный ущерб беднейшим слоям населения и влекли за собой негативные последствия для потенциала экономического роста. Наиболее серьезные попытки наладить санитарно-гигиенические условия в центрах интенданств принадлежат второму вице-королю Ревильяхихедо (1789–1794). Основными предпринятыми в этом отношении мерами стали закладка кладбищ, запрет на погребение в церквях, нормативы по поводу использованной одежды, учреждение лазаретов и т.д. Несколько лет спустя, в 1802 г., в вице-королевство была впервые доставлена прививка против оспы. Для организации прививки (вакцинации) населения в качестве санитарных центров были выбраны церковные приходы, уполномоченными по которым стали представители духовенства.

Власть вице-короля и Регламент об интендантах

Более в силу благоразумия, нежели из чувства соперничества, Букарели в известном смысле прервал реформы, которые Гальвес намеревался провести в Новой Испании. Правда была на его стороне, поскольку к моменту его назначения средства королевского казначейства были все еще ограничены, а долги (особенно по статье ситуадос) – огромны. Пятью годами спустя

вице-король рапортовал о качественном росте чистых доходов, последовавшем в результате жесткого плана экономии. Важной составной частью последнего стала вначале проволочка, а затем и открытое противодействие учреждению интендантств в вице-королевстве в правление Букарели.

Заемствованная из Франции XVII в., система интендантств к тому моменту применялась на протяжении многих лет в других американских вице-королевствах. В ходе своей генеральной инспекции Гальвес намеревался учредить институт интендантов – губернаторов провинций – и подчиненных им субделегатов, которые должны были заменить главных алькальдов. Неприятие Букарели этой административной реформы не только отвечало соображениям практического характера – здесь также имел место важный политический подтекст, поскольку в соответствии с новой схемой вице-король утрачивал часть своей власти, что и являлось замыслом Гальвеса.

Вице-короли имели различные функции, в том числе судебные, административные и охранительные, они отвечали за сбор налогов и являлись генерал-капитанами; при практической реализации всех этих задач они опирались на штат местных чиновников, называемых коррехидорами или главными алькальдами. Эти чиновники, состоявшие на службе короны, не получали жалованья (или получали его в очень ограниченных размерах), что заставляло их заниматься деятельностью, не имевшей отношения к их прямым обязанностям. Одним из видов такой деятельности являлось распределение товаров, которое состояло в том, что главные алькальды в качестве посредников купцов от консульства в Мехико продавали индейцам импортные или произведенные в вице-королевстве товары по высоким ценам в обмен на местные продукты по низким ценам. Просвещенный правитель не мог терпеть подобную ситуацию, затруднявшую осуществление предписанных властями мер всякий раз, когда главные алькальды вместо того чтобы проводить их в жизнь, были заняты собственной наживой.

Предложение Гальвеса заключалось в том, чтобы создать группу сотрудников, которые бы частично взяли на себя задачи вице-короля – двенадцать человек, уполномоченных взимать

налоги, творить суд, создавать милицию и управлять городами и деревнями, состоявшими под их юрисдикцией. Эти функции назывались *делами*: так, интенданты должны были вести делами финансов, судопроизводства, войны и правопорядка (который в эту эпоху трактовался как нечто гораздо более широкое, нежели просто борьба с преступностью). Кроме того, в планах Гальвеса стояла также милитаризация северных областей вице-королевства и создание единого органа, уполномоченного заниматься исключительно фискальными вопросами, – Суперинтендантства королевского казначейства. Оба замысла преследовали лишение вице-короля части его полномочий. Всем этим нововведениям воспротивился Букарели, которому удалось отложить их практическое воплощение на весь период своего правления – благодаря как тому, что министр по делам Индий в Испании прохладно отнесся к этим планам, так и тому, что хорошо отлаженный фискальный аппарат Новой Испании попросту делал неактуальной налоговую реформу. Но в 1776 г. Хосе де Гальвес был назначен главой Министерства по делам Индий; с этого момента вплоть до его смерти, последовавшей десятью годами позже, в Новой Испании реализуются на практике все предложения, выдвинутые им ранее по результатам генеральной инспекции. Таким образом, вице-королевство переживает настоящий шквал реформ почти с самого вступления уроженца Малаги в его новую должность. Так, уже в 1776 г. создается Генеральный военный округ внутренних провинций, который хотя и содействовал материальному, демографическому и культурному развитию в обширных северных областях, тем не менее никогда полностью не выходил из-под власти вице-короля в Мехико.

Последние годы декады 1770-х годов были отмечены глубокими переменами. С одной стороны, Новой Испании предоставляется большая, хотя и ограниченная, свобода в торговле с Перу и Новой Гранадой. С другой стороны, в административной сфере Гальвес наносит новый удар по власти вице-короля созданием Суперинтендантства королевского казначейства, которое было вверено одному из его давних помощников. Данная мера имела целью утверждение «технократической» власти, которая отвечала бы за удовлетворение финансовых потребностей

метрополии. На практике это означало передачу функций сбора налогов и распределения средств из рук вице-короля и его помощников, за которыми сохранялись только полномочия судей, в руки вновь созданного чиновничьего штата – суперинтендантов казначейства и интендантов. Этот план потерпел неудачу, поскольку не был разработан достаточно тщательно и, как вскоре обнаружилось, содержал многочисленные правовые изъяны.

Что касается внедрения технократического проекта, то Регламент об интендантах достиг Новой Испании (последнего по времени вице-королевства, в котором он был введен) в крайне сложной обстановке: на момент его издания приходится смерть министра по делам Индий Гальвеса (1787), на момент процесса введения – смерть Карла III (1788), главного из королев-реформаторов династии Бурбонов. В любом случае, выполнение Регламента было продолжено; с его помощью была предпринята попытка более рационально разделить вице-королевство в административном смысле, дабы устранить хаотичность и децентрализацию – отличительные черты прошлого. Согласно Регламенту, к каждому из двенадцати интендантств (Дуранго, Гвадалахара, Гуанахуато, Мерида, Мехико, Оахака, Пуэбла, Сан-Луис-Потоси, Сонора (Синалоа), Вальядолид, Веракрус и Сакатекас) должны были быть приписаны уже существующие политико-административные единицы (губернаторства, главные алькальдии и коррехимьентос), каждая из которых получила название *округа*. Реализация программы по созданию интендантств была связана с многочисленными проблемами технического характера, которые частично объясняются тем обстоятельством, что авторы программы не имели точных сведений о границах каждого из округов. Результатом было то, что столь желанная организация территории вице-королевства так и не была достигнута. Но даже при этом границы бурбонских интендантств послужили основой для территориального деления, которое впоследствии будет прописано в республиканской конституции Мексики.

Восьмидесятые годы отличались культурным расцветом – одним из отличительных признаков поднимающейся (хотя и основанной на неравенстве) экономики. По инициативе вице-

короля Матиаса де Гальвесы – брата министра по делам Индий – в городе Мехико основывается Королевская академия изящных искусств Сан-Карлос и начинает издаваться газета “La Gaceta de México”. В области градоустройства этот вице-король вводит деление города на кварталы и учреждает посты квартальных алькальдов. Сын этого правителя – Бернардо де Гальвес (вице-король с июня 1785 по ноябрь 1786 гг.) – приказывает ввести систему освещения города Мехико, причем по образцу Мадрида.

Кроме того, в рамках просветительских забот о поддержке научных изысканий вице-король Мануэль Антонио Флорес (1787–1789) начинает в Мехико строительство Ботанического сада, которое завершилось при его преемнике – втором вице-короле Ревильяхихедо. Последнему принадлежит также начало строительства Горнопромышленного училища, которое было поручено валенсийцу Мануэлю Тольсá. Школа стала первым высшим учебным заведением, в стенах которого преподавались новейшие научные достижения и применялись последние экспериментальные методики. Здание школы, открытое в 1811 г., до сих пор является одним из самых великолепных строений мексиканской столицы.

Смена курса. Девяностые годы

Бурбонский проект модернизации преследовал цель централизации власти. Тем не менее Регламент об интендантах не выявлял в полной мере это намерение; скорее, посредством его корона искала способ упростить систему управления вице-королевством. В результате Регламента новые чиновники сменили главных алькальдов/коррехидоров. В ходе этого процесса был введен запрет на распределение товаров в тех случаях, когда субделегаты, в отличие от главных алькальдов, получали жалованье. В некоторых областях упразднение системы распределения проходило легко; в других ни люди, ни законы не смогли разрушить старую систему, которая, во избежание наказания, просто поменяла свое название.

Целью вновь прибывших интендантов и субделегатов было установление контроля над большим числом жителей Новой

Испании, чем прежде, вследствие чего регламент и дополняющие его законы встретили сопротивление; в итоге со смертью в 1786 г. Хосе де Гальвеса – главного защитника Регламента – корона уступила давлению. Так, еще до введения Регламента в действие некоторые из его постановлений уже были признаны неосуществимыми и во многих случаях имел место возврат в прежнее состояние; целостность и взаимосвязанность всего закона и отдельных его важнейших статей, таким образом, были нарушены.

Как учреждение интендантств и субделегаций, так и начатая много лет назад централизация доходов оказались полезны в отношении налоговых сборов, о которых будет рассказано ниже. Тем не менее, будучи запущена в действие, новая административная система столкнулась со множеством трудностей. Прежде всего второй Ревильяхихедо – наиболее просвещенный из вице-королей Карла IV – защищал в принципе институт интендантств, но был против положений, ограничивавших его власть. Эта позиция взяла верх, и после 1789 г. все инициативы, исходившие от интендантов, должны были утверждаться вице-королем. Во-вторых, территориальное разграничение двенадцати интендантств наложило на деление по епископствам и центрам налоговых сборов, находившихся под разной юрисдикцией. Принимая во внимание этот последний случай, можно сказать, что интендантства «пришли слишком поздно», поскольку в Новой Испании уже была выстроена схема сбора денежных средств, поверх которой насильно легла схема интендантств. Можно себе представить те сложности, которые возникали, например, между интендантами Сан-Луис-Потоси и Сакатекаса, когда половина алькабал на территории Сакатекаса была приписана к интендантству Потоси. Положение еще больше усугублялось, если учесть, что оба интенданта должны были представлять отчеты в Генеральное управление по алькабалам и пульке в г. Мехико, тогда как по закону они подчинялись только Министерству казначейства в Испании, а после реформ Ревильяхихедо в 1789 г. – вице-королю Новой Испании. Эта проблема приводила к громким конфликтам между интендантами и центральной администрацией вице-королевства.

Несмотря на трудности, результаты этой и других составляющих реформистского плана оказались весьма впечатляющими. Согласно данным, между 1789 и 1804 гг. королевские доходы выросли в четыре раза. Это объясняется многими факторами: увеличением числа налогов (как обычных, так и чрезвычайных), увеличением налоговой ставки, усилением фискального давления в результате административных реформ и, наконец, экономическим ростом. Независимо от причин, последствия подобного выкачивания средств оказались огромны; фактически считается, что жители Новой Испании платили на 70% больше налогов на душу населения, нежели обитатели метрополии.

На протяжении девяностых годов фискальный гнет на новоиспанское население был особенно тяжелым. Дело в том, что корона с политической точки зрения уже практически не могла извлекать деньги из обычных налогов. Так, по причине военных конфликтов, в которые ввязывалась испанская империя (война с французами в 1793 г., конфликт с Англией в 1796 г.), корона обращалась за займами и пожертвованиями. Они отличались от традиционных налогов, поскольку монарх брал на себя обязательства выплачивать проценты с таких вкладов.

И так продолжалось вплоть до последних лет до завоевания независимости; король выплачивал проценты наиболее отличившимся сборщикам налогов вице-королевства: консульству в Мехико, вновь созданным (1795) консульствам в Веракрусе и Гвадалахаре и Трибуналу по горнорудным делам. Тем не менее, когда обстоятельства вынудили его пойти на крайние меры, монарх с помощью своих интендантов воспользовался средствами, которые ему не принадлежали, но которые по закону находились под его надзором. Эти средства находились на счетах городов, деревень и населенных пунктов, индейских общин («сбережения» индейских поселений для их непредвиденных нужд), в кассах взаимопомощи (средства гражданских и военных чиновников, отложенные для их вдов) и т.д. Изъятие этих средств никогда не было возмещено – и тем более с них не были выплачены проценты. Некоторые из этих счетов исчезли в период

либерализма (1808–1814, 1820–1821), другие должны были вновь открыться после 1821 г.

Консолидация королевских векселей и экономика Новой Испании

Одной из тяжелейших финансовых проблем для короны стала необходимость «стабилизации» стоимости многочисленных долговых бумаг, подписанных королем (так называемые королевские векселя), имевшие в Испании хождение наряду с денежной массой¹. Так называемая «консолидация королевских векселей» была направлена на то, чтобы церковь в метрополии распродала свою собственность и «одолжила» вырученные средства королевской казне. В Новой Испании церковь не имела крупных владений, а богатые иезуитские асьенды перешли в собственность королевской казны по статье «темпоралидадес» (светская собственность). Чем действительно располагала церковь, так это большими суммами, получаемыми от богатых и от бедных на проведение месс во спасение душ. Суд по делам капелланств и благотворительности предоставлял из этих средств займы для успешного функционирования асьенд, ранчо и строительства. Именно эти деньги церковь должна была «истребовать» со своих должников для того, чтобы «одолжить» их королевской казне.

Провозглашение декрета о консолидации королевских векселей в Новой Испании в конце 1804 г. вызвало огромные последствия: сократилась доля свободных кредитных средств и

¹ То есть король обращался за займами к своим подданным, в обмен на что выпускал королевские векселя (подписанные королем бумаги, на которых была отпечатана сумма займа). Они использовались подданными в качестве денег. Вначале векселя принимались по указанной на них стоимости. Но по мере того как продолжали выпускаться все новые бумаги, их стоимость начала падать. Стремление короны «стабилизировать цену» объяснялось тем обстоятельством, что, при условии отказа принимать королевские векселя в качестве платежного средства или их хождения по очень заниженной стоимости, корона уже не могла более брать займы – по крайней мере, используя для этого механизм долговых бумаг.

капиталов для функционирования многих производственных объектов, иссякли накопительные фонды, многие учреждения и частные лица впали в нищету. Декрет был отменен в начале 1809 г. благодаря государственному перевороту, направленному против вице-короля Хосе де Итурригарая (1803–1808); тем не менее его последствия сказывались еще долгое время, поскольку экономика была неспособна восстановиться ни в кратко-, ни в среднесрочной перспективе.

В любом случае, непомерное выкачивание средств, которое выпало на долю Новой Испании в эпоху Бурбонов, свидетельствует о том, что при значительном росте экономика вице-королевства подвергалась обескровливанию со стороны метрополии по причине этого самого роста. Уже упомянутый прирост населения означал повышение рыночного спроса и торгового обмена, что в свою очередь благоприятно сказывалось на положении сельского хозяйства, которое в означенный период было в большей степени ориентировано на городской рынок, нежели на горнопромышленный сектор. Последний в свою очередь показывал важный рост с 1772 г. приблизительно до 1795 г. Динамичное развитие горнорудной промышленности являлось следствием проводимой короной политики развития отрасли, включавшей особые цены на ртуть и порох и освобождение от алькабалы торговли инструментарием, непосредственно задействованным в производственном процессе отрасли. Другим фактором ее роста стала относительная свобода торговли, которая затронула в этот период американские владения. В результате сокращения торговых прибылей, купцы перенаправили капиталовложения в разработку новых горных месторождений.

Важно отметить, что все вышеперечисленное вкупе с относительным ростом торгового обмена еще не означало, что в эту эпоху сформировался единый новоиспанский рынок. Скорее существовало множество рынков, удовлетворявших потребности конкретных районов. Так, например, интендантство Оахака производило маис, который потреблялся там же, и везти его в интендантство Дуранго попросту не имело смысла. Иной была ситуация с некоторыми видами продукции, высокая стоимость которых действительно оправдывала расходы на длительную

транспортировку по очень плохим дорогам и на дорогостоящую оплату алькабалы. К таким видам продукции относились серебро, некоторые виды текстиля и агуардъенте; еще более важную статью представляли импортные товары, ввозимые через Веракрус и продававшиеся затем в Чиуауа и далее к северу. Насыщение рынка импортными товарами было достигнуто как в результате предоставления свободы внешней торговли, пик которой приходится на 1789 г., так и в результате так называемой нейтральной торговли, которую Испания была вынуждена ввести перед лицом блокады своих портов со стороны Англии в ходе войн между двумя державами. Данный вид торговли основывался на разрешении пользоваться испанскими портами, которое корона предоставляла странам, не принимавшим участия в конфликте. Полезность этой меры заключалась в том, что в вице-королевство доставлялась столь необходимая ему ртуть, а власти метрополии сохранили доступ к ресурсам богатейшей из своих колоний. Система работала следующим образом: король Испании обращался за займом, например, к французскому финансисту, который возвращал себе соответствующую сумму из казны Мехико, содержащей средства от ординарных налогов, займов, пожертвований, а после декрета о консолидации королевских векселей – и от церкви, изъявшей деньги у новоиспанских производителей для предоставления их под заем королю. Между прочим, эти средства в конечном итоге оказались во французской казне Наполеона Бонапарта в результате заключенного с ним испанской монархией альянса против Англии (1803). Таким образом, крупная часть сбережений жителей Новой Испании ушла на финансирование конфликта, к которому жители вице-королевства практически не имели отношения.

Внутренний новоиспанский рынок отличался большим динамизмом. Бахио и Мичоакан по-прежнему снабжали горнодобывающие центры и поставляли все больше мануфактуры в города вице-королевства и на Антильские острова. Последний регион обеспечивался мукой, производимой в Пуэбле, и, даже при том, что конкуренция Соединенных Штатов покончила с этой статьей экспорта в условиях нейтральной торговли, текстильное

производство Пуэблы нашло рынок сбыта в Сакатекасе, Синалоа, Дуранго, Оахаке и Гватемале.

Демографический рост вкупе с ростом столицы интендантства Гвадалахары обеспечили ему важное положение в экономике Новой Испании; в этот период были расширены его мануфактурные центры и интенсифицировался торговый обмен, в котором также принимали активное участие индейские общины. Развитие Гвадалахары во многом являлось следствием того импульса, которой был придан местной экономике в результате создания в этом городе в 1795 г. Торгового консульства (представительства). В отличие от аналогичного учреждения в Мехико эта корпорация с самого начала стала применять более либеральные формы экономических отношений. Благодаря этому крупнейшая ярмарка Новой Испании в Сан-Хуан-де-лос-Лагос, которая находилась в ведении консульства Гвадалахары, превратилась в главный центр снабжения горнопромышленных и городских районов дальнего севера. Последний, в особенности северо-запад, переживал период активного экономического роста благодаря открытию новых горнорудных месторождений.

С другой стороны, бурно развивалась экономика интендантства Сан-Луис-Потоси (включавшего территорию современных штатов Сан-Луис-Потоси, Коауила, Нуэво-Леон, Тамаулипас и часть Техаса), что было вызвано относительным расширением его городских районов – Сальтильо, Монтеррея и многочисленных поселений колонии Нуэво-Сантандер. Ввиду отсутствия крупных горнорудных месторождений, кроме тех, которые располагались на территории нынешнего штата Сан-Луис-Потоси, экономика региона показывала относительный рост благодаря специализации на товарном производстве, что позволило установить тесные торговые связи с центром вице-королевства. Важнейшей статьей здесь являлось скотоводство и производство связанной с ним продукции, для которой крупным рынком сбыта к концу века были Мехико, центральные равнины и Бахио. В сходном положении находилась северная часть Оахаки, обеспечивавшая скотом и сахаром рынки центра. В этом интендантстве, особенно в районе Мистека-Альта, продолжалось производство кошенилевых красителей, экспортировавшихся в

другие страны, где рос спрос на этот продукт. По этой причине в данном регионе сохранялась система распределения товаров, ибо это был слишком лакомый кусок, чтобы терять его во исполнение королевского указа. Равнины вокруг Оахаки поддерживали собственную экономику, снабжая этот город и торгуя с областями перешейка – Чьяпасом и Гватемалой. В свою очередь Юкатан, в отличие от остальной Новой Испании, пользовался особым отношением к себе со стороны короны: так, еще в 1770 г. ему была предоставлена свобода торговли, в результате чего провинция оказалась в особом правовом положении, что впоследствии вызывало постоянные проблемы на протяжении всего XIX в. Через порт Кампече Юкатан поставлял свои товары в остальную часть вице-королевства, а также на Кубу и в Новый Орлеан; его демографический рост в свою очередь потребовал импортировать товары из этих и других районов.

Чувство национализма в Новой Испании

Перемены во властной структуре, новый тип образования, наличие культурных учреждений и почти тайное приобщение к европейским и американским идеям, а также экономические условия с неизбежностью вызвали изменения в менталитете жителей Новой Испании. Этого не могло не случиться и по той причине, что на протяжении всего периода имело место постоянное столкновение интересов испанской политики и внутренних нужд вице-королевства. На первом этапе – до девяностых годов XVIII в. – политика в области культуры характеризовалась разнообразием и включала, например, проведение общественных мероприятий, основание культурных учреждений. Этот этап заканчивается, когда корона начинает бояться проникновения в Новую Испанию освободительных идей французской революции. В девяностые годы постепенно обозначаются различия между пиренейцами и американцами и между ними нарастает взаимное недоверие. Несмотря на усилия правительства, начинают употребляться такие слова, как свобода, прогресс, нация. Это было время смены менталитета жителей Новой Испании. Вопреки представлению испанцев, что в Америке

не создается ничего заслуживающего внимания, с середины века в многочисленных сочинениях, выходивших в вице-королевстве, превозносилась способность его жителей к разнообразной творческой деятельности.

Бурбонский реформизм сделал много для выхолащивания креольской идеи. Так, в многочисленных вновь созданных учреждениях (Академия изящных искусств Сан-Карлоса, Суд по горнорудным делам и Горнопромышленное училище, Королевский ботанический сад) на должности руководителей назначались пиренейцы, тогда как креолам отводились лишь места помощников. Точно так же и высокие чиновничьи посты предназначались исключительно пиренейцам. Здесь, впрочем, имели место альянсы между, например, интендантами и местными экономически влиятельными группами; такого рода альянсы возникали при необходимости отстаивания властных полномочий или какой-либо экономической привилегии. К наступлению решительного момента истины – начала войны за независимость – среди чиновников возобладало чувство верности пиренейским властям.

Важной причиной пробуждения чувства национализма стала нейтральная торговля, благодаря которой жители Новой Испании установили контакт с иностранцами, что позволило им обрести больше уверенности в собственных силах. Эту уверенность парадоксальным образом подкрепил один из самых продажных вице-королей колониального периода – Хосе де Итурригарай, создавший провинциальные милиции (военные корпуса, набранные из жителей провинций). Эта мера, направленная на защиту Новой Испании перед лицом войны между Испанией и Англией в конце 1804 г., пробудила среди населения вице-королевства сознание военной мощи нации.

В этих условиях последние годы Бурбонов (1808–1809) оказались весьма непростыми: наряду со многими другими событиями вице-королевство оказалось обезглавлено; одновременно усилилось недовольство в связи с засухой, пришедшейся на эти же годы. Декрет о консолидации и его введение имели последствия для экономики, но еще более тяжелым оказался вызванный благодаря этому кризис доверия

новоиспанского населения к властям вице-королевства и метрополии. Первым предупреждением (1808) стала неудавшаяся попытка либеральной революции в Вальядолид штата Мичоакан. Второе предупреждение (1810) знаменовало начало длительного периода, и последствия его сказывались еще долго. С учетом всего вышесказанного и в свете столь непростого финала можно утверждать, что период бурбонских реформ стал эпохой экономического и культурного подъема, которому не суждено было повториться в последовавшее за этим столетие.

ОТ ЗАВОЕВАНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ДО СТАНОВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ

Хосефина Сорайда Васкес

НАСТОЯЩАЯ ГЛАВА ОХВАТЫВАЕТ ПЕРИОД с 1808 по 1876 год, т.е. исторический отрезок времени от завоевания независимости и основания национального государства до его окончательного становления как республики после победы над французскими интервентами и последней попытки учреждения монархии. Это был переходный период, связанный с постепенным выдвиганием либерализма и национализма на передовые позиции мировой авансцены и возникновением новых государств-наций, первые из которых появляются в бывшей Испанской Америке.

Революции в Северной Америке и во Франции, продолженные затем в ибероамериканских колониях, способствовали внедрению новых принципов как в политическую жизнь, так и в отношения между государствами. Эти новые принципы, расцененные в 1812 г. как либеральные, отрицали абсолютные монархии, утверждая, что политическое верховенство принадлежит народу, представители которого избирают власть, подразделяемую на три различные ветви – законодательную, исполнительную и судебную, что должно было служить гарантией прав и свобод граждан. Совершеннолетние лица мужского пола, наделяемые правом избирать и быть избранными как представители, из подданных становились гражданами. Эти принципы повлияли на структуру и внутренние взаимоотношения государств, а также на международные отношения, которые отныне переставали быть взаимодействием между династиями, опорами которым служили принцип монархической власти и исключительность отдельных рынков. Теперь такими столпами являлись свобода торговли, защита личности и частной собственности, что в свою очередь способствовало развитию религиозной терпимости, установлению взаимоотношений равных с равными и обеспечению морского права нейтральных стран даже в военное время. Естественно, столь резкие перемены требовали

длительного переходного периода для своего утверждения, и именно таковым был контекст обретения независимости ибероамериканскими государствами.

В Новой Испании «модернизационные» преобразования, осуществленные династией Бурбонов, к тому времени уже изменили социальные, политические и экономические взаимоотношения, выстраивавшиеся на протяжении более чем двух веков. Эти перемены вызвали у жителей Новой Испании общее чувство волнения и жажду автономии; эти чувства лишь подогревались растущими экономическими поборами со стороны метрополии, затрагивавшими все социальные слои. Таким образом, крушение монархии в 1808 г. и либеральная революция в Испании – события, о которых речь пойдет ниже, – стали благоприятной конъюнктурой для обретения независимости. В этих условиях жители американских колоний получили возможность открыто выражать свое недовольство и испытать на себе действие испанского либерального конституционализма, влияние которого на политическое мышление в бывшей Испанской Америке будет определяющим на протяжении первых четырех десятилетий существования новых государств.

Так же, как и в других испаноамериканских вице-королевствах, независимость Новой Испании была достигнута в результате длительной борьбы, вследствие чего мексиканскому государству суждено было появиться на свет слабым, обремененным внешними долгами, с парализованной экономикой, расколотым обществом – и в состоянии полного хаоса. В довершение всего слава о былом процветании и богатствах Мексики превратила ее в мишень для нового поколения всевластных коммерсантов, вынашивавших амбициозные планы. Тем не менее надежды на восстановление былого блеска способствовали рождению двух конкурирующих проектов политического устройства нации, пока не возобладала либерально-республиканская схема.

Революция и независимость

Новоиспанское общество представляло собой человеческую мозаику. Только 17,5% его составляли пиренейцы и креолы, их потомки, жители городов. Численность пиренейской группы была ничтожна и подразделялась на приезжих чиновников и постоянных жителей. Представители креольской группы были наиболее образованными, 5% ее были крупными собственниками, некоторые даже из числа знати; но большую ее часть составляли ранчерос, купцы, предприниматели, чиновники, священнослужители и военнослужащие среднего звена – претенденты на высокие армейские звания. Около 60% населения были представлены индейцами, сохранявшими свои общинные формации. Из немногочисленной группы индейской знати, говорившей на испанском языке, происходили касики, губернаторы, помещики и купцы, но моноязычное большинство было основным источником рабочей силы и платило подати. Периодически случавшиеся климатические бедствия и рост асьенд вынудили многих представителей этой группы искать защиты в системе пеонажа. Почти 22% населения были представлены кастами – смешанными группами испанцев, креолов, индейцев, негров, мулатов и метисов; они были безземельными, не могли занимать общественные должности и получать степень цеховых мастеров. Эти люди занимались любой официально не запрещенной работой и встречались среди горнорабочих, слуг, ремесленников, управляющих, погонщиков вьючных животных, дворецких. Некоторые в поисках удачи переместились на север; другие нищенствовали, мошенничали и разбойничали в городах и центрах горнодобывающей промышленности. Лишь около 0,5% составляло негритянское население, частично представленное рабами на сахарных плантациях.

Мехико наслаждался спокойствием, когда 8 июня 1808 г. пришло известие о том, что Карл IV отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда. Еще только шли приготовления к торжествам по этому поводу, когда новое известие переменяло настроения – испанская корона оказалась в руках Наполеона.

Оцепенение сменилось озабоченностью по поводу возможных последствий этого факта для Новой Испании.

Данное событие произошло в сложной обстановке, когда Наполеон, пытаясь установить континентальную блокаду своего врага – Великобритании, вынудил Испанию разрешить проход по ее территории французских войск, направленных для покорения Португалии (которая была союзницей англичан). Прежде чем передать корону Испании своему брату Жозефу, Наполеон созвал ассамблею представителей и даровал испанцам конституционную хартию, которая гарантировала им некоторые права, а также устанавливала равенство между ними и американцами – жителями колоний.

Испанский народ тем не менее не принял навязанный режим и взялся за оружие. Для организации наступления были сформированы местные хунты, которые в целях координирования действий и обеспечения представительности объединились в единую верховную хунту. Но последняя оказалась неспособна справиться со своими задачами и назначила регентство, созвавшее выборы в кортесы – собрание представителей знати, духовенства и народа, которые должны были решить, как будет управляться империя в отсутствие законного короля.

Хотя жители Новой Испании и поклялись в верности Фердинанду VII, аюнтамьенто (муниципальный совет) Мехико, как и в других частях империи, решил, что, за отсутствием монарха, королевство вновь обретает суверенитет, а это означало необходимость созыва хунты в составе всех аюнтамьенто, чтобы определить форму правления. Вице-король Хосе де Итурригарай дал свое согласие, но члены королевского совета (возглавляемого вице-королем) воспротивились, опасаясь возможного объявления независимости. Впрочем, кое-кто сочувствовал этой идее, пребывая в уверенности, что королевство располагает достаточными ресурсами для обеспечения благополучия подданных, но подавляющее большинство стремилось к автономии, на которую, как ему думалось, оно имело право.

В то время как королевство занималось созывом собственной хунты (по образцу испанских), некоторые из пиренейских

чиновников и купцов замыслили государственный переворот. В полночь 15 сентября 1808 г. 300 человек под предводительством богатого помещика Габриэля де Йермо ворвались во дворец и арестовали вице-короля и его семью. Главы аюнтамьенто также подверглись аресту. В то же самое время в зале совета вице-королем провозглашался старейший из генералов королевства. Переворот был не только преступлением с правовой точки зрения, но и явил наглядный образец применения насильственных средств. Действия непокорных пиренейцев расстроили чаяния креолов, что привело к заговорам уже с этой стороны – притом на фоне засухи, приведшей к истощению запасов зерна в королевстве. После того как хунтой в Севилье был назначен вице-королем архиепископ Франсиско Хавьер Лисана, в Вальядолиде был составлен первый заговор. Он был вскоре раскрыт, но архиепископ – вице-король проявил снисходительность и всего лишь отправил заговорщиков в ссылку. Заговор, между тем, переместился в Керетаро – процветающий город на перекрестье торговых путей. Здесь, в доме коррехидора Мигеля Домингеса и его жены Хосефы, проводились заседания так называемого литературного кружка, которые посещали капитаны Игнасио Альенде и Хуан Альдама, некоторые священники и купцы, в частности, приходский священник города Долореса Мигель Идальго – просвещенный человек, бывший ректор духовного колледжа Сан-Николас-де-Вальядолид. Заговорщики планировали начать восстание в декабре, во время ярмарки в Сан-Хуан-де-лос-Лагос; но после раскрытия заговора в результате доноса у Альенде, Альдамы и Идальго не осталось иного выбора, кроме как тотчас же действовать. Поскольку в тот год 16 сентября падало на воскресенье, священник созвал прихожан на мессу, во время которой призвал их объединиться и сражаться против плохого правления. Пеоны, крестьяне и ремесленники, их жены и дети похватили пращи, палки, земледельческие орудия и оружие (у кого оно имелось), после чего все последовали за священником.

Той же ночью их отряды заняли Сан-Мигель-эль-Гранде, а несколько дней спустя в Селайе огромная масса людей провозгласила Идальго генералиссимусом, а Альенде – генерал-

лейтенантом. В святилище Атотонилько Идальго дал этому воинству его первое знамя – изображение Девы Марии Гваделупской. Двумя неделями позже восставшие были у ворот богатого города Гуанахуато. Идальго принудил интенданта Хуана Антонио Рианьо к сдаче, но последний укрепился на хлебном рынке Гранадитас вместе с богатыми горожанами, прихватившими свое имущество. Идальго отдал приказ о штурме; сломив длительное сопротивление осажденных, толпа прорвалась на рынок и в ярости учинила жестокую резню и грабеж, остановить которые Идальго и Альенде были не в силах. Этот прискорбный эпизод убавил симпатии к освободительному движению и отсрочил час его победы.

К этому времени в столицу пришел приказ об избрании 17 депутатов, которые должны были представлять Новую Испанию в Кадисских кортесах; это событие вызвало волнения в народе. Архиепископ был смещен с поста вице-короля; его преемником стал дон Франсиско Хавьер Венегас, чья несчастливая звезда привела его на эту должность за несколько дней до того, как вспыхнуло освободительное движение, в результате чего ему пришлось организовывать защиту, не успев как следует ознакомиться с королевством. Он немедленно приказал генералу Феликсу Мариа Кальехе двигаться в направлении Мехико и доставить в столицу изображение Девы де лос Ремедиос.

Несмотря на страхи, вызванные насилием, неравноправие и несправедливость со стороны властей привели к распространению восстания по всей территории Новой Испании. Хосе Мариа Морелос, приходский священник Каракуаро предстал перед Мигелем Идальго и получил задание взять Акапулько. Хосе Антонио Торрес предпринял штурм Гвадалахары; схожие действия повторились и в других местах. В противоположность этому Мануэль Абад-и-Кейпо – избранный епископ Вальядолида – был горячим сторонником справедливого разрешения социальных проблем в Новой Испании; он осудил насильственные методы освободительного движения и отлучил Идальго от церкви. Узнав, что восставшие двигаются на Вальядолид, он бежал в то самое время, когда местные власти

сдавали город, чтобы избежать участи Гуанахуато, а кафедральный капитул провозглашал отлучение дона Мигеля.

К последним числам октября предводительствуемое Идальго войско уже было на горе Монте-де-лас-Крусес, перед воротами Мехико, где 30 октября вся эта разнородная масса вступила в битву и разбила тысячу креолов-роялистов. Город поднялся. Идальго искал встречи с вице-королем, но дело кончилось тем, что он отдал приказ об отступлении, причины которого нам неизвестны. Было ли оно связано с отсутствием поддержки со стороны индейских селений долины Толука? Страхился ли Идальго повторения кровавой вакханалии Гуанахуато? Или же он боялся, что войска Кальехи загонят его в западню? Как бы то ни было, время побед закончилось: несколько дней спустя восставшие столкнулись с армией роялистов при Акулько и были разбиты. Альенде, не согласный с приказами Идальго, двинулся напрямик на Гуанахуато, в то время как священник продолжил путь на Гвадалахару.

Город восторженно встретил Идальго. Тот, не особенно раздумывая над своим шатким положением, принял титул «светлейшее высочество» и сформировал собственное правительство; он поощрял распространение освободительного движения, отдал приказ о публикации газеты «Пробудитель Америки» (“El Despertador Americano”), обнародовал декрет об отмене рабства, индейской подушной подати и монополий на товары и объявил общинные земли в исключительное пользование индейцев. К несчастью, он также позволил казнить пленных испанцев. Альенде продержался недолго и после поражения вернулся в Гвадалахару; в это же время на город двигались войска под командованием Кальехи и только что прибывшего из Испании Хосе де ла Круса. Хотя Альенде и не верил в возможность обороны, он вынужден был приступить к ее организации. Катастрофа произошла 17 января 1811 г. у моста Пуэнте-де-Кальдерон – пятитысячная армия роялистов, в которой царила жесткая дисциплина, нанесла поражение 90 тысячам повстанцев.

Вожди восстания смогли спастись бегством и приняли решение двигаться на север в поисках помощи от

североамериканцев. На асьенде Пабельон Альенде и Альдама лишили Идальго командования, а в Сальтильо решили поставить во главе борьбы Игнасио Лопеса Района. Но в результате предательства Альенде, Альдама, Идальго и Хосе Мариано Хименес были схвачены и отправлены в Чиуауа, где были преданы суду и казнены. В ходе двух судебных процессов по его делу Идальго честно признал свою вину в развязывании насилия и в отдаче приказа о казни без суда многих испанцев, поскольку «не было причин так поступать, ибо они были невиновны». Головы четырех предводителей были отправлены в Гуанахуато и водружены по углам хлебного рынка Гранадитас; но, тем не менее, разгромленное движение смогло нанести смертельную рану вице-королевству, разрушив колониальный порядок и оказав глубокое воздействие на экономику и фискальную систему.

Между тем испанские кортесы собрались в Кадисе, чтобы решить вопрос об управлении империей в отсутствие законного короля. Дискуссии и известия, касающиеся кортесов, жадно читались новоиспанским населением, в результате чего оно политизировалось. После длительных обсуждений была провозглашена конституция 1812 г.; присяга ей в Мехико состоялась в сентябре. Новый основной закон провозглашал конституционную монархию, разделение властей, свободу печати, отмену подушной подати, учреждал провинциальные депутации (в Новой Испании их было шесть) и конституционные аюнтаменты в каждом населенном пункте численностью в тысячу и более человек. Население отвечало за организацию гражданских милиций в целях поддержания порядка и содействия общему делу обороны в случае опасности. Должность вице-короля отменялась и заменялась должностью политического руководителя. Конституция удовлетворяла некоторые из стремлений креолов к свободе и представительности, но не предоставляла им равенство и автономию, о которых они мечтали.

Поскольку американцы воспользовались свободой печати для распространения анархистских идей в газетах, листовках и брошюрах, Венегас ее отменил. Между тем план Кальехи по

борьбе с повстанцами оказался в известной степени успешным, и это обеспечило ему назначение на пост политического руководителя после Венегаса. Кальеха, хотя и использовал конституцию как инструмент контрреволюции, официально отменил ее с возвращением на трон Фердинанда VII в 1814 г., поскольку она ограничивала его власть. Как бы то ни было, жители Новой Испании уже успели почувствовать себя гражданами.

Во главе повстанцев Район поставил учрежденную им в Ситакуаро Верховную правительственную хунту Америки. Восставших поддерживало тайное общество «Гуадалупес», снабжавшее их деньгами, информацией и советами, но Кальеха не замедлил выбить повстанцев из Ситакуаро. В это время в качестве верховного вождя начинает выдвигаться священник Морелос. Являясь в прошлом погонщиком, он хорошо знал население и дороги, а природный военный талант подсказал ему мысль сформировать малочисленную, но хорошо организованную и обученную армию; чувство же здравого смысла позволяло ему использовать непростые условия местности, по которой двигались его силы. Вместе со своими бесценными помощниками Эрменехильдо Галеаной и Мариано Матаморосом и верными соратниками Николасом Браво, Мануэлем Мьер-и-Тераном, Гуадалупе Викторией и Висенте Герреро Морелос смог овладеть Чильпансинго, Тистлой, Чилапой, Таско, Исукаром и Куаутлой. В последнем месте он выдержал двухмесячную осаду, предпринятую Кальехой, от которого Морелос смог спастись лишь чудом; затем он восстановил силы. После того как восставшие заняли обширную территорию, Морелос приступил к созыву конгресса, который должен был взять на себя власть и учредить правительство. Конгресс открылся 14 сентября 1813 г. в Чильпансинго чтением документа «Чувства нации», в котором Морелос объявлял, что Америка отныне свободна, политическое верховенство принадлежит народу, власть должна подразделяться на три ветви, а законы, равные для всех, должны ограничивать богатство и нищету. После подписания декларации независимости конгресс вручил исполнительную власть Морелосу, который принял титул

«Слуга народа». Разработанная конгрессом конституция, во многом повторявшая конституцию 1812 г., была провозглашена в Апацингане 22 октября 1814 г. К несчастью, конгресс присвоил себе все полномочия и лишил Морелоса свободы действий. Борьба продолжалась; хотя Морелос смог взять Акапулько, он потерпел поражение в Вальядолиде и, загнанный в западную, был пленен 5 ноября 1815 г.; осужденный и лишенный сана, он был расстрелян 22 декабря в Сан-Кристобаль-Экатепеке.

К этому времени в королевстве уже сказались последствия многолетних войн. Центральные области были разорены нищетой и разрухой. Власть восставших на обширных территориях полностью расстроила систему управления и сбора налогов. Под предлогом войны предводители как повстанцев, так и роялистов присвоили себе широкие фискальные и судебные полномочия, которые стали основой их будущей политической власти. Как бы то ни было, Новая Испания, казалось, была усмирена, и испанское правительство решило попробовать политику примирения. Хуан Руис де Аподака был назначен вице-королем в 1816 г. и сразу же предоставил повстанцам амнистию, которую многие из них приняли. В 1817 г., в обстановке казалось бы восстановленного порядка, предпринимается скоротечная попытка восстания, во главе которого стояли падре Сервандо Тереса де Мьер и испанский капитан Франсиско Хавьер Мина. С 300 наемников Мина углубился вплоть до Бахио, но потерпел поражение от роялистских сил и был расстрелян 11 ноября того же года. Мьер подвергся заключению в Сан-Хуан-де-Улуа.

Прежний престиж короны исчерпал себя, будучи неспособным восстановить порядок; на этом фоне в январе 1820 г. создалась благоприятная обстановка для обретения независимости. В Испании командующий Рафаэль де Риго в первых числах января высказался за восстановление конституции 1812 г. и принудил короля присягнуть ей, что, соответственно, проделала и вся империя, после чего были созваны выборы в кортесы.

К этому времени десять лет борьбы уже настолько преобразили Новую Испанию, что даже пиренейцы склонялись к идее независимости, хотя у каждой из групп были свои причины

на это. Высшие чины армии и церковные иерархи благожелательно относились к независимости, страшась, что новые кортесы отменят их привилегии и влияние. Одни группы желали конституции, подходящей для королевства, тогда как другие предпочитали установление республики. В порядке почина новый конституционный строй выпустил на свободу томившихся в заключении повстанцев и разрешил свободу печати, что сразу же привело к появлению антиправительственных публикаций. Все это, вкупе с выборами депутатов в кортесы, провинциальных депутатов и конституционных аюнтамьенто, вновь накалило страсти.

В этой обстановке план достижения независимости зародился в роялистских кругах. Его автор Агустин де Итурбиде – военный креольского происхождения, родом из Вальядолида, – симпатизировал идее автономии, но отвергал насильственные методы повстанческого движения. Начиная с 1815 г. он выдвигал идею легкого пути для достижения независимости при условии объединения американцев, принадлежавших к двум противоборствующим силам. Дон Агустин не потерпел ни единого поражения на поле брани, но одно обвинение прервало его карьеру; хотя оно было впоследствии снято, он предпочел вернуться к частной жизни. Военный опыт и уединение позволили ему поразмыслить над создавшимся положением, а его выход на различные слои населения способствовал близкому ознакомлению с различными точками зрения новоиспанцев, которых он постепенно объединял вокруг себя и своего плана достижения независимости мирным путем. Его престиж способствовал тому, что с ним сблизилась группа противников конституции, но, вопреки сложившемуся мнению, Итурбиде к этой группе не присоединился – его целью было добиться для себя всеобщей поддержки. После того как Аподака предложил ему военное командование югом в целях ликвидации Герреро, Итурбиде усмотрел для себя возможность добиться поставленной цели; тогда он информировал о своих планах новоиспанских депутатов, направлявшихся в Испанию.

Итурбиде рассчитывал либо разбить Герреро, либо уговорить его сдаться в обмен на помилование, но, поскольку предприятие

оказалось не столь простым, он предложил ему присоединиться к своему движению. В свою очередь, Герреро, осознавая свою изолированность, также пришел к сходному выводу, а именно что достижение независимости будет возможным только в союзе с одним из вождей роялистов. Вначале он не проникся доверием к своему давнему врагу, но план Итурбиде и предоставленные им гарантии в конце концов убедили Герреро, и он обратился к своим силам с просьбой признать Итурбиде «первым предводителем национальных армий».

В целях достижения компромисса Итурбиде положил в основу своего плана три гарантии — религию, союз и независимость, к которым сводились цели, поставленные креолами в 1808 г., а также цели восставших. Гарантия союза была прежде всего призвана успокоить пиренейцев. План был провозглашен в Игуале 24 февраля 1821 г. Его копии были направлены королю и всем гражданским и военным властям королевства, а также предводителям роялистов и повстанцев. План был встречен с энтузиазмом в народе и в армии, не считая военных предводителей и властей столицы, а также некоторых пиренейских командующих.

Между тем в Мадриде новоиспанские депутаты добились назначения на пост политического руководителя Новой Испании либерала Хуана О'Доноху. В ходе последней попытки добиться автономии в составе испанской империи, они также представили в июне 1821 г. федералистское предложение, которое даже не было вынесено на обсуждение, после чего депутаты удалились. О'Доноху прибыл в Веракрус в июле, когда движение Игуалы уже распространилось по всему вице-королевству, и это убедило его в том, что независимость уже неизбежна. Поэтому он уведомил правительство о невозможности ее предотвращения: «Мы сами уже узнали, на что способен народ, когда он хочет быть свободным». Убедившись в этом, он встретился с Итурбиде и подписал с ним Кордовские соглашения, признававшие независимость Новой Испании и учреждение Мексиканской империи, которая, тем не менее, сохраняла союз с Испанией путем предстоящего занятия ее престола членом правящей династии. Сразу после этого О'Доноху потребовал капитуляции

занимавшей столицу испанской армии. В итоге 27 сентября 1821 г. украшенный триумфальными арками город восторженно встретил освободителя Итурбиде, Герреро и Армию трех гарантий. Парады, салют и песни славили независимость и освободителя; но под общим радужным чувством скрывались существовавшие между роялистами и инсургентами противоречия.

Основание мексиканского государства

Борьба и конституция 1812 г. способствовали дезорганизации Новой Испании, огромная территория которой, связанная плохими коммуникациями, с редким и разнородным населением, с севера была открыта экспансионизму Соединенных Штатов. Хотя и преисполненная надежд, империя – разделенная, дезорганизованная, в состоянии банкротства, с огромным долгом в 45 миллионов песо и политически неопытным населением – создавалась на шатких основах. Признание О'Доноху, казалось бы, четко обозначило дальнейший путь нового государства; но О'Доноху умер в октябре, лишив нацию своего политического опыта и воплощавшейся в его персоне легитимности. Так, завершив празднования, нация оказалась лицом к лицу с непростыми задачами установления контроля над территорией, возобновления регулярного сбора налогов, пробуждения чувства лояльности у граждан и достижения международного признания для нормализации взаимоотношений с внешним миром.

Итурбиде учредил Временную правительственную хунту в составе лиц, симпатизировавших различным проектам, но без инсургентов (восставших), которые также отсутствовали в избранном хунтой регентстве из пяти членов. Итурбиде как председатель регентства немедленно созвал выборы депутатов в национальный конгресс, который должен был разработать конституцию империи; но, игнорируя приказ 1810 г. об избрании депутатов в кортесы, он склонился в пользу корпоративного представительства, выгодного высшим слоям. После избрания депутатов конгресс приступил к работе 24 февраля 1822 г. В это время пришло радостное известие об аннексии генерал-

капитанства Гватемала, которое, переживая банкротство и находясь под угрозой распада, искало пути выхода из кризиса; но также пришло и другое, малоудовлетворительное известие – кортесы не признали Кордовские соглашения. Монархисты тотчас выступили против тех, кто стоял за коронацию императором Итурбиде.

Положение было сложным. Понижение налогов и дезорганизация их сбора в сочетании с новым мнением, что независимость вообще освобождала жителей от их уплаты, привели к уменьшению средств. Срочная необходимость выплаты жалованья чиновникам и военным требовала, чтобы конгресс, помимо выработки конституции, законодательным путем упорядочил финансовое состояние государства и армии; но отсутствие опыта отвлекло депутатов на формализм. Также неопытный Итурбиде в равной степени не смог противостоять ситуации и, при столкновении с членами конгресса, пригрозил своей отставкой. С учетом популярности Итурбиде среди населения слух о его отставке привел к тому, что сержант Пио Марча подговорил солдат Селайского полка к мятежу в ночь на 18 мая под клич «Да здравствует Агустин Первый, император Мексики!». Столичное простонародье не замедлило присоединиться к ним, требуя, чтобы конгресс рассмотрел предложение. Члены конгресса вместо отказа той же ночью под шум и крики провели совещание, и, поскольку многие из депутатов поддерживали петицию, большинство проголосовало за коронацию.

Итурбиде короновался 21 июля, хотя в качестве императора и обладал теперь меньшими полномочиями, нежели в бытность председателем регентства. Коронация сопровождалась снятием с должностей и недовольством инсургентов-республиканцев. С прибытием Мьера, освобожденного из заключения в Сан-Хуан-де-Улуа, начали возникать заговоры. Император приступил к арестам подозреваемых, вследствие чего создал столь критическую ситуацию, что многие депутаты посоветовали ему распустить конгресс. Осуществив роспуск 21 октября, Итурбиде заменил конгресс национальной учредительной хунтой, избранной из числа прежних членов конгресса.

Это событие, а также страх провинций, опасавшихся установления централизма, к которому тяготел Итурбиде, навязывание обязательных займов – все это вызвало волнения, которыми воспользовался молодой бригадир Антонио Лопес де Санта-Анна, поднявший военный мятеж в Веракрусе. 2 декабря 1822 г. он отказался признавать Итурбиде, потребовал восстановления конгресса и учреждения республиканского правления. План едва не нашел поддержки, но зато послужил тому, что тайные общества (масонские ложи) создали союз на основе посланных против Санта-Анны воинских частей, которые 2 февраля 1823 г. выступили с «планом Каса-Мата». Данный план требовал избрания нового конгресса; признав власть провинциальных депутатов, он смог обеспечить себе поддержку регионов. Итурбиде, веря, что план не направлен против его персоны, ограничился тем, что заново созвал распушенный конгресс. Но, поскольку волнения не утихали, он отрекся 22 числа того же месяца, а 11 мая вместе с семьей отправился морем в Италию. Конгресс не только издал декрет, признававший империю незаконной, но объявил вне закона и самого Итурбиде в случае если он снова ступит на территорию страны. В соответствии с этим декретом при попытке вернуться на мексиканскую землю в 1824 г. Итурбиде был расстрелян.

После провала политического эксперимента монархического типа страна оказалась без исполнительной власти. Восстановленный конгресс не колеблясь принял бразды правления и 31 марта назначил в качестве верховного органа исполнительной власти триумvirат в составе Педро Селестино Негрете, Гуадалупе Виктории и Николаса Браво. Провинциальные депутации и армия отказались подчиняться триумvirату и потребовали провести выборы в новый конгресс в соответствии с «планом Каса-Мата».

Центральная Америка, которая при вице-королях управлялась отдельно, была единственной частью, отделившейся в ту пору от Мексики на постоянной основе; но тогда, на фоне самопровозглашения Гвадалахары, Оахаки, Юкатана и Сакатекаса свободными и суверенными государствами, распад казался неминуемым. Исполнительная власть назначила Лукаса

Аламана министром иностранных и внутренних дел; чтобы воспрепятствовать распаду страны, он направил армию против Гвадалахары – самой непримиримой из провинций. Представители Гвадалахары и Сакатекаса договорились признать власть конгресса при условии федерального устройства страны. Конгресс вначале отказался принимать это условие, но, имея перед собой пример южных вице-королевств и страшась распада страны, все-таки согласился и созвал выборы в новый учредительный конгресс.

Новый учредительный орган собрался в ноябре 1823 г.; большинство в нем составляли федералисты, хотя и настроенные сохранить союз. В итоге актом от 31 января 1824 г. были провозглашены Мексиканские Соединенные Штаты, а к сентябрю, после длительных обсуждений, был подготовлен текст конституции 1824 г., присяга которой состоялась в октябре. Конституция утверждала представительную, народную и федеральную республику в составе 19 штатов, 4 территорий и одного федерального округа; объявляла католицизм государственной религией при нетерпимости к любой другой и учреждала власть, разделенную на три ветви, с главенствующей ролью законодательной. Исполнительная власть передавалась президенту и вице-президенту, судебная – судам и Верховному суду. Сохранялась избирательная система, утвержденная испанской конституцией. Поскольку это была система не прямых выборов, хотя на первом этапе голосовали почти все совершеннолетние мужчины, она отличалась ограниченностью. Президент республики избирался законодательными собраниями штатов. Эта конституция испытала влияние конституции США, но фундаментальным являлось все же влияние конституции 1812 г.

Традиционный регионализм предопределил более радикальный характер мексиканского федерализма по сравнению с североамериканским, поскольку федеральное правительство лишалось фискальной власти над гражданами. Хотя за ним сохранялись полномочия в области выплаты внешнего долга, обороны, поддержания порядка и получения международного признания, для выполнения всех этих функций ему оставались

лишь незначительные денежные средства, которые вносили штаты (на практике это делали лишь немногие из них), плюс таможенные пошлины и совсем уж незначительные доходы.

В результате выборов в исполнительную власть победителями оказались бывшие инсургенты Гуадалупе Виктория и Николас Браво соответственно на должности президента и вице-президента. Присяга при вступлении в должности прошла в обстановке оптимизма и веры в то, что новый политический режим сможет обеспечить прогресс. Контраст этим надеждам являло положение страны: она увязла в долгах, была дезорганизована и нуждалась в кредитах и международном признании для своего дальнейшего существования. В период империи было получено признание лишь со стороны Великой Колумбии, Перу, Чили и США, но в срочном порядке требовалось признание со стороны Великобритании – благодаря своей политической и финансовой мощи она была единственной державой, которая могла воспрепятствовать отвоеванию территории Мексики испанцами и предоставить стране необходимые кредиты. Поскольку Великобритания была заинтересована в мексиканском серебре и рынке, в 1825 г. она признала новое государство, а в 1826-м заключила с ним выгодный для нее договор о дружбе и торговле. Спекулятивные аппетиты английских банкиров позволили Мексике заключить два договора о займах даже до получения официального признания. Хотя условия и были кабальными, займы обеспечили нормальную работу правительства первого президента страны, а также позволили осуществить вытеснение испанцев из Сан-Хуан-де-Улуа – последнего испанского опорного пункта на территории Мексики. К несчастью, страна не смогла выплатить проценты, в результате чего лишилась новых кредитов и столкнулась с проблемами, которые внешняя задолженность порождала при последующих правительствах.

Долгожданная свобода торговли была достигнута в результате независимости и обеспечила приход в страну европейских и американских предпринимателей. Торговля была практически парализована в течение первых двух десятилетий, будучи поражена экономическим упадком, плохими

коммуникациями, ненадежностью, высокой стоимостью услуг погонщиков вьючных животных, отсутствием гибкой валюты. Итурбиде в свое время приступил к эмиссии бумажных денег, но она была свернута после его падения. Вследствие этого заменой бумажных денег служили накладные. В 1829 г. для мелких операций был начат выпуск медной монеты, но, ввиду быстрого налаживания ее масштабной фальсификации, он был прекращен в 1841 г. с огромными потерями для государственной казны.

Большие надежды, которые связывались со свободой торговли, были быстро развеяны реальной жизнью, уничтожившей зачатки промышленности, появившейся в конце XVIII в. Как бы то ни было, большие пакетботы, прибывшие из Европы и Соединенных Штатов, оживили некоторые торговые операции. Англичане не замедлили забрать в свои руки оптовую торговлю дешевыми хлопчатобумажными тканями, инструментарием и машинным оборудованием, в то время как торговля предметами роскоши сделалась прерогативой французов. Согласно международным договорам, розничная торговля была оставлена за мексиканцами, но на практике было невозможно предотвратить занятие этой ниши французами и испанцами, что вызвало крупные проблемы дипломатического характера, в конечном счете вынудившие правительство отменить ограничения на розничную торговлю в 1842 г. Свобода торговли имела также политические последствия, поскольку некоторые из предпринимателей, являясь консулами или вице-консулами своих стран, становились вдохновителями или участниками мятежей, особенно в Веракрусе и Тампико, чтобы воспользоваться впоследствии налоговыми скидками, предоставляемыми им мятежниками.

Мексиканский экспорт в основном по-прежнему состоял из серебра, хотя на передний план выдвинулись также красители, индиго, ваниль, кошениль, агава и сахар. Большая часть торговли проходила через порты Веракрус, Тампико, Матаморос, Кампече, Сисаль, Масатлан, Гуаймас и Сан-Блас; контрабанда при этом достигала чудовищных размеров. Некоторые торговые пути, проложенные на севере, в особенности из Санта-Фе, Чиуауа и Техаса в Соединенные Штаты, оказались особенно успешными и,

к несчастью, стимулировали территориальные амбиции северного соседа.

Несмотря на экономическую стагнацию, память о прежнем блеске Новой Испании, амбиции, пробужденные публикацией книги Александра Гумбольдта, и потребность в мексиканском серебре способствовали притоку английского и германского капиталов в горнодобывающую промышленность. Но вливание капиталов и применение паровой машины были недостаточны для поддержания прежних объемов производства, сократившегося наполовину. Не считая Сакатекаса, восстановление горнорудного дела шло медленно, хотя отрасль и давала в среднем до 15 миллионов серебряных и золотых песо ежегодного законного дохода плюс столько же за счет контрабанды.

Сельскому хозяйству, испытавшему столь серьезный удар в результате потери рабочей силы, ненадежности и высокой стоимости транспортных перевозок, также потребовалось много времени для восстановления. Асьенды остались в руках креолов, и их хозяева продолжили курс на диверсификацию своих предприятий, чтобы защититься от конъюнктурных колебаний в экономике. Производство сахара, кофе или агавы на экспорт привело к тому, что крупные асьенды захватывали земли селений, что вызывало крестьянские бунты.

Также не удалось осуществить мечту строительства железных дорог для решения проблемы коммуникаций, поскольку помехой здесь стало отсутствие финансирования – было проложено только 18 километров железнодорожных путей. Та же участь постигла и создание торгового флота – только жители Юкатана располагали флотилией из небольших судов, служивших для каботажной торговли.

В политической жизни также не удалось достичь стабильности, а множество масонских заговоров и военных мятежей привели к тому, что мир вскоре кончился, хотя и надо отметить, что, за исключением 1832 и 1854 гг., революции всегда затрагивали лишь отдельные районы. Шотландская ложа, созданная представителями испанской армии, получила распространение среди высшего класса, в результате чего

радикалы решили основать другую, более популярную. Президент Виктория поощрял создание такой ложи в целях установления «равновесия», а американский посланник Джозель Р. Пойнсетт зарегистрировал ее в США. Эта ложа, известная как «йоркская», усвоила антииспанскую риторику, которая была ближе народным массам и лишь ужесточилась в результате раскрытия заговора падре Хоакина Аренаса, который стремился к возврату колониальных порядков. Это событие углубило противостояние между масонами и воспрепятствовало нормальной работе правительства, что, наконец, вынудило вице-президента Браво выступить в 1827 г. против масонских лож и политического вмешательства посланника Пойнсетта. Поражение Браво и его изгнание привели к усилению позиций США и принятию законов об изгнании испанцев.

В 1828 г. в напряженной обстановке состоялись вторые в истории страны выборы президента, и на сей раз Мексика не прошла испытания. Голоса выборщиков определили победителем Мануэля Гомеса Педрасу, но генерал Санта-Анна в Веракрусе поднял мятеж, требуя назначить президентом Герреро. После того как мятеж радикалов в Мехико поддержал это требование, Педраса вышел в отставку. Конгресс, не имея на то конституционных полномочий, назначил Герреро президентом, а Анастасио Бустаманте – вице-президентом.

В ходе скоротечного и неудачного президентства, в условиях полного истощения финансов, Герреро предстояло завершить изгнание испанцев и защитить страну от испанской экспедиции по отвоеванию Мексики, возглавленной Исидро Баррадасом. Генералы Мьер-и-Теран и Санта-Анна смогли нанести ей поражение. К этому успеху добавилось провозглашение декрета об отмене рабства, хотя все это и не смогло нейтрализовать непопулярность Герреро. В декабре 1829 г. резервная армия, расположенная в Халапе для поддержки обороны, отказалась признавать Герреро и в январе 1830 г. вице-президент Бустаманте принял исполнительную власть, с Аламаном в качестве министра иностранных и внутренних дел.

Правительство Бустаманте вознамерилось положить конец военным мятежам, привести в порядок финансы государства,

нормализовать выплату долга Англии и способствовать экономическому развитию и индустриализации страны. В этих целях был создан Кредитный банк, импортировалось машинное оборудование для текстильной отрасли, семена хлопка, козы и тонкошерстные викуньи. Усилия правительства и распространение практических знаний в газетах вроде «Эль Меркурио» способствовали строительству текстильных фабрик, к середине века добившихся производства дешевой продукции, которая по-прежнему не могла конкурировать с английской.

Хотя все признавали способности Аламана, он не пользовался доверием по причине его политических махинаций, позволивших ему покончить с врагами режима в некоторых штатах; это вызвало у правительств некоторых штатов опасения, что министр намерен централизовать управление. К этому прибавилось недовольство, вызванное расстрелом генерала Герреро и других радикалов в 1831 г. Санта-Анна, стремившийся к президентству, воспользовался волнениями и в январе 1832 г. поднял мятеж. Развязанная таким образом революция оказалась столь дорогостоящей, что правительство для борьбы с ней было вынуждено брать займы у церкви, таможенных ипотек и с доходов монетных дворов и солеварен; в конце концов оно было вынуждено отдаться на милость ростовщиков для того, чтобы работать хотя бы в полсилы.

Санта-Анна при поддержке милиций и таможенных поступлений от Веракруса и Тампико одержал победу над Бустаманте и его армией. Условием своей поддержки штаты выдвинули возвращение Гомеса Педрасы на пост президента для завершения срока, на который он был избран. В результате выборов 1833 г. избраны были Санта-Анна и Валентин Гомес Фариас, с радикальным и неопытным конгрессом. Поскольку Санта-Анна постоянно находился либо на своей асьенде, либо в военной кампании по подавлению мятежа «религия и закон», начатого против губернаторов Мичоакана и Мехико, в течение почти всего первого года исполнительная власть находилась в руках вице-президента Гомеса Фариаса.

Радикалы были полны решимости провести либеральную реформу и, для того чтобы наверняка избавиться от крупных

противников, приняли закон, предусматривавший изгнание из страны всех, кто мог оказаться в списке подозреваемых. К октябрю 1833 г., в обстановке эпидемии холеры, конгресс приступил к рассмотрению законов, касавшихся церкви. Проект отменял применение силы со стороны государства для взимания десятины и за исполнение монашеских обетов, наделял правительство правом назначать священников на вакантные приходские должности, постановлял закрыть Понтификальный университет и провозглашал, что высшее образование отныне может быть только светским. Гомес Фариас отменял назначение государством приходских священников, считая это политически неверным, но конгресс потребовал сохранить прежнюю практику и принял закон, предусматривавший изгнание епископов, которые этому воспротивились бы. Эта мера в сочетании со ссылкой некоторых граждан привела к всплеску народного недовольства.

Церковные реформы еще пользовались поддержкой Санта-Анны, но когда конгресс взялся обсуждать вопросы реорганизации армии, он воспользовался общим недовольством против вице-президента и радикалов и вернулся в президентское кресло. Генерал назначил умеренный кабинет и отменил все реформы, кроме отмены десятины, что представляло немалую выгоду для помещиков.

Фактически с 1829 г. в стране установился антиконституционный порядок. Конгресс многократно нарушал основной закон, исполнительная власть действовала только при чрезвычайных полномочиях, а слабость федерации затрудняла работу правительства; коротко говоря, срочно требовалась конституционная реформа. В 1835 г., в критической обстановке, когда техасские колонисты уже готовились отделиться, федеральный конгресс принял декрет, ограничивавший численность гражданской милиции. Штаты Сакатекас и Коауила-и-Техас решили воспротивиться, и министр иностранных и внутренних дел Хосе Мария Гутьеррес де Эстрада безуспешно пытался убедить правительство Сакатекаса в законности декрета и в невозможности сделать исключения. Сакатекас подготовил свою милицию, чтобы выступить против декрета, но к моменту

прибытия армии командующий, милиция и губернатор бежали, что позволило занять столицу штата без насилия. Тем не менее события, похоже, подтверждали правоту противников федерализма.

Внешние угрозы, централизм и диктатура

Вызов Сакатекаса и угроза отделения Техаса укрепили мнение, что федерализм способствует территориальному распаду государства. Таким образом, избранный в 1834 г. конгресс хотя и приступил к обсуждению конституционной реформы, в конце концов уступил требованиям широких слоев, чтобы принимаемые законы в большей степени считались с их «нуждами и обычаями». Таким образом, пока Санта-Анна предпринимал военную экспедицию в Техас, законодатели приступили к редактированию новой конституции. Депутаты тщательно изучали «ошибки» первого основного закона и обсуждали вносимые изменения.

«Семь законов» – первая централистская конституция – была готова в декабре 1836 г. Хотя федералисты и заклеили ее как консервативную, она несла на себе печать либерализма, ибо сохраняла представительность и разделение властей, к которым теперь была добавлена новая, так называемая консервативная власть, призванная следить за остальными. Мнение, что расширенное представительство способствует нестабильности, привело к его сокращению. Таким образом было введено цензовое голосование, сходное с тем, которое имело место во всех других государствах, где существовала представительная система, т.е. голосовали и избирались лишь те, кто платил налоги или имел собственность. Выборы по-прежнему оставались непрямыми. Штаты теряли свою автономию и превращались в департаменты во главе с губернаторами, выбираемыми исполнительной властью из трех представителей от департаментских советов. Конгрессы штатов становились департаментскими советами в составе всего лишь семи депутатов, а количество аюнтамьенто ограничивалось существовавшими по состоянию на 1808 г., не считая поселений

численностью свыше 8 тысяч душ и портовых городов – свыше 4 тысяч. Выборы президента становились более сложными, поскольку теперь сенат и Верховный суд должны были представлять свои тройки кандидатов, из которых Палата депутатов отбирала троих, а те поочередно выносились на голосование департаментских советов; результаты голосования каждого из последних учитывался Палатой депутатов, председатель которой и объявлял затем победителя. Финансовая система государства становилась централизованной, что должно было обеспечить укрепление национальной власти, но, хотя срок президентских полномочий и был увеличен до восьми лет, исполнительная власть продолжала оставаться весьма слабой, поскольку зависела от консервативной власти, конгресса и правительственного совета. Хотя присяга «Семи законам» и состоялась уже после техасской катастрофы, мексиканский народ, всегда отличавшийся верой в чудеса, усмотрел во вновь созданной системе «новое многообещающее начало» и, преисполненный оптимизма, избрал президентом генерала Анастасио Бустаманте.

Благодаря незнанию вопроса введение централистской системы считается причиной отделения Техаса, но в действительности его утрата была связана с появлением там американских колонистов и с заинтересованностью США купить Техас, о чем посланник Пойнсетт говорил начиная с 1825 г. Испанская корона разрешила расселение первых англоамериканских колонистов, стремясь заселить территорию Техаса, а также предоставить убежище своим подданным из Луизианы и утраченной ею Флориды, даровав им всем некоторые привилегии. После провозглашения независимости Мексики ее правительство, желая заселить Септентрион, продолжило эту политику. Оно поставило условием допуска англоамериканских колонистов их принадлежность к католической вере, но при этом расширило привилегии, надеясь со временем превратить их в законопослушных граждан. Была одобрена передача крупных территорий некоторым «предпринимателям», бравшим на себя обязательство заселить их честными колонистами, земля которым должна была быть предоставлена практически

бесплатно, кроме компенсации предпринимателям затрат на услуги по размежеванию и установлению границ участков. Власти штата Коауила-и-Техас собрали налог на приобретение собственности вкупе с символической платой. К несчастью, непомерная по протяженности граница, отдаленность и отсутствие средств благоприятствовали проникновению протестантско-рабовладельческого большинства, которое не стеснялось нарушать законы. Таким образом, в техасских колониях царил атмосфера беззакония.

Учредительный конгресс 1824 г. действительно создал немало проблем, присоединив Техас к Коауиле, но к 1834 г. большая часть этих проблем была разрешена. Подлинными источниками трений стали рабство и учреждение таможен после истечения срока, на который они освобождались от налогов. С момента обсуждения конституции штата предприниматель англосаксонского происхождения Стивен Остин шантажировал депутатов, выступавших за отмену рабства, задавая им вопрос, какими средствами они намерены компенсировать рабовладельцам стоимость их «собственности». В итоге конституция 1827 г. устанавливала лишь, что «в штате никто не рождается рабом». В 1829 г. Герреро объявил об отмене рабства в Мексике, но сделал исключение для Техаса с условием, что на территорию штата более не будет ввезен ни один раб. Факт исчезновения в обозримом будущем рабства, тем не менее, взволновал колонистов.

Как бы то ни было, общее недовольство было вызвано законом о колонизации от 1830 г., запрещавшим иммиграцию англоамериканцев; масла в огонь подлило и открытие первой таможни в 1832 г. В городе Анауак это вызвало бунт, приведший к созыву первого конвента англоамериканцев. Аннексионисты, прибывшие в конце двадцатых годов, озаботились тем, чтобы использовать подобные шаги, которые они сочли «оскорблением», для разжигания страстей среди мирных колонистов. Второй конвент постановил, что Остин поедет в Мехико и представит конгрессу некоторые петиции. Остин, у которого было много друзей среди депутатов-радикалов 1833 г., смог добиться отмены запрета на англоамериканскую

иммиграцию и продления срока освобождения от уплаты налогов. Власти штата Коауила-и-Техас должны были также провести реформы, чтобы увеличить техасское представительство, ввести английский язык в административное и юридическое делопроизводство и учредить суд присяжных, где нарушители закона судились бы самими гражданами.

Но повторное открытие таможни в 1835 г. (после истечения нового срока освобождения от уплаты налогов) вновь накалило страсти. Военный командующий не смог разрешить проблему, и аннексионисты снова принялись спекулировать на страхе колонистов перед антирабовладельческими настроениями мексиканцев, пытаясь склонить их к отделению. Чтобы усилить свое движение, колонисты обратились к североамериканцам, призывая их присоединиться к своей «борьбе за свободу». Таким образом, в Соединенных Штатах возникли тысячи клубов, которые занимались набором добровольцев и сбором средств и оружия. Президент Эндрю Джексон, в свою очередь, объявил о «нейтралитете» в этом внутреннем мексиканском деле; но он его, к тому же, не соблюдал.

Правительство решило отправить для подавления техасского мятежа военную экспедицию под предводительством генерала Санта-Анны. Скудость средств и импровизированный характер армии способствовали ее плохой организации и снабжению; но, несмотря на это, кампания началась успешно, и в ходе кровавого сражения удалось вернуть форт Аламо. В то же время это не помешало тому, чтобы техасцы объявили о своем отделении 6 марта 1836 г. и назначили собственное «временное правительство», в котором мексиканец Лоренсо де Савала получил пост вице-президента. Санта-Анна предпринял преследование этого «правительства» и в результате просчета был взят в плен. Второй командующий – генерал Висенте Филисола – подчинился приказу плененного президента вывести войска из зоны за Рио-Гранде (позже Рио-Браво), что обеспечивало независимость Техаса и удовлетворяло его претензии на проведение границы департамента по этой реке. Острая нехватка средств сделала невозможной отправку новой экспедиции, хотя возврат Техаса и сделался навязчивой идеей

правительства, что помешало ему внять предупреждениям Великобритании, требовавшей признать независимость Техаса во избежание еще больших потерь.

Централизм не замедлил предать пробужденные им надежды. Сразу после его ввода в действие отмена аюнтамьенто и новый всеобщий налог (подушная подать) привели к возмущению сельского населения и мятежам федералистов на севере. Десять лет централизма, таким образом, стали периодом наибольшей нестабильности за все столетие и еще больше парализовали экономику. Слабость национального правительства привела к иностранному вмешательству, обусловленному исками, оставленными без внимания мексиканскими правительствами. В своем большинстве эти иски были несправедливыми или завышенными, как это было доказано международным арбитражным судом, рассматривавшим американские требования и сократившим их до 15%. В 1838 г. Франция под предлогом выплаты своих исков подвергла обстрелу и блокаде Веракрус и Тампико, вынудив страну влезть в долги, чтобы выплатить крайне необоснованные компенсации.

Нехватка финансовых средств вызвала рост правительственной задолженности и вынудила конгресс обложить 15-процентным налогом товары иностранного происхождения, что вызвало разорение многих иностранных и некоторых мексиканских коммерсантов. Таким образом, еще до завершения первого президентского срока кое-кто принялся искать решение всех проблем в учреждении монархии во главе с «иностраным принцем» или в установлении военной диктатуры. Хосе Мария Гутьеррес де Эстрада, уверенный в существовании заговора в пользу установления последней, отважился выступить с предложением монархической альтернативы. Армия в ответ умело организовала крупные республиканские волнения, открывшие дорогу военной диктатуре. В 1841 г. иностранные коммерсанты обратились к генералам Антонио Лопесу де Санта-Анне, Мариано Паредесу и Габриэлю Валенсии с просьбой совершить переворот; таким образом, в октябре была утверждена военная диктатура во главе с Санта-Анной. Умеренные федералисты поддержали диктатуру с условием, что будет создан

новый конституционный конгресс. Санта-Анна созвал его, федералисты получили в нем большинство, и это предопределило их судьбу. В декабре 1842 г. правительство распустило конгресс и заменило его хунтой, которая и разработала «Основной закон». Эта новая централистская конституция отменяла консервативную власть, укрепляла власть исполнительную, расширяла представительство и полномочия департаментских советов, получивших название законодательных ассамблей. Впрочем, финансовое банкротство также сделало невозможным их функционирование.

После того как состоялась присяга «Основному закону» и были проведены выборы 1843 г., президентом стал Санта-Анна, конгресс при котором состоял из умеренных федералистов, настроенных на то, чтобы заставить его уважать конституционный порядок. Поэтому, когда в ноябре 1844 г. Санта-Анна попытался распусти конгресс, депутаты отказались подчиниться и 5 декабря 1844 г. лишили его президентских полномочий при поддержке судебной власти, аюнтамьенто и столичной толпы. Председатель правительственного совета Хосе Хоакин де Эррера по закону временно принял исполнительную власть. Он назначил кабинет в составе выдающихся сторонников умеренного федерализма и приложил усилия, чтобы сформировать честное правительство, которое смогло бы устранить все трения. Умеренные признавали невозможность ведения войны и, чтобы избежать ее, решили вступить в переговоры по признанию Техаса.

Но внутренняя и внешняя обстановка были враждебными. Угроза для Мексики исходила не только от Соединенных Штатов, но также и от Испании, королевский дом которой организовал заговор с целью установить в Мексике монархию при согласии Франции и Великобритании. Проект, разработанный испанским посланником Сальвадором Бермудесом де Кастро, нашел поддержку среди влиятельных граждан вроде Аламана.

Проект способствовал еще большему политическому дроблению. В добавление к этому к 1840-м годам асимметрия между Мексикой и ее северным соседом многократно возросла.

Американское население приближалось к 20 млн человек, тогда как в Мексике оно едва превышало семь миллионов. Кроме того, Мексика не имела средств, чтобы противостоять динамично развивающейся стране, обладающей крупными человеческими и материальными ресурсами. К несчастью, мексиканское предложение начать переговоры по признанию Техаса запоздало, и в июне 1845 г. Техас принял приглашение войти в состав Соединенных Штатов, что послужило федералистам поводом для обвинения Эрреры в попытке продать Техас и Калифорнию.

В этой щекотливой ситуации монархисты сговорились с генералом Мариано Паредесом-и-Аррильягой, командующим резервной дивизией, который воспользовался их поддержкой для прихода к власти. Репутация честного и способного военного позволила Паредесу рассчитывать на правительственные средства, поскольку увеличение мощи его дивизии было необходимо для укрепления обороны находившегося под угрозой севера. Тем не менее, получив приказ двигаться к границе, он, вместо того чтобы подчиниться, отказался признавать Эрреру и направился в столицу брать штурмом президентский дворец. Его военная диктатура оказалась полным провалом, поскольку он не боролся с коррупцией, не привел в порядок финансы и не укрепил оборону. Как и следовало ожидать, не замедлило вспыхнуть федералистское движение в Гвадалахаре, и хотя американская армия продвигалась по мексиканской территории, Паредес отвлек от обороны военные части, чтобы бросить их в бой с федералистами.

Паредес также попытался избежать войны, но президент США Джеймс Полк любой ценой стремился приобрести Калифорнию. Полк также предпочитал избежать военных действий, чтобы не обострять региональные проблемы; поэтому он подкупил в Гаване изгнанного Санта-Анну и попытался организовать покупку этой территории. В конце 1845 г. уполномоченный Полка прибыл в мексиканскую столицу с несколькими предложениями, но не был принят. Едва получив известие о постигшей миссию неудаче, Полк приказал генералу Закари Тейлору выдвигаться к Рио-Гранде, т.е. к мексиканской, а в наихудшем случае спорной территории. Получив в марте

сообщение о связанном с насилием инциденте, Полк 12 мая 1846 г. объявил войну, обвинив Мексику в «пролитии американской крови на американской земле», что было ложью.

К этому времени мексиканцы уже потерпели поражения 8 и 9 мая. Новость вызвала оцепенение среди населения и предопределила утрату доверия к диктатуре Паредеса и централизму в целом. Не считаясь с нецелесообразностью политических перемен в военное время, федералисты 4 августа подняли мятеж, отказавшись признавать Паредеса, и восстановили конституцию 1824 г., что лишь осложнило организацию обороны. С одной стороны, реставрация федерализма урезала полномочия правительства и оставляла его практически один на один с внешним врагом; с другой стороны, схватка за должности в аконтамьенто, правительствах штатов и федеральном правительстве отвлекала внимание населения от проблем фронта.

Как только война была развязана, ее исход уже был предсказуем. Мексика испытывала нехватку во всем; вооружение армии было устарелым; офицерство было малопрофессиональным, а рядовой состав – нештатным. Противостояла этому войску меньшая по численности, но зато профессиональная армия, оснащенная санитарной и интендантской службой, современной дальнобойной артиллерией и располагавшая постоянно обновлявшимся потоком обученных волонтеров. В то время как мексиканская армия должна была разворачиваться с юга на север, Соединенные Штаты выдвигали вперед несколько армий и атаковали одновременно на нескольких фронтах, а их военный флот блокировал и занял мексиканские порты, лишив правительство таможенных поступлений, которыми оккупанты воспользовались для своих военных нужд. Из-за сокращения налоговых поступлений оживилась торговля. Именно для того чтобы избежать оккупации своих портов, Юкатан объявил о своем нейтралитете в войне.

К январю 1847 г. Нуэво-Мехико и Калифорния – малонаселенные и почти не обороняемые – были аннексированы Соединенными Штатами. Американское превосходство также обеспечило победу на севере, за оккупацией которого

последовала оккупация маршрута Веракрус – Пуэбла. Мексиканские солдаты, плохо питавшиеся и плохо вооруженные, деморализованные как техническим превосходством врага, так и тем, что приходилось оставлять на произвол судьбы своих же раненых, держались в борьбе с врагом, снабжение которого было великолепно, так что мексиканские жертвы были практически бесполезными. Монтеррей и Веракрус выстояли с большими потерями, а в Ангостуре мексиканские силы в течение двух дней выдерживали героическую борьбу, но затем отступили, что обернулось для них поражением.

Высидевшая в Веракрусе армия не замедлила оккупировать Пуэблу, что сделало неизбежным падение Мехико. После четырех поражений в долине Мехико Санта-Анна дал команду на отступление армии из столицы, чтобы избежать карательных мер по отношению к городу; но, когда жители узнали о приближении врага, они попытались защитить столицу, что привело к массовому кровопролитию и переходу на осадное положение. 14 сентября 1847 г. над Национальным дворцом развевался американский флаг.

На следующий день в городе Гуадалупе Санта-Анна отрекся от поста президента; его преемником стал Мануэль де ла Пенья-и-Пенья, председатель Верховного суда, который перенес местопребывание правительства в Керетаро. Несмотря на активное сопротивление радикалов и монархистов, умеренные смогли собрать конгресс и многих из губернаторов, чтобы придать хоть отчасти упорядоченный вид властным структурам.

Между тем военные победы вызвали в Соединенных Штатах эйфорию экспансионизма, ратовавшего за поглощение всей территории Мексики. Полк направил для мирных переговоров Николаса Триста, но, в свете американских побед, приказал ему вернуться, чтобы затем потребовать больших территориальных уступок по мирному договору. Этот приказ поставил перед Тристом моральную дилемму; кроме того, он уже ответил согласием на сообщение мексиканского правительства вести переговоры о мире; уполномоченными с мексиканской стороны были Луис Х. Куэвас, Бернардо Коуто и Мигель Атристайн. Подговариваемый генералом Уинфилдом Скоттом

(командующим армией, прошедшей от Веракруса до Мехико) и британским посланником, Трист решил не подчиняться и начал нелегкие переговоры, завершившиеся 2 февраля 1848 г. подписанием мирного договора в Гуадалупе. Позднее Трист признавался членам своей семьи, что его переполняло чувство стыда «на всех переговорах за... несправедливую войну, что было злоупотреблением силы с нашей стороны». По договору Мексика признавала потерю более половины своей территории. Ей должна была быть выплачена «компенсация» в размере 15 млн песо за причиненный ущерб, а мексиканский внешний долг подвергался пропорциональному делению с вычетом долей, приходившихся на утраченные территории (поскольку последние были присоединены военной силой). Мексиканским уполномоченным удалось отстоять Нижнюю Калифорнию и Теуантепек и добиться гарантий прав мексиканцев, оставшихся жить на потерянных территориях. Статья XI договора – единственная благоприятная для Мексики – обязывала Соединенные Штаты защищать границу от нападений индейцев равнин, но на практике это никогда не выполнялось. Представив договор конгрессу, президент де ла Пенья подчеркнул, что он был подписан с целью вернуть оккупированные области и чтобы «республика смогла пережить свое несчастье».

Несмотря на враждебный настрой монархистов и радикалов, правительство провело выборы и добилось, чтобы собравшийся в Керетаро конгресс ратифицировал договор в мае. Победителем президентских выборов стал Эррера, который в июне снова водворил правительство в Мехико. Эррера предпринял реорганизацию страны в обстановке общей депрессии и угрозы мятежей со стороны монархистов и федералистов; он был также вынужден подавлять восстания индейцев во многих штатах, особенно в Юкатане. Но это было не все – страна подвергалась нападению североамериканских индейцев и флибустьеров из Соединенных Штатов, пытавшихся оторвать от Мексики новые куски территории.

Правительство Эрреры смогло реорганизовать административный аппарат и сократить численность армии, но ему не удалось устранить политическую поляризацию между

умеренными и радикальными федералистами и монархистами, не считая группы, поддерживавшей генерала Санта-Анну. Горечь поражения привела к тому, что различные политические силы принялись взаимно обвинять в этом друг друга, что в известной степени заставило их определить свои принципы. Так в 1849 г. появилась консервативная партия, программа которой была разработана Аламаном, что заставило федералистов определить себя как либеральную партию.

В 1851 г. Эррера в спокойной обстановке передал власть своему преемнику, которым стал Мариано Ариста; последнему повезло в меньшей степени – он не смог выстоять перед нападками и мятежами, вынудившими его подать в отставку. После временного президентства председателя Верховного суда по соглашению между военными власть была передана генералу Мануэлю Мариа Ломбардини, в то время как штаты проводили выборы временного президента, которому предстояло созвать конгресс. К этому времени все партии пришли к единому выводу о необходимости сильного правительства. Таким образом, в результате выборов преимущество голосов получил генерал Санта-Анна, в это время находившийся в изгнании в Колумбии.

20 апреля 1853 г. безответственный уроженец Веракруса снова вернулся к власти. Консерватор Аламан представил ему план, центральным пунктом которого была необходимость сильного, но ответственного правительства, без какого-либо представительства, объединенного одной религией, пользующегося европейской поддержкой и располагающего значительной армией. Либерал Мигель Лердо де Техада представил Санта-Анне другой план, подчеркивавший необходимость экономических мер для развития страны. Санта-Анна, привыкший лавировать между партиями, принял консервативный план Аламана, возглавившего его кабинет, но позаботился также и о претворении в жизнь мер, предложенных его земляком – радикалом Лердо, которого он назначил главой нового Министерства развития, колонизации, промышленности и торговли.

Санта-Анна начал политику репрессий и отправил в изгнание бывшего президента Аристу. Поскольку консерваторы

рассматривали диктатуру как своего рода мост на пути к установлению монархии, был предпринят поиск будущего монарха, который, однако, имел мало успеха в свете непростого контекста европейской политики, центральным вопросом которой в это время была турецкая проблема. Аламан умер в июне 1853 г. и, уже без его сдерживающего влияния, Санта-Анна ужесточил цензуру и усилил гонения на либералов. Он не замедлил ощутить вкус к власти и обратил свою диктатуру в пожизненную, приняв титул «Его Светлейшее Высочество».

Диктатура столкнулась с извечными проблемами – нехваткой финансовых средств и внешним долгом; и, поскольку диктатор не пожелал расстаться со своими прихотями и легкомыслием, он ввел для их оплаты новые, совершенно абсурдные налоги. При этом у диктатуры были и свои успехи – в частности, издание первого Торгового кодекса, а также плодотворная деятельность Министерства развития, поощрявшего завоз в страну машинного оборудования и строительство коммуникаций и библиотек.

Санта-Анна принужден был снова столкнуться с экспансионизмом Соединенных Штатов, которые не удовлетворились даже несмотря на поглощение половины мексиканской территории; теперь американское правительство оказывало давление на Мексику, стремясь заполучить перешеек Теуантепек, Нижнюю Калифорнию и, по возможности, территорию всех северных штатов Мексики. Новый американский посланник Джеймс Гадсен, хорошо зная нужду мексиканского правительства, решил, что от него будет легко добиться согласия на продажу крупной части территории. В качестве предложения правительство Соединенных Штатов использовало картографическую ошибку, зафиксированную в мирном договоре Гуадалупе, и свою потребность в плоскогорье Месилья для строительства железной дороги.

Мексиканское правительство не смогло заключить альянс ни с одной европейской державой для нейтрализации американской угрозы, и, страшась новой войны, Санта-Анна начал переговоры в декабре 1853 г. Соединенные Штаты воспользовались подписанием нового договора не только для того, чтобы заполучить плоскогорье Месилья, но и для того, чтобы

аннулировать пункт договора, гарантировавший защиту границы от индейских нападений. 10 миллионов, вырученных от продажи, помогли Санта-Анне удержаться у власти; но политическая цена договора оказалась чересчур высокой и полностью дискредитировала диктатуру. Кроме того, надежды, связывавшиеся с «сильным» правительством, улетучились, и год спустя после его прихода к власти неприятие диктатуры сделалось всеобщим. Очередной мятеж вспыхнул в марте 1854 г. в связи с «планом Аютла», выдвинутым Хуаном Альваресом и Игнасио Комонфортом. План содержал отказ подчиняться правительству, признавал незаконной продажу Месильи и требовал избрания учредительного конгресса, который должен был восстановить федеративную представительную республику.

Хотя повстанцы и располагали моральной поддержкой изгнанных либералов, находившихся в это время в Новом Орлеане, из-за нехватки средств они ограничились партизанской войной, в то время как деньги, вырученные Санта-Анной от продажи Месильи, помогли ему одержать победу и продержаться у власти до августа 1855 г.

Либеральная реформа, французская интервенция и окончательная победа республики

Диктатура Санта-Анны способствовала радикализации политических позиций. Хотя обеим политическим партиям было свойственно стремление к прогрессу, пути его достижения виделись им по-разному. Консерваторы полагали, что прогресс может быть достигнут только через монархическую систему и корпоративное общество, опорами для которых должны были стать сильные церковь и армия. Либералы, со своей стороны, были убеждены, что прогресс может гарантировать только федеративная, представительная и народная республика североамериканского образца. Для этого они считали необходимым в срочном порядке стереть все следы колониального наследия, уничтожить корпорации и привилегии, секуляризовать церковную и изъять общинную собственность, чтобы превратить Мексику в страну мелких собственников. Но

методы для достижения этих целей послужили водоразделом уже между самими либералами. Умеренные хотели осуществлять все вышеназванное постепенно, чтобы избежать сопротивления и насилия, а посему склонялись к тому, чтобы восстановить в реформированном виде конституцию 1824 г. В отличие от них «подлинные» выступали за радикальную реформу и, следовательно, за новую конституцию.

Движение Аютлы смогло продержаться благодаря защите, которую обеспечивали им южные горы, и выходу к морю через Акапулько; ввиду срочной нужды в средствах генерал Комонфорт предпринял поездку в Соединенные Штаты, но не добился там успеха. Тем не менее политическая обстановка благоприятствовала ему. В 1855 г. вспыхнуло движение «умеренных» в Бахио, вслед за которым возникло движение монархистов в Сан-Луис-Потоси, целью которого было возведение на престол новой империи Агустина де Итурбиде-сына. Эти события привели к образованию коалиции «умеренных» и «подлинных» и к возвращению изгнанников, в то время как отряды Альвареса, которые постепенно продвигались по территории страны, перешли в наступление, вынудив Санта-Анну бежать 17 августа 1855 г.

16 сентября либералы заняли столицу. 14 октября хунта в составе представителей штатов избрала временным президентом Хуана Альвареса, в кабинет которого вошли «подлинные» Мельчор Окампо, Бенито Хуарес, Понсиано Арриага и Гильермо Прието – первые представители выходившего на политическую арену поколения. Реформа была начата практически сразу изданием «закона Хуареса», который отменял армейские и церковные привилегии, что делало всех граждан равными перед законом. Церковь, переживавшая процесс реорганизации с 1840-х годов, перешла в контрнаступление.

Хуан Альварес сложил президентские полномочия 11 декабря, его заменил умеренный Комонфорт, который тотчас укомплектовал состав нового кабинета «умеренными». Тем не менее, когда Комонфорт подавил мятежников в Пуэбле, выступивших на защиту религии и привилегий, он не преминул примерно наказать их и экспроприировал собственность

епископата Пуэблы. Он также издал два реформистских закона: «закон Лердо», лишавший права на владение усадьбами и городской недвижимостью гражданских и церковных корпораций, и «закон Иглесиаса», запрещающий взимание приходских сборов с бедняков. Эти декреты были отвергнуты архиепископом Мехико, который счел их нападками на церковь.

После проведения выборов 14 февраля 1856 г. состоялся съезд учредительного конгресса. Хотя большинство в нем составляли «умеренные», преобладание «подлинных» проявилось во время дискуссий, которые выдались весьма жаркими. Наиболее остро обсуждались вопросы образования и веротерпимости. Либералы стремились к контролю за образованием, чтобы влиять на формирование будущих граждан, но в конце концов, под влиянием доводов «подлинных», согласились с принципом свободы образования. Они не отважились провозгласить веротерпимость из страха перед народным движением, но лишили католицизм статуса государственной религии; было объявлено также, что не запрещалось «исповедовать какой-либо культ». Некоторые либералы выступали за введение англосаксонской модели суда присяжных как демократического института, но это предложение не прошло. Обсуждалась также аграрная реформа, но в конце концов в конституцию вошел лишь «закон Лердо», гарантировавший частную собственность на землю.

Конституция, провозглашенная 5 февраля 1857 г., не была радикальной, но вводила в систематической форме понятие «прав человека», включавших право на образование и труд; свободу слова, петиции, объединения в ассоциации, передвижения, собственности, равенства перед законом и гарантию от необоснованного задержания на срок более трех дней. Конституция подтверждала суверенитет народа, организованного в виде «представительной, демократической и федеративной республики, образованной штатами, свободными и суверенными во всем, что касается их внутренних дел, с государственной властью, подразделявшейся на три ветви, причем верховная власть принадлежала однопалатному конгрессу. Сохранялась система непрямых выборов, но упрощались выборы президента

республики, которые становились «непрямыми на первом уровне и при тайном подсчете голосов», т.е. президент избирался представителями, которых назначали граждане.

В результате выборов Комонфорт стал президентом, но лишь формально – в условиях отсутствия средств; надежды либералов на то, что продажа церковной собственности решит финансовые проблемы государства, не оправдались, поскольку «закон Лердо» привел к скудным результатам из-за льготных условий оплаты, скидок и принятия в качестве платежного средства не имевших ценности долговых расписок. Закон ориентировался на то, чтобы отчуждаемая собственность пошла на пользу арендаторам, но нерешительность либо бедность последних обеспечили переход этой собственности в руки спекулянтов.

Умеренный характер конституции, тем не менее, вызвал недовольство консерваторов и оказался недостаточным для «подлинных». Это обстоятельство, которое ввергло в уныние многих политиков, благоприятствовало позициям Бенито Хуареса, который, благодаря твердости своих конституционных убеждений, показал, что готов поставить на карту все во имя основного закона. Хуарес принадлежал к моноязычной этнической группе из гор Оахаки, обучался в духовной семинарии и в Институте наук в своем штате. В своей политической карьере он опирался на поддержку как радикальных федералистов, так и централистов. Его избрание депутатом в мексиканский конгресс в 1847 г. выдвинуло его на уровень политика национального уровня, позже он вернулся в свой штат на пост губернатора в 1847–1851 гг. и в 1856 г.; избранный председателем Верховного суда, он снова возвратился в столицу в 1857 г.

Папа Пий IX осудил акты либерального правительства, а подговоренный им архиепископ Антонио Пелахио де Лабастида возглавил мятеж консерваторов, за что поплатился изгнанием. Это событие привело многих либералов к мысли о необходимости введения переходной либеральной диктатуры. В этой обстановке генерал Феликс Сулоага в декабре 1857 г. поднял мятеж, требуя созыва нового учредительного конгресса. Президент Комонфорт, сомневаясь в возможности управления

страной через конституцию, поддержал Сулоагу и подверг заключению Хуареса, выступившего против этого государственного переворота. Но так как несколькими неделями позже Сулоага отказался признавать Комонфорта и провозгласил президентом себя, тот сложил полномочия и освободил дона Бенито, который сменил его на посту президента в конституционном порядке. Наличие в стране двух президентов сделало неизбежной гражданскую войну.

Страна разделилась. Правительства Колимы, Герреро, Гуанахуато, Халиско, Мичоакана, Оахаки, Керетаро, Веракрус и Сакатекаса объявили себя приверженцами конституционного порядка, но большая часть армии и духовенства приняли сторону Сулоаги, который, заняв столицу, был признан иностранными представителями. Хуарес, убежденный в том, что для достижения прочного мира необходима власть закона, отбыл в Гвадалахару, но угроза со стороны консерваторов вынудила его переехать в Веракрус, который, помимо того что принадлежал либералам, мог предоставить в его распоряжение средства таможен.

Поскольку армия поддержала консервативную партию, силы либералов сформировались из народных элементов, принадлежавших к национальным гвардиям, мобилизованным для защиты территории страны в 1846 г. Но импровизация армии имела свою цену, и войска консерваторов смогли занять центр страны, в особенности после того как Сулоагу на посту президента сменил генерал Мигель Мирамон. Его стратегией стали целенаправленные атаки на Веракрус, который он подверг двум осадам. Неудача первой попытки навела его на мысль о плане одновременной осады с моря и с суши, для чего он приобрел судно, которое должно было нанести удар с моря, в то время как сухопутные силы под его собственным командованием должны были предпринять наземную атаку. Между тем Хуарес воспользовался тем обстоятельством, что Соединенные Штаты перестали признавать консерваторов вследствие их отказа продавать территорию, и обратился к командованию американской флотилии с просьбой задержать судно консерваторов под предлогом пиратства. Хотя командующий флотилией не имел на то полномочий, он удовлетворил эту

просьбу, чем сорвал план штурма Веракруса, хотя впоследствии американский суд признал его действия незаконными.

Чтобы закрепить поддержку со стороны «подлинных» и предпринимателей, столь заинтересованных в имуществе церкви, Хуарес и его кабинет, состоявший из «подлинных», сделали выбор в пользу дальнейшего углубления реформы, и 12 июля 1859 г. приступили к изданию «законов Реформы». Они включали национализацию церковного имущества, отделение церкви от государства, отмену религиозных орденов (обществ, конгрегаций и братств), введение гражданского брака и записи актов гражданского состояния, секуляризацию кладбищ и, наконец, свободу культов.

Отсутствие средств привело к тому, что обе противоборствующие силы связали страну новыми внешними обязательствами. Вашингтон согласился поддержать либералов при условии их согласия на очередную покупку Соединенными Штатами части мексиканской территории, но этот вариант даже не обсуждался. Либералы согласились подписать договор Маклейна – Окампо, который в обмен на предоставление Мексике займа в два миллиона песо гарантировал американцам право свободного транзита через перешеек Теуантепек вкупе с торговыми привилегиями, а также с правом на военную интервенцию в случае необходимости. К счастью, американский сенат не ратифицировал этот договор.

Консерваторы, в свою очередь, прибегли к европейской помощи и подписали с Испанией договор Мон – Альмонте, признававший подписанную Санта-Анной конвенцию 1853 г., по которой страна соглашалась на выплату сомнительных долгов. Кроме того, они взяли обременительный для страны заем у швейцарского банкира Жеккера и изъяли деньги у британского представительства, что исчерпало кредит доверия к ним иностранных держав и увеличило число рекламаций против мексиканского правительства – так же, как и его долги.

Провал осады Веракруса облегчил победу либералов. Победы при Силао и Кальпулальпане открыли либералам ворота столицы. Хуарес вступил в нее 11 января 1861 г., но до полного мира было еще далеко. Отчаявшись, побежденные консерваторы прибегли к

новым заговорам в Европе и к убийствам, жертвами которых явились Окампо, Леандро Валье и Сантос Дегольядо. Хуарес, в свою очередь, выслал из страны папского представителя, архиепископа, многих епископов, посланников Испании, Гватемалы и Эквадора, поддержавших консерваторов.

На президентских выборах победил Хуарес, который тут же провел реорганизацию администрации и образования и обнародовал декрет о введении десятиричной метрической системы. Но недостаток средств заставил его прекратить выплату правительственных долгов – проценты как по ростовщическим британским займам, так и по исковым требованиям Испании и Франции. Это обстоятельство было использовано находившимися во Франции мексиканскими монархистами для того, чтобы заинтересовать французского императора Наполеона III в проекте установления монархии в Мексике. Император Франции, мечтавший о создании «латинской» империи, которая смогла бы сдерживать англосаксонскую экспансию, усмотрел в прекращении Мексикой выплат предлог для вмешательства и вступил в переговоры с Великобританией и Испанией для обсуждения вопроса. В итоге 31 октября 1861 г. в Лондоне тремя государствами была подписана конвенция, обязывавшая участников блокировать мексиканские порты в заливе с целью заставить Мексику возобновить выплату по долгам, но при этом воздержаться от вмешательства во внутривнутриполитические дела страны.

Испанский флот прибыл в Веракрус в декабре, а в январе к нему присоединились французский и английский. Получив ультиматум, Хуарес направил министра Мануэля Добладо для переговоров с интервентами. Чтобы избежать распространения тропических болезней среди последних, Хуарес разрешил высадку на берег военных сил с условием, что они вернутся на борт своих судов в случае, если не будет достигнуто соглашение. Добладо заверил, что прекращение выплат было временным, и что они возобновятся так скоро, насколько это окажется возможным. Англичане и испанцы согласились на эти условия, французы же не только отказались, но вместо того чтобы вернуться на корабли, высадили на берег еще больше солдат, а

также некоторых мексиканских монархистов, среди которых находился Хуан Н. Альмонте – сын Морелоса.

17 апреля французы начали наступление. В столь критической ситуации Хуарес объявил амнистию консерваторам из числа военных и разрешил создавать партизанские отряды. Игнасио Сарагоса приготовился оборонять Пуэблу от лучшей армии в мире. Граф де Лоренсез, уверенный в абсолютном превосходстве своих сил, не внял предупреждениям Альмонте, и 4-5 мая Сарагоса разбил его. Унизительное поражение послужило лишь тому, что Наполеон направил дополнительно 30 тыс. солдат под новым командованием.

Год спустя мексиканские войска сосредоточились в Пуэбле, уже без генерала Сарагосы, умершего от тифа. После длительной осады город сдался французам. Хуарес был вынужден оставить столицу, которая была оккупирована в июне. Французы создали ассамблею именитых граждан, которая 19 июля провозгласила империю и объявила, что приглашение занять мексиканский престол будет направлено Максимилиану Габсбургу. Вновь назначенное регентство, сформированное из некоторых выдающихся генералов, гражданских и духовных лиц, включая архиепископа Лабастиду, имело всего лишь декоративные функции, поскольку все решения принимал маршал Ашиль Базен в соответствии с инструкциями Наполеона III. Пока новый император находился в пути, французская армия, благодаря своему военному превосходству, занимала один за другим города страны. Тем не менее непрекращающиеся действия партизанских отрядов либералов вкупе с народной ненавистью, подпиткой для которой служило высокомерное отношение французских солдат к населению, сделало непостоянным удержание городов и населенных пунктов. Некоторые из них французам пришлось занимать по несколько раз.

Эрцгерцог Максимилиан – брат австрийского императора, женатый на дочери бельгийского короля Шарлотте Амалии, – принял мексиканских монархистов в замке Мирамар. Он потребовал, чтобы его призвал сам мексиканский народ, что и было исполнено монархистами, собравшими тысячи подписей. Получив их 10 апреля 1864 г., Максимилиан принял корону.

Император подписал два договора с Наполеоном III, который позаботился о том, чтобы стоимость авантюры была оплачена мексиканской стороной. Франция оставляла на территории Мексики 28 тыс. солдат и предоставляла ей заем в размере 175 млн франков, из которых Максимилиан получал только восемь, поскольку остальное шло на выплату разросшегося французского долга и процентов, а также на военные расходы. Секретный договор предусматривал, что численность французских сил достигнет 38 тыс. солдат и будет постепенно сокращаться начиная с 1865 г.

Посетив папу, новые император и императрица отбыли в Веракрус, куда прибыли в конце мая 1864 г. Портный город – оплот либералов – встретил их холодно, что контрастировало с энтузиазмом, выказанным при их встрече «сливками общества» в Орисабе, Пуэбле и Мехико, жители которого буквально «из кожи вон лезли», чтобы оказать достойный прием царственной чете.

Многие из умеренных либералов встали на путь сотрудничества с имперским правительством в надежде, что оно сможет разрешить проблемы, мучившие страну начиная с 1821 г. Максимилиан – убежденный либерал – объявил, что будет придерживаться монаршего патроната и не станет отменять терпимость различных культов и секуляризацию церковного имущества, как от него того требовал папский нунций. Это решение лишило его поддержки многих консерваторов и послужило поводом для насмешек над ним либералов. Тем временем Мехико, казалось, обретал новую жизнь, превратившись в резиденцию императорского двора. Город украсился многими нововведениями, были выровнены улицы, высажены ясени и проведено газовое освещение. Появился Большой проспект империи, позднее переименованный либералами в Проспект Реформы, и был подновлен замок Чапультепек. Император посвятил себя законодательной деятельности. Он принялся за составление Статута империи, провозглашенного им 10 апреля 1865 г.; затем последовали гражданский кодекс, а также аграрный и рабочий закон, возвращавший земли индейским народам и предоставлявший землю безземельным. Этот закон утверждал 10-часовой рабочий

день, отменял долги, превышавшие 10 песо, запрещал телесные наказания и ограничивал число магазинов при предприятиях. Образование и научные исследования также удостоились внимания императора; императрица же тем временем занималась развитием женского образования. Максимилиан принял решение разделить территорию страны на 50 департаментов; уделяя внимание экономическому развитию, он заключил контракт на строительство железной дороги из Мехико в Веракрус и разрешил деятельность Банка Лондона, Мехико и Южной Америки в целях создания благоприятных условий для торговли.

Французская оккупация вынудила Хуареса переместиться на север. Президент был вынужден противостоять не только французам, но и предателям в собственном лагере. В течение 1864 г. республиканцы занимали северные штаты, а также штаты Колиму, Герреро, Табаско и Чьяпас, но к 1865 г. они удерживали лишь небольшие, изолированные друг от друга опорные пункты. В этой критической ситуации генерал Хесус Гонсалес Ортега, министр Верховного суда, потребовал, находясь в Соединенных Штатах, чтобы Хуарес передал ему президентские полномочия в связи с истечением его законного срока. Дон Бенито, убедительно аргументировав, что страна находится в состоянии войны, продлил свой мандат вплоть до окончания оккупации страны. Это решение стоило ему поддержки многих «подлинных».

К концу 1865 г. положение стало меняться. Завершение гражданской войны в США позволило либералам заключить договор о займе в 3 млн песо и добиться от северного соседа заявления протеста по поводу интервенции в Мексику. Партизанские отряды республиканцев, превратившиеся в настоящие армии, перешли в наступление.

Израсходовав французский заем, империя столкнулась с угрозой извечной нехватки финансовых средств; к тому же разнесся слух, что Наполеон III вот-вот отдаст приказ о возвращении своих войск на родину в связи с опасностью, которую представляло для него укрепление Германского союза. Управлять столь крупной страной, как Мексика, было непросто, и падение империи уже можно было предвидеть. Максимилиан

попытался сформировать национальную армию и отозвал генералов-консерваторов, направленных им в Европу с дипломатическими миссиями. Его брат Франц Иосиф послал ему в помощь 4 тыс. австрийских солдат, но протест Соединенных Штатов не позволил им отплыть в Мексику. Императрица направилась в Европу, чтобы потребовать исполнения условий заключенных договоров, но ни Наполеон III, ни папа не вняли ее мольбам, в результате чего она от отчаяния лишилась рассудка. Известие убедило Максимилиана, что ему оставалось лишь отречься от престола, но сопротивление министров вынудило его отказаться от этого шага, хотя впоследствии сами министры бросили его на произвол судьбы.

К началу 1867 г. в результате стремительного наступления республиканцев территория империи ограничивалась Пуэблой и Веракрусом. Император отступил в Керетаро, где к нему присоединились Мигель Мирамон и Томас Мехия. Когда 2 апреля Порфирио Диас взял Пуэблу, Мирамон предложил оставить Керетаро, но Максимилиан отказался бежать и приготовился к осаде. Пленению императора способствовало предательство. Хуарес и Лердо постарались применить к нему закон 1862 г., в соответствии с которым он был предан военному суду. Императора защищали два выдающихся адвоката, но они не смогли спасти его от высшей меры наказания. Со всего мира приходили просьбы о помиловании Габсбурга, но Хуарес не внял им. Перед смертью император проявил достоинство. Написав письма матери и жене, он встал лицом перед взводом, назначенным для исполнения казни, и окончил свою жизнь одновременно с Мирамоном и Мехией, что произошло на холме Серро-де-лас-Кампанас 19 июня 1867 г. Перед тем как прогремели залпы, Максимилиан пожелал, чтобы его кровь принесла конец «несчастьям его новой родины».

После поражения империи Хуарес вернулся в Мехико 16 июля 1867 г., и в этот раз народ, по достоинству оценивший его борьбу за национальный суверенитет, встретил его с подлинным ликованием. Победа республики окончательно хоронила монархический вариант, хотя и не покончила с беспорядками и

мятежами, причинами которых теперь были политические амбиции самих либералов.

Хуарес поспешил созвать выборы в августе. В результате ухода с политической сцены консервативной партии борьба развернулась теперь между тремя либералами – Хуаресом, Себастьяном Лердо де Техадой и генералом Порфирио Диасом, героем войны. Хотя победа осталась за Хуаресом, число его врагов умножилось – как из-за его переизбрания на новый срок, так и из-за намерений реформировать конституцию, что вроде бы противоречило его прежним усилиям, направленным на ее защиту. Политический опыт Хуареса, без сомнения, был уникален – почти 10 лет он управлял страной, находившейся в состоянии войны, обладая чрезвычайными полномочиями и не имея конгресса. Это позволило ему усилить исполнительную власть; но теперь положение Хуареса было иным – конституция 1857 г. утверждала верховенство конгресса, который, являясь однопалатным, вызывал больше опасений. Поэтому Хуарес стремился восстановить сенат, чтобы добиться таким образом большего баланса. Сформировав кабинет из гражданских конституционалистов, Хуарес вызвал волнение среди военных, которые вменяли себе в заслугу победу в войне и видели своим вождем Порфирио Диаса. Имея столько врагов, дон Бенито и его министры превратились в объект сатир и политических карикатур; при этом, однако, полная свобода печати сохранялась на протяжении всего периода восстановления республики.

Победа не устранила также межрегиональные проблемы, поскольку длительная борьба оживила старое противостояние между центром и регионами: произошла фрагментация власти, поскольку военные вожди располагали на подвластных им территориях обширными фискальными полномочиями. Стремясь покончить с этим и навести порядок, конгресс поддержал Хуареса и посредством декрета положил конец такого рода локальной власти. Кроме того, наказания, которым подверглись государственные деятели из числа консерваторов, вызвали глубокую обиду. Хуарес пытался снизить накал страстей и начать процесс примирения. В 1870 г. он объявил широкую амнистию,

которая позволила вернуться в том числе и архиепископу Лабастиде, которому были оказаны полный почет и уважение.

Республика переживала последствия многолетних войн и нуждалась в экономическом оживлении. Торговля снова становилась жертвой царившего в стране беспорядка, несмотря на то что создание зоны свободной торговли на северной границе оживило торговые операции и способствовало возникновению «полюса развития». В ходе гражданской войны в США американский хлопок частично экспортировался через Матаморос, а Мексика продавала северному соседу муку, другие продукты и многие виды товаров. Это способствовало росту Монтеррея, Пьедрас-Неграс, Ларедо и Матамороса.

Республика была также терзаема нехваткой средств. Продажа церковного имущества не принесла ожидаемых плодов, хотя и помогла оздоровить финансовое положение государства, поскольку с ее помощью была погашена большая часть внутреннего долга. Для прагматичного Хуареса основным приоритетом здесь являлась общая реорганизация и упорядочение государственных финансов, что было совершенно необходимо для получения средств, которых требовали задачи развития страны. Министры Хуареса Хосе Мария Иглесиас и Матиас Ромеро предприняли генеральную ревизию состояния государственных финансов и внешнего долга страны. Рассмотрев общий долг в 450 млн и сведя его до 84 млн путем отказа от выплаты внешнего долга империи, они установили новые сроки погашения. Были предприняты шаги по экономии государственных средств, в том числе путем сокращения численности армии до 20 тыс. человек. К 1870 г. Ромеро смог обобщить всю историю развития государственной финансовой системы, начиная от завоевания независимости; имея теперь четкое представление о доходах и расходах государства, он впервые смог составить государственный бюджет.

Как добросовестный либерал, обязанный заботиться о развитии и прогрессе, Хуарес стремился поощрять все производственные отрасли: капиталовложения, коммуникации (в особенности телеграфные линии, дороги и железнодорожные пути) и колонизацию. Он не только одобрил некоторые проекты

американских капиталовложений, но признал даже заключенный империей контракт на строительство железной дороги по маршруту Веракрус–Мехико. Министр Ромеро страстно стремился создать национальный эмиссионный банк, чтобы унифицировать находившиеся в обращении в стране денежные знаки, но отсутствие средств не позволило осуществить этот проект, так что пришлось ограничиться функционированием Банка Лондона, Мехико и Южной Америки.

Сообразуясь со своим личным опытом, Хуарес придавал приоритетное значение образовательной сфере. С самого начала он продемонстрировал свою готовность поощрять развитие образования как средства для достижения столь желанного прогресса, интегрировать в общество индейские народности и дать им достойное место в рамках нации. Таким образом, в том же 1867 г. он издал закон о всеобщем бесплатном начальном образовании и основал Национальную подготовительную школу.

Нормализация отношений Мексики с внешним миром стала другой фундаментальной задачей Хуареса, поскольку война вызвала разрыв с Великобританией, Францией и Испанией. Но предпринятые Хуаресом действия в этом направлении столкнулись с неблагоприятной международной обстановкой. Расстояние и отсутствие коммуникаций затрудняли контакты с другими латиноамериканскими странами; кроме того, имели место пограничные проблемы с Гватемалой. По этой причине Хуарес старался, чтобы ничто не омрачило отношений Мексики с Соединенными Штатами. Несмотря на различия в подходах и даже невзирая на то, что США не оказали поддержки Мексике в ходе интервенции, отношения между двумя странами переживали один из лучших периодов в своей истории. Индустриализация северного соседа после гражданской войны превратила его территориальный экспансионизм в финансовый. Но между двумя странами все же существовали две проблемы – пересечение границы кочевыми индейскими племенами и бандитами, а также проблема исков. Первая из них так и осталась нерешенной, поскольку ни Хуарес, ни Лердо не дали разрешения на пересечение границы американцами для преследования «виновных». Пытаясь решить проблему исков, Хуарес принял

предложение о формировании двухсторонней комиссии по рассмотрению исковых требований. Комиссия запротоколировала американские требования, но оставила без внимания мексиканские. В 1869 г. представилась также возможность расширить внешние связи Мексики за счет двух вновь созданных государств – Итальянского королевства и Северо-Германского союза.

На выборах 1871 г. дон Бенито сумел добиться переизбрания, хотя его популярность и переживала свой закат. Но на этот раз Диас, не согласившись с результатами выборов, выступил 8 ноября с «планом Ла-Нория», в котором высказался «против неограниченного переизбрания». Несмотря на связи с регионами, движение Диаса разворачивалось медленно, и генералы-хуаристы смогли сдержать его. Политическое мастерство Хуареса позволило ему использовать раскол в лагере либералов, чтобы продержаться в ходе своего последнего срока, несмотря на личные невзгоды и слабое здоровье. Хуарес скончался в президентском кресле 18 июля 1872 г.

В соответствии с конституцией правительство возглавил председатель Верховного суда Лердо. Он объявил всеобщую амнистию, положившую конец вспыхнувшему в Ла-Нория мятежу. Он тотчас провел выборы, на которых был избран подавляющим большинством голосов. Дон Себастьян разделял те же принципы, что и Хуарес, и его политическая ловкость позволила ему восстановить сенат и включить в конституцию законы Реформы. В религиозных вопросах он проявил меньшую гибкость и изгнал из страны «Сестер милосердия», несмотря на их первостепенную роль в работе госпиталей. Его «антиклерикализм» сделал его мишенью для нападок и стал причиной народных волнений, к которым прибавились мятежи индейцев яки в Кахеме и мятеж наводившего страх Мануэля Лосады в Тепике (он был расстрелян в конце 1873 г.). Лердо также противостоял «Большому кругу рабочих Мехико», образованному в связи с забастовками текстильщиков и горняков; столкнулся он и с торговыми интересами, отказавшись предоставить концессию на строительство железной дороги, которая должна была соединить Мексику с Соединенными

Штатами, хотя и присутствовал на открытии железной дороги Веракрус–Мехико в 1873 г.

Смена президента снова стала причиной раздора. Лердо рассчитывал на свое переизбрание, но в этот раз Диас не стал дожидаться выборов и выступил против него с «планом Тустепек», в котором Лердо обвинялся в «нарушениях конституции». Диас учел уроки, вынесенные им из неудачного мятежа в Ла-Нории, и на этот раз подготовился тщательнее. Он использовал выступление Лердо на выборах в Оахаке, чтобы создать в этом штате союз против него. Обеспечив себе поддержку своего штата, Диас в конце 1875 г. переместился в Браунсвилл, откуда направил губернаторам и военным командующим в регионах приглашение присоединиться к борьбе. Но, поскольку антиправительственное движение сосредоточивалось на северо-востоке и в Оахаке, он изменил свой план и пообещал сохранить воинские почести и звания лишь тем, кто поддержит движение, что позволило увеличить количество мятежных центров.

Генерал Мариано Эскобедо держал повстанцев под угрозой уничтожения, поэтому в результате президентских выборов в сентябре 1876 г. победителем был объявлен Лердо. В этот момент движение Тустепека присоединилось к председателю Верховного суда Хосе Мариа Иглесиасу, который отказался признавать результаты выборов по причине их «фальсификации» и поднял мятеж в Саламанке. Сам Иглесиас не получил существенной поддержки, но его мятеж послужил на руку Диасу, который 11 ноября во главе своих войск разбил федеральные силы у деревни Текоак. После бегства Лердо возникла смута, ибо многие губернаторы признали президентом Иглесиаса, так что потребовались переговоры между двумя претендентами. Диас был согласен признать Иглесиаса временным президентом при условии предоставления сторонникам обоих равного числа мест в кабинете министров и назначения его, Диаса, военным министром. Поскольку Иглесиас не согласился с этим, Диас прибег к решительным мерам и 23 ноября во главе своей армии занял Мехико. Неделью спустя он вступил на пост президента страны.

Медленное становление республиканского характера общественной жизни

Шесть с половиной миллионов жителей Новой Испании, ставшей в 1821 г. независимым государством, представляли собой разнородное сообщество, объединенное общей историей и религией, и лишь меньшая часть его говорила по-испански. В большей или меньшей степени практически все население пережило коренной переворот в своей жизни в течение 11 лет борьбы и наблюдало, как рушится порядок, господствовавший на протяжении трехсот лет, и начинается продолжительный период перемен. Испанский либерализм ввел новые концепции, смысл которых весьма часто был созвучен традиционным ценностям. Освобождение от испанской колониальной зависимости наполнило надеждами высший и средний класс, с оптимизмом внимавших обещаниям, которые сулил новый порядок. Но трагическим событиям предстояло развеять эти надежды.

Малочисленное население, сконцентрированное в центре и на юге, проживало на огромной территории, достигшей своего наибольшего пространства во времена империи Итурбиде – четыре с половиной миллиона квадратных километров. Рост населения оказался практически невозможен из-за частых эпидемий и войн, так что к середине века оно едва превышало семь миллионов, а к началу 1870-х годов – девять миллионов. Столица, тем не менее, насчитывала четверть миллиона жителей; за ней с большим отрывом следовали Пуэбла, Гуанахуато, Керетаро, Сакатекас и Гвадалахара. Невозможность заселения северных областей одновременно с политическими переменами и внешними угрозами привела к сокращению территории: Гватемала отделилась в 1823 г.; Техас провозгласил независимость в 1836-м; Соединенные Штаты завоевали Новую Мексику и Верхнюю Калифорнию между 1846 и 1847 гг., а в 1853-м им было продано плоскогорье Месилья, так что в конце рассматриваемого периода территория республики сократилась до 1 972 546 км². 19 штатов, четыре территории и федеральный округ к 1869 г. превратились в 28 штатов и одну территорию.

Несмотря на имевшую место преемственность, независимость и учреждение республики с самого начала оказали глубокое влияние на корпоративное общество. Сама борьба способствовала некоторой мобильности населения, прежде всего среди креолов и метисов. В любом случае равенство так и осталось неисполненным обещанием, поскольку не удалось сократить ужасающую нищету народа, столь постыдную в сравнении с пышным великолепием, в котором жило меньшинство, удерживавшее чужие богатства. С другой стороны, всех затронули изменения политического характера. Отсутствие порядка и безопасности на дорогах вели к материальным потерям коммерсантов и непроизводительности хозяйств асьенд. Многие заброшенные рудники оказались затопленными, другие из-за отсутствия средств либо распродавались, либо объединялись с иностранным капиталом. С приходом независимости чиновники потеряли гарантии занятости, поэтому они поддерживали смену правительства, надеясь получить задержанное жалование или найти другую работу. Профессيونалы, не считая некоторых врачей и процветающих адвокатов, пополнили ряды чиновничества. В любом случае, отъезд богатых пиренейцев и законы об их изгнании позволили креолам монополизировать высшие слои общества.

Работники горнорудной отрасли утратили прежние преимущества и на технических должностях были вытеснены европейцами; кроме того, ввоз в страну грубых текстильных изделий нанес урон работникам старых ткацких фабрик. Остальное население волей-неволей приспособилось к наложенным эпохой ограничениям, в то время как проходимцы и бродяги использовали каждый случай беспорядка, чтобы поживиться добычей.

Для духовенства оказалась ощутимой потеря своих членов, участвовавших в войне за независимость — притом, что медленная секуляризация жизни сокращала тягу к религии среди населения. С другой стороны, сделавшись излюбленной мишенью для правительств всех политических направлений без исключения, церковь испытывала сокращение своих средств и доходов на протяжении четырех десятилетий. При этом реально

все эти богатства по-прежнему находились в руках 10 епископов и 177 каноников, в то время как черное и белое духовенство, количественно сокращенное к 1825 г. до 3500 церковнослужителей, испытывало нужду, несмотря на то что для прихожан была весьма ощутимой оплата церковных поборов.

Подлинными выгоды из войн и беспорядков извлекала армия. Из-за нехватки средств ее количество было сокращено с 75000 солдат в 1821 г. до 30000, что было отнюдь недостаточно для охраны столь обширной территории. Поскольку добрая часть офицерства жила за счет политики, повышение по службе для ее представителей напрямую зависело от участия в мятежах, что препятствовало процессу профессионализации армии и способствовало необыкновенному росту числа генералов, явно непомерного для малочисленной армии. Так же как и чиновничество, армия постоянно страдала от нерегулярной выплаты жалованья, и в то время как офицерство искало подряды для своих войск, насильно рекрутированные солдаты изыскивали малейшую возможность для дезертирства.

Мало-помалу внедрялись в жизнь новые ритуалы и гражданские праздники, которые придавали легитимность новому порядку и пытались соперничать с религиозными празднествами. В действительности более значимые изменения происходили в портовых городах и в столице и были связаны с прибытием иностранцев. Пакетботы, заходившие в мексиканские порты, не просто завозили товары, а доставляли с собой новости, моды и новейшие изобретения; они предоставляли также возможности для путешествий в Соединенные Штаты и Европу. Новая служба дилижансов сократила продолжительность поездок внутри страны: так, путешествие на дилижансе из Мехико в Веракрус занимало семь дней, в Гвадалахару – тринадцать, а в Санта-Фе – один месяц.

Вера в прогресс, некогда вызвавшая движение Просвещения, сохранилась и основывалась теперь на убеждении, что образование исправит все невзгоды страны. Задача распространения грамотности среди населения была доверена Ланкастерской компании, основанной в 1822 г. группой именитых граждан. В страну прибыли также иностранные

преподаватели, предлагавшие свои услуги в качестве учителей или создававшие частные школы. Университеты же, наоборот, утратили свой престиж и были заменены академиями, задачей которых было распространение научных знаний, и насаждавшимися республиканцами новыми институтами наук и искусств, на долю которых выпала миссия дать образование поколению, вошедшему в политику страны в середине столетия.

Календари и альманахи выполняли свою задачу распространения исторических и научных сведений. Политизация населения, начавшаяся с 1808 г., и образование нового государства благоприятствовали появлению газет, брошюр и политических листовок; последние были излюбленным жанром больших групп населения, которые, страстно стремясь быть в курсе событий, передавали их из рук в руки или слушали их в пивных, кафе и на площадях. Интерес к политике, в свою очередь, вызвал интерес к истории и появление исторического направления общественной мысли, главными представителями которого стали Сервандо Тереса де Мьер, Карлос Мария де Бустаманте, Лоренсо де Савала, Хосе Мария Луис Мора и Лукас Аламан. Проложила себе дорогу и литература, оставившая свидетельство общественных перемен в произведениях Хосе Хоакина Фернандеса де Лисарди, Мануэля Эдуардо де Горостисы и Фернандо Кальдерона. В противоположность литературе искусству еще долго предстояло восстанавливать свой прежний блеск, хотя правительство и предоставило гражданам несколько стипендий для обучения в Италии и Германии.

Подлинная перемена придет только спустя полвека, с окончательным становлением процесса секуляризации общества. Церковь, с завоеванием независимости утратившая контроль над обществом, который она имела в эпоху вице-королевства, потеряла право регистрации записей рождений, браков и смертей; с наступлением Реформы она лишилась и своего имущества. Все это сделало невозможным социальные услуги, осуществлявшиеся церковью в ее госпиталях, школах и приютах. После продажи церковной недвижимости многие монастыри были снесены или поменяли свое предназначение. После передачи некоторых церквей протестантским общинам нарушения порядка по-

прежнему имели место. Не исчезли церковные профессиональные училища, но государственное образование в значительной степени стало светским.

Политические столкновения вынудили интеллектуалов, в большинстве своем принадлежавших к журналистике, выступать против цензуры или против диктатуры. Журналистика позволяла анализировать национальные проблемы, что привело к появлению важных работ, посвященных общественной проблематике, авторами которых были крупные интеллектуалы либерального направления. Так, Мануэль Пайно, известный автор романов в жанре костюмбризма, глубоко изучил проблему государственного долга, вопросы его погашения и Реформу; Мигель Лердо де Техада аналогичным образом исследовал вопросы торговли и экономики, а Мельчор Окампо – церкви и государства. Поэтому неудивительно, что к 60-м и 70-м годам XIX в. журналистика достигла существенной зрелости, а либеральные правительства уважали свободу печати, невзирая на ее эксцессы, и превратили ее в «четвертую власть».

Глубокая разобщенность, вызванная войнами, заставила восстановителей республики уделить приоритетное внимание вопросам национальной интеграции посредством образования и культуры, которые должны были устранить опасность разделения мексиканцев в случае очередной борьбы. Таким образом, сразу же после освобождения Мехико от интервентов министр юстиции поспешил представить план введения государственного образования, в результате чего были изданы законы 1867 и 1869 гг. Огромное внимание в них уделялось вопросам начального образования; в качестве модели было создано также среднее учебное заведение – Национальная подготовительная школа. В ней был принят позитивистский метод Огюста Конта для борьбы с традиционным образованием, заключавшийся в замещении религиозных и метафизических объяснений логическими и научными. Тем самым надеялись прояснить умы будущих руководителей. Хуарес и Лердо не ограничились законодательными мероприятиями в области образования – они увеличили в три раза число начальных школ. Усилия Хуареса по внедрению испанского языка среди индейцев в целях их

интеграции в жизнь страны вызвали сильное сопротивление, в то время как официальное утверждение позитивизма в среднем и высшем образовании вызвало интеллектуальную полемику, развивавшуюся в годы реставрации и порфириата, – многие либералы считали, что позитивизм противоположен их принципам.

С другой стороны, французская интервенция пробудила чувство национализма, которому суждено было оказать влияние на все проявления культурной жизни – искусство, литературу, музыку. Главным носителем идей национализма стал Игнасио Мануэль Альтамирано, проводивший их через свои литературные кружки и созданный им журнал «Возрождение» (“Renacimiento”), на страницах которого впервые получили известность писатели как либерального, так и консервативного направлений – Мануэль Пайно, Игнасио Рамирес, Гильермо Прието, Хосе Томас де Куэльяр, Висенте Рива Паласио, Франсиско Пиментель, Хосе Мария Роа Барсена и Ансельмо де ла Портилья. Обстановка благоприятствовала основанию академических обществ, таких как Мексиканское общество географии и статистики, Мексиканский лицей и Мексиканская академия языкознания.

Национализм способствовал расцвету романов костюмбристского и исторического жанров, которые стали издаваться отдельными выпусками. Изучение истории занимало свое привилегированное место, а необходимость продвижения идеи национального сплочения привела к появлению первых школьных текстов по «отечественной истории». Консерваторы Франиско де Аррангоис, Мануэль Ороско-и-Берра и Хоакин Гарсия Икасбальсета, как и либералы Гильермо Прието и Висенте Рива Паласио, занимались интерпретацией «национального» прошлого. В соответствии со своими идеологическими взглядами они либо склонялись к изучению современных им событий, либо вникали в суть далекого прошлого – как колониального, так и доиспанского, – и заново интерпретировали его.

Благодаря учреждению лотереи Академия Сан-Карлос смогла обновиться в годы войны с Соединенными Штатами, а изобразительное искусство мало-помалу восстановило свое

значение. Хуарес переименовал Академию в Национальную школу изящных искусств, и скульптор Мануэль Вилар, художники Пелегрин Клаве и Эухенио Ландесио продолжили в ее стенах преподавание европейской техники и стилей. Тем не менее они не смогли устоять перед порывами национализма и в конце концов приняли его. В результате пейзажи и исторические темы пришли на смену религиозным, в то время как литография и карикатура превращались в инструмент нападок на службе политики. Нет никаких сомнений, что наиболее выдающейся фигурой был Хосе Мария Веласко с его великолепными мексиканскими пейзажами. Разумеется, пока новшества завоевывали признание столичных художников, их провинциальные собратья поддерживали свой естественный стиль росписями трактиров и написанием портретов, вроде выполненных костюбристами Хосе Мария Эстрадой и Эрменехильдо Бустосом. Развитию скульптуры благоприятствовали заказы на статуи героев войн за независимость, которые впоследствии украсили проспект Реформы. Архитектура, переживавшая серьезный упадок в первые десятилетия независимости (в такой степени, что фактически единственными ее проявлениями стали построенные в те годы Национальный театр, некоторые рынки и исправительные учреждения), оживилась благодаря технике использования железа, которую привез архитектор Хавьер Кавальери.

Музыкальное искусство также вступало в период подъема. Основанное в 1866 г. Филармоническое общество после победы республики получило здание закрытого Понтификального университета, которое и стало его местопребыванием; в этом здании давались уроки, проходили концерты и конференции. Марши, написанные популярным композитором Анисето Ортегой, выразили националистический дух в музыке.

Возможно, что именно национализм побудил к описанию всех физических аспектов новой страны; усилия в этом направлении способствовали изучению территории и ее природных ресурсов. Обоожествление науки и внедрение позитивизма придали большой импульс этой деятельности, с чем

связано также увеличение числа специализированных академий и, соответственно, повышение уровня профессионального образования – с окончательным закрытием старого Понтификального университета в 1865 г.

Научные исследования также обогатились в результате деятельности врачей, натуралистов, географов, химиков и геологов, толчок которой был дан Мексиканской научной, литературной и художественной комиссией (1864–1869), поощрявшей контакты и поездки в страны Старого Света. Хотя в полной мере результаты этих контактов проявятся позже, основой для развития в этой области стали переводы и доклады «Вестника Мексиканского общества географии и статистики».

Длительный период времени от начала XIX в. до его последней трети самым глубоким образом отразился на жизни общества. С секуляризацией общественной жизни в результате реформ исчезал старый, корпоративный облик общества, которое таким образом становилось действительно республиканским. С изменением обычаев общественная жизнь делалась иной, и даже сами беспорядки, «ла бола» (la bola – «шар», как они были известны в народе), вызывавшие подъем масс и заставлявшие их перемещаться по всей территории, расширяли ареал испанского языка, что поощрялось теперь государственными школами, в которых было введено изучение «национального языка».

Провал политических экспериментов и военные поражения перед лицом иностранных угроз также оставили свой след. Теперь общество стало более недоверчивым и настороженным, хотя и не потеряло при этом веры в прогресс. После победы республики и либерализма мексиканцы стремились обрести мир, который сделал бы возможным материальное развитие; поэтому они были готовы принять режим, который бы гарантировал им порядок и прогресс, и были даже готовы оплатить цену такого мира. Именно это стремление и сумел использовать Порфирио Диас.

ПОРФИРИАТ

Элиса Спекман Герра

ПОРФИРИО ДИАС НАХОДИЛСЯ У ВЛАСТИ 30 лет, с 1877 по 1911 г. (с перерывом в 4 года), поэтому данный период в истории страны известен под названием Порфириат. Начало его относится к 1877 г., когда, одержав победу над сторонниками президента Лердо и Иглесиаса, Диас в первый раз стал президентом, и заканчивается в 1911 г., когда несколько месяцев спустя после начала Революции, он покидает свой пост и уезжает в изгнание.

Герой борьбы против консерваторов и империалистов, Порфирио Диас родился в Оахаке в 1830 г. Он был моложе Бенито Хуареса и Себастьяна Лердо де Техада. В отличие от них он выбрал карьеру военного и дослужился до звания генерала. Он трижды участвовал в борьбе за президентский пост, но уступил Хуаресу и Лердо. Дважды не признавал результаты выборов и поднимал мятеж: первый в 1871 г., выдвинув программу «План Норя», второй в 1876 г. с программой под названием «План Тустепек». В обоих случаях Диас выступал под знаменем антиавторитаризма и антицентрализма против сосредоточения чрезмерной власти в руках президента республики в ущерб власти законодательной, судебной и губернаторов штатов. Он был противником переизбрания президентов на следующий срок и стремился к ограничению полномочий исполнительной власти предусмотренными конституцией рамками. С другой стороны, он выступал за укрепление позиций правительств штатов и местных властей, требуя уважать их право избирать свои муниципальные органы управления и решать их внутренние дела.

Как защитник и выразитель интересов регионов и их элит он получил поддержку местных лидеров, землевладельцев и военных, смещенных Хуаресом и Лердо. Он также располагал поддержкой местного населения и крестьянских общин, защищавших свою политическую автономию, которые взамен были готовы пойти на раздел своих земель среди своих членов, при условии что этот процесс будет осуществляться в соответствии с их обычаями и нуждами. И, наконец, на стороне Диаса были симпатии городского населения, которое считало его единственным

человеком, способным обеспечить единство и суверенитет нации и положить конец войне, вот уже более 50 лет разорявшей страну.

В ноябре 1876 г. он с триумфом вошел в Мехико и, победив на выборах, в 1877 г. стал президентом. Во время своего первого срока он продолжал выступать против переизбрания: в 1878 г. Диас провел конституционную реформу, которая запрещала непрерывное повторное избрание на пост президента, и в 1880 г. передал власть своему куму Мануэлю Гонсалесу. Этим поступком он увеличил свое политическое влияние, которое еще больше выросло во время правления Гонсалеса, поскольку он мог установить новые связи и вступить в новые союзы. Это помогло ему на следующих выборах победить как единственному кандидату и вновь стать президентом страны на 1884–1888 гг. Однако с этого момента он больше не собирается оставлять президентское кресло. В 1884 г. новая конституционная реформа разрешает непрерывное переизбрание президента на второй срок, что дает Диасу возможность получить мандат на период 1888–1892 гг. В 1890 г. из конституции убираются все ограничения, связанные с переизбранием, а в 1903 г. президентский срок увеличивается до 6 лет. Все эти изменения играют на руку дону Порфирио, который объявляет себя президентом на периоды 1892–1896, 1896–1900, 1900–1904 и 1904–1910 гг.

В течение этих лет произошло столько изменений, что нельзя говорить о Порфириате, как о едином периоде. Надо ориентироваться, по меньшей мере, на два этапа Порфириата, плюс годы кризиса.

Политика Порфирио Диаса

Первый этап

Первый этап берет свое начало в 1877 г. и заканчивается в начале третьего президентского срока Порфирио Диаса (1888), когда снимаются все предусмотренные законом ограничения на возможность неограниченного переизбрания (1890). Это период

строительства, умиротворения, единения, примирения и соглашений, но одновременно и период репрессий.

Придя к власти, дон Порфирио вынужден был решать ряд проблем. Для начала необходимо было сплотить государство и нацию. Конституция, обнародованная в 1857 г., а также достаточно либеральный проект государства и общества, не были реализованы в полной мере. Как уже говорилось в предыдущей главе, конституция исходила из того, что общество состоит из равных перед законом индивидуумов, и обязывала руководство страны гарантировать их права. Чтобы избежать концентрации власти, она, согласно конституции, делилась на исполнительную (исполнение законов), законодательную (разработка законов) и судебную (контроль за их исполнением), а выбор представителей этих властей (президента, губернаторов, законодателей, членов Верховного Суда и высших трибуналов юстиции, а также некоторых судей) возлагался на народ. И, наконец, конституция предусматривала отделение церкви от государства, а чтобы обеспечить свободу вероисповедания, отдавала в руки правительства сферу образования и благотворительность.

Однако претворение в жизнь положений конституции оказалось затруднено борьбой между ее сторонниками и противниками. Эти трудности не исчезли с победой республиканцев в 1867 г., так как продолжали существовать различные национальные проекты. Помимо прочего имела место и проблема управляемости. Например, в конституции баланс сил был не в пользу исполнительной власти, что мешало президенту контролировать противодействие корпораций и подчинять себе региональную власть. Этим объяснялось, почему Хуарес и Лердо сконцентрировали в своих руках гораздо больше власти, чем было предусмотрено законом. Кроме того, некоторые считали, что конституция слишком далека от действительности. Это был основной аргумент, к которому прибегали в период правления Порфирио Диаса. Разного рода интеллектуалы, например, говорили, что конституция предусматривает существование общества, состоящего из равных индивидуумов, но на самом деле мексиканское общество гетерогенно, и его члены, как и раньше, считают себя частью какого-то объединения и действуют через эту объединяющую их организа-

цию. В связи с этим они считали, что действие конституции надо отложить. В целом же не хватало многого для укрепления не только институтов и практики, предусмотренных конституцией, но и политической системы, которая доказала бы свою эффективность. При том, что Хуарес, Лердо и Диас были крайне популярны в определенных районах страны, необходимо было сохранять законность и консенсус на всей территории страны. Особенно необходимо было объединить политические и региональные силы, покончить с угрозой мятежа и территориальной раздробленности.

Трудности заключались также в отсутствии полной сплоченности и осознания своей национальной идентичности. Некоторые населенные пункты располагались изолированно, и их жители не ощущали себя частью целого, которое оставляло их как бы позади и чья власть, имевшая другую культуру, была далека от их проблем. В довершение всего границы государства были прозрачными и существовала угроза иностранного вторжения.

Вышесказанное определяло цели Порфирио Диаса, связанные с объединением и сплочением политических и региональных сил, приданием режиму легитимности и законности при уважении, действительном или видимом, конституции и достижением международного признания.

Диас начал с политики, которая по сути продолжила политику Хуареса и Лердо, не всегда выполняя свои обещания, данные региональным группам и крестьянским общинам. Практически он шел двумя путями. Первый – путь примирения и соглашений. Он сохранил верность группам, которые его поддерживали, и сумел склонить на свою сторону старых противников. Он вернул в армию солдат, которые защищали План Тустепек, а также тех, кто был отправлен в отставку Хуаресом и Лердо, включая лердистов и иглесистов. Диас женился на Кармен, дочери бывшего лердиста Мануэля Ромеро Рубьо, заключив, таким образом, соглашение с данной группировкой. В свой кабинет министров он пригласил либералов, бывших военных, отправленных в отставку в период Восстановленной Республики, а также либеральных политиков и интеллектуалов, не обращая внимания на их политическую принадлежность. Это привело к тому, что в 1884 г. только

один министр мог считаться порфиристом, из остальных двое были сторонниками Хуареса, двое – лердисты и один империалист. Помимо того что Диас объединил группы либералов, он привлек некоторых империалистов и католическую церковь.

В то время церковь как институт была крайне ослаблена. Ей было запрещено иметь владения и были ограничены ее доходы, что обусловило ее экономическую зависимость от государства. Кроме того, она потеряла часть своего клира, так как разрешено было существование только белого духовенства. Она также лишилась возможности участвовать в общественной жизни, что было связано с запретом священникам вести службу вне храмов и работать в образовательных, благотворительных центрах и больницах. Ситуация изменилась с приходом к власти порфиристского правительства. Диас не отменил антиклерикальные законы, но и не стал применять все подряд. Он разрешил вернуть церкви ее собственность, восстановить институт черного духовенства (монахи и монахини) и создавать религиозные организации, деятельность которых была связана с образованием и оказанием помощи больным и нуждающимся. Жены руководителей, среди которых была Кармен Ромеро Рубьо, принимали участие в религиозных мероприятиях. Торжества проводились публично, в ряде случаев с большой помпой, вроде коронации Святой Девы Гваделупской в 1892 г. В благодарность за это церковные иерархи выступали в поддержку каудильо, не признавали народные восстания, проходившие под религиозными лозунгами, и участвовали в евангелизации индейцев яки и майя. Но, с другой стороны, включившись в благотворительную и образовательную деятельность, церковь взяла на себя те сферы деятельности, для которых у правительства не хватало средств.

Отношения Диаса с крестьянскими общинами, местными индейскими вождями и региональными лидерами были сложными и нестабильными. В одних районах президент соблюдал договоренности с местным населением, признавал его политическую автономию и затормозил процесс раздела земель. В других не был остановлен ни процесс дробления корпоративной собственности, ни процесс захвата земель, целью которого было включение в производственный оборот и рынок не обрабатываемых зе-

мель. При этом третья часть земель отдавалась межевым компаниям, которые занимались выявлением этих неосвоенных земель. Проблема состояла в том, что эти компании стали претендовать на обрабатываемые земли, хозяева которых не имели документов, подтверждающих право собственности, в результате чего теряли свои участки.

Переменчивыми были отношения дона Порфирио с губернаторами и местными каудильо. Президент стремился поставить во главе штатов преданных ему людей, которые могли рассчитывать на поддержку других групп региона. Если его сторонники – в большинстве случаев местные вожди – отвечали обоим условиям, он снимал их с военных постов, но помогал занимать посты в губернатуре или удержаться на них. Если они не отвечали требованиям, то он отстранял их от политики, но давал возможности для обогащения. Таким образом, побеждая местных лидеров или ослабляя их, он добился того, что губернаторские места были заняты верными ему людьми. Им он оставлял определенную свободу действий, не вмешивался в их управление, если они могли обеспечить мир в своем районе.

Порфирио Диас сумел договориться с границей, достигнув третьей цели – международного признания. Он смог восстановить дипломатические отношения с Францией, Великобританией, Германией и Бельгией, которые были прерваны после моратория, объявленного Хуаресом. Добился расположения Соединенных Штатов. Отношениям с северным соседом мешали проблемы различного характера: внешний долг Мексики; проход индейских племен и воров крупного рогатого скота, а также войск, их преследовавших, на мексиканскую территорию; существование беспошлинной зоны торговли, которую Мексика создала на своей границе с целью привлечь переселенцев и контрабандные товары; миграция мексиканских рабочих в США. Но несмотря на эти проблемы и благодаря тому, что Мексика, помимо всего прочего, выплачивала свой долг и компенсации, предоставляла льготы инвесторам, в 1878 г. США признали правительство Диаса. Тем не менее президент Мексики твердо защищал национальный суверенитет.

В тех случаях, когда Порфирио Диас не мог прибегнуть к примирению или переговорам, он шел по второму пути – применял силу и репрессии, используя армию и полицию. Например, в 1879 г. губернатор Веракруса приказал расстрелять 9 повстанцев-лердистов, возможно, выйдя за рамки приказа президента наказывать руководителей восстания, одновременно являвшихся офицерами флота. Однако некоторые утверждают, что существовала телеграмма с таким указанием: «Немедленно расстрелять их». В крови были потоплены также крестьянские восстания в Соноре и на Юкатане, о которых речь пойдет ниже. Были схвачены и убиты на основании «закона о побеге» дорожные грабители и разбойники, среди которых были Хесус Арриага («Chucho El Roto» – «Чучо-оборванец») и Эракльо Берналь («El Rayo de Sinaloa» – «Молния Синалоа»).

Перейдем к проблеме законности режима, т.е. степени его соответствия конституциональным нормам. Дон Порфирио не только вмешивался в назначение губернаторов, но и манипулировал выборами депутатов, сенаторов и федеральных судей, используя не прямой характер этих выборов, который заключался в том, что сначала выбирали выборщиков, а те в свою очередь выбирали представителей. К тем, кто мог избирать выборщиков, относились мужчины (женщины не имели права голоса), родившиеся в Мексике, дети мексиканцев или натурализованных иностранцев, старше 18 лет, женатые, или старше 21 года, не женатые, ведущие «честный образ жизни». Тем не менее федеральное голосование зачастую превращалось в фарс, когда в день голосования урны оказывались пусты, а избирательные бюллетени не заполнены. Несмотря на это, практика выборов продолжалась; каждый раз устанавливались кабинки, печатались бюллетени, подсчитывались голоса. Речь шла о ритуале, который должен был продемонстрировать эффективность политической системы и обеспечить легитимность режиму. То же самое происходило во время выборов на уровне штатов, которые в некоторых случаях также были непрямыми. Таким образом, если и не всегда выполнялось избирательное законодательство, то по крайней мере была заинтересованность в создании видимости законности или соблюдении хотя бы процедуры. То же самое происходило и в дру-

гих сферах общественной жизни. Например, не всегда применялись антиклерикальные законы. Хотя, несмотря на настойчивость церковных иерархов, они так и не были отменены и представляли для католической церкви постоянную угрозу, было разрешено, например, восстановить институт черного духовенства, но при этом власти иногда закрывали какую-нибудь «подпольную» обитель.

В целом режим балансировал на грани законности и ее видимости. С другой стороны, помимо законодательных изменений и использования силы на этом первом этапе, проводя переговоры и процесс примирения, Порфирио Диас смог добиться международного признания и достиг успехов в деле национального сплочения, идя на объединение с представителями различных партий, регионов и социальных слоев. Если учесть, что в своей политической деятельности индивидуумы в основном выступали как представители определенного коллектива (семьи, своего городка, своего хозяйства, своих товарищей по профессии), то, привлекая отдельных лиц, президент привлекал целые группы людей. Он использовал связи своих сторонников и сумел встать на вершине властной пирамиды. Поэтому смог не допустить превращения групп влияния в центры дезинтеграции и объединил преданных ему людей, создав свою политическую конструкцию.

Второй этап

Второй этап, который начинается в период 1888–1890 гг. и заканчивается к 1908 г., характеризуется ярко выраженным централизмом, усилением авторитарного характера правления со стороны Порфирио Диаса, его правительства и губернаторов штатов.

Изменение курса сопровождалось сменой политических кадров, поскольку умерли многие из тех, кто помогал Диасу на его пути к власти и был с ним в первые годы его правления. Смена эта отвечала и новой расстановке сил. Три деятеля – Хоакин Барранда, Хосе Ивес Лимантур и Бернардо Рейес – сыграли важную роль в борьбе и распаде порфиристской элиты. Они представляли

различные группы и регионы, различные взгляды на политику и выражали разные национальные идеи.

Баранда первым пришел в кабинет министров и с 1882 г. занимал должность министра юстиции. До этого он был губернатором Кампече и сохранил тесные связи в этом штате. Кроме того, через своих братьев он имел связи в Табаско и на Юкатане, а благодаря Теодоро Дееса, и в Веракрусе. На этапе Реформы он представлял интересы либералов, которые выступали за ограниченный политический аппарат.

Вторым вошел в правительство – но последним взошел на политическую арену – Лимантур, министр финансов в 1893–1911 годах. Он входил в группу просвещенных людей, таких как Хусто Сьерра Мигель и Пабло Маседа, Росендо Пинеда, Хоакин Касасус и Франсиско Бульнес. Это были выдающиеся профессионалы, часть из которых вышла из состоятельных семей, другая была связана с ними. Они объединились вокруг фигуры Мануэля Ромеро Рубьо и стали основателями Либерального союза, ассоциации, выступавшей за институциональный характер правления и боровшейся за укрепление уже существующих институтов. Для этого союзом был предложен ряд реформ, в частности, создание института вице-президентства. Согласно позитивистской философии, «ученые» считали, что научный метод должен применяться при изучении общества и для решения его проблем. Другими словами, они думали, что систематическое изучение общества позволит понять законы, управляющие им, и использовать эти законы, что в свою очередь поможет преодолеть препятствия на пути общественного прогресса. Они настаивали на проведении «научной политики», вытекающей из этого метода, которая должна быть возложена на подготовленных людей, способных формировать ее и проводить в жизнь. Именно поэтому они получили название «ученые». Кроме того, они считали, что стране нужно сильное правительство, способное укрепить экономику и реформировать общество. Отсюда их интерес к программам в области образования и здравоохранения. Что касается их связей, то они представляли экономически мощные столичные группы, но были оторваны от внутренних районов страны, средних слоев общества и народных масс.

Бернардо Рейес был третьим, кто вошел в правительство, хотя на тот момент уже имел большой политический опыт: в 1876 г. он был полковником, в 1889 г. – губернатором штата Нуэво Леон и, кроме всего прочего, с начала периода Порфириата имел сильные позиции на северо-западе страны. В период с 1900 по 1902 г. он был военным министром и представлял классических сторонников Порфирио Диаса: военных, происходивших из средних или нижних провинциальных слоев, тесно связанных со штатами. Помимо поддержки армии он мог рассчитывать на симпатии тех групп, которые он поддерживал и защищал, будучи губернатором Нуэво Леона: предпринимателей, мелкой буржуазии, среднего класса и организованных рабочих.

В течение нескольких лет Диас был посредником между различными группами, но разрыв был неизбежен, когда встал вопрос о преемнике. Это произошло в 1898 г. Он выбрал Лимантура и думал, что Рейес и Баранда согласятся с этим. Однако министр юстиции оказался против и вынужден был уйти, лишив группу своих сторонников представительства в кабинете министров, которое и так было слабым и незначительным в сравнении с двумя другими группами.

Двумя годами позже президент пытался править, опираясь на «ученых» и сторонников Рейеса, поддерживая равновесие между ними и одновременно используя их слабость, вызванную постоянным столкновением. Иными словами, он хотел использовать то, что могла ему дать каждая из двух групп: «ученые» – свое умение развивать экономику и связи с предпринимателями, банкирами и инвесторами; рейисты – свое присутствие на северо-западе страны, свое влияние в милиции и способность отвечать на ожидания предпринимателей, средних слоев населения и рабочих. В то же время он использовал разногласия между обеими группами, что не давало укрепить свои позиции ни одной из них и вызывало необходимость в нем как в посреднике. Именно этим продиктовано назначение Рейеса военным министром, а Лимантура министром финансов.

Принятие решения в пользу одной из групп привело к обострению борьбы между ними. В 1902 г. Лимантур отказался выделить средства на обновление и модернизацию армии и стал кри-

тиковать Второй резерв, корпус, созданный Рейесом, в который вошло значительное число гражданских лиц, проходивших военное обучение в конце недели. Опасаясь усиления позиций военного министра со стороны профессиональной армии и гражданской милиции, дон Порфирио попросил его вернуться в Нуэво Леон, произвел изменения в армии и распустил гражданскую гвардию.

Уже к 1903–1904 гг. группа «ученых» приобрела огромное влияние. Люди, сопровождавшие Диаса в его восхождении к вершинам власти, интеллектуалы и военные либерального толка были вытеснены из кабинета министров. А «ученые» на выборах 1904 г. выдвинули своего кандидата на пост вице-президента. Впервые избирался вице-президент, который заменил бы президента на его посту в случае отсутствия или смерти, что, учитывая 73-летний возраст Диаса, было вполне вероятно. Избирая вице-президента, выбирали, таким образом, преемника каудильо. Лимантур предложил кандидатуру Рамона Корраля, и Диас назначил его.

Элита была раздроблена, и президент не смог ни примирить ее, ни объединить. Склоняемый «учеными» к вытеснению старых либералов и к разрыву с некоторыми армейскими кругами, он потерял связь с регионами и группами, которые оказались вне политической игры. В стороне остались также поднимающиеся по служебной лестнице люди, которые не нашли себе места в парализованной политической системе, в которой и так все уже было согласовано, обговорено и поделено. Соглашение с губернаторами и региональными властями заставило президента отказаться от своих обязательств перед народом, и в частности перед крестьянами, а соглашение с инвесторами и предпринимателями привело его к отказу признать требования рабочих. Все вышесказанное объясняет причины, по которым Диас все больше вынужден был прибегать к диктату, репрессиям и усиливать авторитарный характер правления.

На этом этапе стало очевидным, но не новым явлением, нарушение независимости законодательной и судебной властей. Как было сказано, законодатели и судьи, как федеральные, так и штатов, практически назначались президентом или его сторонни-

ками и неоднократно переизбирались на новый срок. Они покидали свой пост, только если не устраивали того, кто их назначил, или если их переводили на более высокие посты. Это было причиной преданности ему и лишало их независимости. Из-за этого Конгресс лишь одобрял инициативы исполнительной власти. Верховный суд воздерживался от участия в политике, ограничиваясь функциями апелляционного суда или суда последней инстанции, хотя мог бы выполнять роль конституционного суда и следить за соблюдением законов, оценивая в том числе и результаты выборов.

Потеряли свою самостоятельность и губернаторы штатов. Несмотря на то что они сохраняли определенную свободу действий (на депутатских выборах, например, они могли выбирать среди кандидатов, отобранных Диасом, или назначать заместителей, которые в большинстве случаев и присутствовали на заседаниях) и не всегда соглашались с решениями федеральных властей (они отстаивали свое право на принятие законов в области образования и если соглашались на унификацию образовательных программ, то привносили в них местную специфику), становилось очевидным растущее вмешательство центра в политику и экономику регионов.

В свою очередь подобная модель управления воспроизводилась на уровне штатов, отличаясь той же авторитарной и субъективистской формой. Политические руководители, находившиеся на уровне между губернаторами и председателями муниципалитетов, зависели от президента республики или губернатора и в свою очередь вмешивались в деятельность муниципальных советов. Очевидно, что на этом этапе еще больше сокращается автономия на местах, и лишь в некоторых регионах муниципальным советам удается сохранять некоторую свободу действий.

Параллельно с централизацией власти усиливался контроль и репрессии по отношению к противникам режима. В стране возникает политическая партийная оппозиция, происхождение которой связано с Либеральной мексиканской партией. Оппозиционные силы выступают в прессе. В стране на тот момент существовали официальные газеты, такие как *Эль Импарсьаль*, основной получатель правительственных субсидий, которая сосредото-

валась на новостях, и не публиковала редакционные комментарии. Благодаря современному оборудованию, низкой стоимости печатного издания, сенсационности и использованию фотоснимков, газете удалось увеличить число своих читателей и намного превысить тираж старых газет. Были и неофициальные газеты – либеральные, католические, рабочие. Некоторые из них модернизировали свое производство, идя по пути *Эль Импарсьяль*, другие продолжали выпускать небольшое количество экземпляров на старом оборудовании. Однако у всех было нечто общее: они публиковали материалы с критикой политики Диаса и посему являлись объектом репрессий. Часто их главные редакторы, сотрудники редакции и даже типографские работники оказывались в тюрьме. Наглядный пример – Филомено Мата, главный редактор *Эль Дьярио дель Огар*, которого арестовывали столько раз, что, как рассказывают, когда его спросили домашний адрес, он назвал адрес тюрьмы Белен, так как никогда не знал, где будет в ближайшее время.

Усилились репрессии и в связи с проявлением социального протеста, который нарастал, о чем будет сказано ниже. Недовольство проявлялось в различных формах: уличных манифестациях, нападениях на государственные здания, грабежах и бандитизме, рабочих забастовок и сельских восстаниях. Для их подавления власти больше, чем прежде, прибегали к насилию: именно в это время сотни мужчин, женщин и детей яки были депортированы в трудовые лагеря в Оахаке и на Юкатане, сотни горняков в Кананеа и рабочих в Рио-Бланко были убиты.

И последнее. Диас переориентировал свои внешние связи. Сначала он был осторожен в отношении США и осознавал угрозу экспансии, на тот момент в большей степени экономической, чем территориальной. Эта осторожность, выраженная в его известной фразе «бедная Мексика, так далеко от Бога и так близко от Соединенных Штатов», усилилась по двум причинам: все больше росло влияние США в Карибском регионе и Центральной Америке, особенно в Гватемале (с ней у Мексики были старые пограничные споры и проблемы миграции населения), и увеличивалось их значение в мексиканской экономике. Чтобы избежать усиления американского вмешательства, Диас развивал дипломатиче-

ские и экономические отношения с Великобританией, Францией и Японией. И выступал против того, чтобы США становились стражем Латинской Америки якобы перед европейской угрозой и арбитром при разрешении проблем между американскими странами. Он считал, что они должны решаться самими американскими государствами.

Последние годы

Факторы, приведшие к падению порфиристского режима, были различными. Фактически надо говорить о кризисе, причем не об одном, а о нескольких, причины которых зародились еще в начале века, и которые, как мы увидим дальше, затронули экономику, культуру, социальную сферу и оказали влияние на политику.

Порфиристский режим старел: президенту было 80 лет, средний возраст членов кабинета достиг 67 лет, то же можно было сказать о губернаторах, судьях и законодателях. Диас был не единственный, кто находился у власти столько лет, поскольку переизбрание практиковалось на всех уровнях. Показательна ситуация с правительствами штатов: Теодоро Дееса находился во главе штата Веракрус 18 лет, Мусьо П. Мартинес правил в Пуэбле 17 лет, столько же правили Франсиско Каньедо в Синалоа и Хоакин Обрегон Гонсалес в Гуанахуато. Как отмечалось, режим был парализован, потому что потерял способность примирять и привлекать новые политические и социальные силы. Ко всему прочему в системе произошел раскол. Противоречия между «учеными» и рейистами не только не исчезли с отъездом Рейеса в Нуэво Леон, но возникли вновь в преддверии выборов 1910 г.

В 1908 г. Диас дал интервью североамериканскому журналисту Джеймсу Крильману. В нем он сообщил, что не будет участвовать в приближающейся предвыборной борьбе и позволит проходить ей при полной свободе, так как считает, что Мексика готова к демократии. Это взбудоражило общественное мнение и вызвало политические дебаты, хотя, на первый взгляд, для людей, близких к каудильо, было ясно, что эти слова предназначены для заграницы и что речь снова идет об институте вице-

президентства. В тот момент при стареющем президенте вице-президентство могло гарантировать преемственность.

В 1909 г. «ученые» при поддержке Диаса снова предложили кандидатуру Корраля. Рейисты мобилизовались и стали продвигать Рейеса. В его поддержку по всей стране были основаны клубы, которые объединили представителей средних слоев и рабочих. Тем не менее, возможно из-за преданности Диасу, или из-за нежелания руководить страной, или стать причиной вооруженного движения, которое покончило бы с миром, Рейес согласился уехать с поручением президента в Европу, обескуражив тем самым своих сторонников.

Это привело к радикализации оппозиции: рейистов (последователи Рейеса продолжали свою деятельность и после того, как тот уехал за границу), либералов и мадеристов – сторонников Мадеро. Оппозиционные группы сильно отличались друг от друга как по происхождению своих руководителей и сил поддержки, так и по программам, но на тот момент они выдвигали схожие требования: приверженность конституции и законности, уважение к итогам голосования, не переизбрание, предусмотренная законом защита крестьян и рабочих.

Несмотря на такую атмосферу, выборы прошли как всегда, с объявлением победы Корраля. Почти через шесть месяцев разразилась революция, а менее чем через год, в мае 1911 г. дон Порфирио вынужден был покинуть не только президентский пост, но и страну, сев на пароход во Францию. Этим заканчивался Порфириат, ведь, как говорилось ранее, начало и конец зависят от политической истории, а конкретно в данном случае от восхождения и падения Порфирио Диаса.

Этот этап сыграл огромную роль в формировании государства-нации, даже несмотря на то, что Порфирио Диас не в полной мере реализовал свою программу и не выполнил всех своих обещаний. Двумя основными лозунгами режима были – «порядок и прогресс» и «меньше политики, больше управления». Определенно был достигнут некоторый порядок. Он был не полный и не избавил страну от восстаний и мятежей, но для этого не требовалось «меньше политики». Хотя дон Порфирио прибегал к силе, он смог получить и удержать власть, благодаря своим личным и

клиентелистским связям, своей способности договариваться и умиротворять, а также заставлять политических акторов играть по своим правилам. Он сумел привлечь на свою сторону различные политические и региональные силы. С другой стороны, он не был приверженцем законности, нарушал закон о выборах, антиклерикальные законы применял выборочно, нарушал индивидуальные права (например, свободу вероисповедания) и не гарантировал их (он разрешил пеонаж за долги, что нарушало право на свободный труд и на свободу по рождению, поскольку долги переходили по наследству). Но одновременно он преуспел в реализации других положений либерального проекта и конституции. Например, претворил в жизнь важные статьи Законов о реформе и проекта о секуляризации (например, свобода вероисповедания), продолжил введение современных права и юстиции (завершил процесс кодификации и урегулировал защиту в отношении судебных постановлений) и сделал решительные шаги в поддержку экономического проекта, отстаиваемого либералами. Наконец, ему удалось объединить страну, добиться осознания национальной идентичности и защиты национального суверенитета.

Мы можем утверждать, что именно на этом этапе возникли или укрепились многие политические институты XX в. То же можно наблюдать в области экономики, общества и культуры.

Государственные финансы и экономическое развитие

Порфирио Диас получил в наследство почти пустую государственную казну. Значительна была внешняя и внутренняя задолженность; таможенные доходы шли на погашение долгов государства; некоторые налоги поступали в казну штатов, а не в федеральную казну, а налогоплательщики сопротивлялись введению новых налоговых ставок. Чтобы урегулировать финансовые проблемы, министры финансов (среди которых выделялись Матиас Ромеро, Мануэль Дублан и Хосе Ивес Лимантур) прибегали к различным мерам. Были сокращены государственные расходы, а средства расходовались крайне экономно. Был усилен контроль за доходами, введены новые налоги, которые в отличие от предыдущих не обременяли и не затрудняли торговлю. И, наконец,

благодаря новому займу была проведена реструктуризация внешнего и внутреннего долга, что в свою очередь позволило завоевать доверие за границей и у инвесторов, получить новые займы и привлечь инвестиции. Иными словами часть долга было погашена за счет средств, полученных за рубежом, а в отношении другой была достигнута договоренность с кредиторами об отсрочке платежей и установлении фиксированной процентной ставки. На основе этого можно было рассчитывать общий дебет и перевести задолженность в долгосрочные платежи. Благодаря всем этим мерам расходы перестали превышать доходы, а с 1894 г. наблюдалось положительное сальдо платежного баланса.

С другой стороны, преобразования в производственной сфере были поразительны. Используя благоприятную международную обстановку, и Диас, и Гонсалес пытались добиться включения страны в международное хозяйство как поставщика сельскохозяйственной продукции и минерального сырья, одновременно они содействовали развитию промышленности и внутренней торговли. В начале Порфириата национальный рынок был ограничен, на региональном и местном уровнях функционировали хозяйства, которые потребляли почти все, что производили, поэтому покупали и продавали очень мало. Необходимо было увеличить производство и стимулировать развитие торговых связей по всей стране и за ее пределами. Для этого нужна была хорошая инфраструктура, капиталовложения, кредитные институты, оборотные средства, средства транспорта и связи.

Начнем с законов. Был принят торговый кодекс, который давал четкие, адекватные и единые правила. Были отменены алькабалас – налоги на транспортировку товаров, которые удорожали продукты и затрудняли торговлю на дальние расстояния. Субсидировалась промышленность и строительство общественных и транспортных объектов, в определенные годы в ряде отраслей промышленности проводилась протекционистская политика, которая предусматривала налогообложение импортных товаров, составлявших конкуренцию мексиканской продукции.

Большое значение имело получение частных или государственных средств. В первые годы у государства не было денег. И только ко второму этапу удалось добиться положительного саль-

до платежного баланса и обеспечить инвестиции в общественные объекты и связь. Безусловно, существовал национальный капитал на региональном уровне, средства которого вкладывались в различные регионы, но этого было недостаточно. Поэтому на первом этапе необходимо было прибегать к внешней помощи. Федеральное правительство и правительства штатов предлагали щедрые концессии и законодательство, которое гарантировало высокие прибыли. Это обеспечило значительный приток инвестиций.

Большая часть средств шла на строительство портов и железных дорог. Когда Диас пришел к власти, в стране существовала только одна железная дорога длиной 640 км, которая связывала Мехико с Веракрусом. В остальном главным транспортным средством были лошади и мулы, поэтому путешествия были долгими и могли осуществляться лишь в определенное время года, к тому же на дорогах хозяйничали грабители. За время правления Диаса протяженность дорог увеличивалась в среднем на 12% в год: в 1885 г. их длина составляла 5 852 км, а в 1910 г. – 19 280 км. Для привлечения инвестиций федеральное правительство предоставляло субсидии за каждый построенный километр, а правительства штатов часто освобождали от налогов и предоставляли землю. Дороги строились в основном на капитал США (42%), но чтобы нейтрализовать их влияние и обеспечить конкуренцию, правительство заключало контракты с Великобританией (ее доля достигла 35%). В период 1902–1903 гг. оно купило Феррокарриль Насьональ Мехикано (Мексиканскую Национальную Железную дорогу) и Интересосеанико (Межокеанскую дорогу), а в 1906 г. спасло от краха Феррокарриль Централь Мехикано (Мексиканскую Центральную Железную Дорогу). Слияние этих трех компаний привело к созданию Феррокаррилес Насьоналес де Мехико (Национальные Железные дороги Мексики) и положило начало государственной монополии в этой отрасли.

Порты и железные дороги способствовали развитию как внешней, так и внутренней торговли. Мексика торговала с США, Европой и Карибским регионом. Она наращивала экспорт металлов и сельскохозяйственной продукции, стоимость которых в 1877 г. превысила 40,5 млн песо, а в 1910 г. – 287 млн. Увеличивался также импорт машин и оборудования, продукции обраба-

тывающей промышленности и некоторых видов продовольствия. Строительство железных дорог, осуществляемое иностранными компаниями, отвечало интересам развития торговли с Соединенными Штатами. Однако развитие железнодорожного транспорта давало большую выгоду и внутренней торговле. Интеграция районов, связанных между собой дорогами, снижала торговые издержки и позволяла вести торговлю круглый год. Это вело к увеличению объемов торговли и возможности производить продукцию в расчете на дальние рынки сбыта, что в свою очередь благоприятствовало специализации регионов.

Рост торговли сопровождался увеличением сельскохозяйственного, промышленного производства и ростом добычи сырья. В сельском хозяйстве в наибольшей степени рос экспорт, связанный с производством хенекена, каучука и кофе. Эти культуры выращивались в хозяйствах, развитию которых благоприятствовали кредиты, железные дороги и современные методы хозяйствования. В противоположность этому отрасли, занятые производством продуктов питания, переживали упадок. Производство пшеницы, ячменя, фасоли и перца (чили) в 1910 г. находилось на уровне 1877 г., несмотря на значительное увеличение населения. Это вызвало увеличение стоимости продуктов питания и даже импорт некоторых из них, например, маиса.

Впечатляющими темпами рос экспорт продукции горнодобывающей промышленности, которая концентрировалась в основном в штатах Сонора, Чиуауа, Синалоа и Дуранго. Благодаря иностранным инвестициям увеличилось производство золота и серебра; одновременно шла диверсификация производства. Новые технологии и удешевление транспортировки сделали рентабельным добычу меди, цинка, свинца, которые пользовались большим спросом у европейской и североамериканской промышленности. В начале XX в. началась добыча нефти.

Другой важной отраслью экономики была промышленность, которая в конце XIX в. сильно изменилась. В период Порфириата, особенно в некоторых регионах, продолжали существовать ремесленные цеха, во главе с мастером, с ограниченным количеством работников и с примитивными орудиями труда. Постепенно эти цеха были вытеснены предприятиями обрабатывающей

промышленности, большей частью принадлежавшими семье, которые использовали специализированные орудия труда и работники выполняли определенную производственную операцию. В начале 1890 г. наряду с этими предприятиями появились современные фабрики, принадлежавшие объединениям предпринимателей, которые использовали гидравлические, паровые и электрические машины и отличались большей производительностью. В целом предприятия были сосредоточены в Нуэво Леоне, Халиско, Пуэбле, Веракрусе и Мехико и производили керамику, сигары, обувь, пиво, текстиль, бумагу и стекло. То есть наибольшее развитие получила легкая промышленность, ориентированная на производство потребительских товаров. Несмотря на эффективность и постепенный рост промышленности, ее развитие сдерживалось отсутствием соответствующей финансовой системы, недостатком сырья или ограниченным спросом со стороны мексиканского общества. Негативное влияние оказывала и нехватка оборудования и средств производства, обусловленного запоздалым и медленным развитием тяжелой промышленности. В этой отрасли выделялась компания Фундидора де Фьерро и Асеро из Монтеррей, которая была создана для удовлетворения растущих потребностей в стали, особенно необходимой для железных дорог.

Контраст между экспортными отраслями сельского хозяйства и работающими на внутренний рынок, между легкой и тяжелой промышленностью отражал неравномерность развития экономики в целом, и территориальные диспропорции в частности, когда одни регионы развивались быстрее, чем другие. Это относилось и к северу страны, где сложилась достаточно диверсифицированная экономика (сельское хозяйство, животноводство, горнодобывающая и обрабатывающая промышленность), население было преимущественно городским, применялась современная система оплаты труда, и наблюдался высокий уровень грамотности населения. Имела место и цикличность развития, при которой периоды процветания сменялись периодами кризиса. Например, кризис произошел в 1890 г. из-за падения цен на серебро, в 1907–1908 гг. из-за изъятия капиталов и падения цен на экспортные товары вследствие мирового кризиса. В целом на этом этапе Мексика

превратилась в важного экспортера сырья, а в стране произошла первая промышленная революция. Но развитие носило неравномерный характер, от него выигрывали лишь отдельные отрасли, регионы и группы населения.

Городские и сельские общества

Изменения, происходившие в обществе, были не менее важны. Беспрецедентными темпами росло население. В 1877 г. оно составляло около 9 млн человек, в 1895 г. – 13 млн, а в 1910 г. – уже 15 млн. На рост населения повлияли конец гражданского противостояния, расширение рынков, улучшившееся распределение продуктов и, для некоторых слоев общества, прогресс в области гигиены и медицины.

На динамику населения влияла также миграция. В некоторые штаты севера страны (Чиауа, Коауила, Дуранго, Нуэво Леон, Тамаулипас), центра (Федеральный округ и Пуэбла), побережья мексиканского залива (Веракрус) и северного побережья Тихого океана (Сонора и Найярит) прибыло огромное число мигрантов в основном из других штатов – Мехико, Гуанахуато, Халиско, Мичоакан, Идальго, Сакатекас и Сан-Луис-Потоси.

Хотя мигранты направлялись преимущественно в города, значительная часть населения по-прежнему проживала в населенных пунктах с численностью жителей менее 15 тыс. человек. В 1900 г. в такого типа населенных пунктах проживало 90% населения страны. Таким образом, большая часть мексиканцев жила в и за счет сельской местности, распределяясь по поместьям, небольшим хуторам, деревням и ранчо.

В поместьях концентрация земли происходила за счет корпоративной собственности, и размер латифундий рос как следствие дезамортизации и заселения. Хотя законы 1896 и 1910 гг. были направлены на прекращение захвата общинных земель, к тому времени земли, составлявшие пятую часть территории страны, поменяли хозяев. Но несмотря на это, коллективная собственность продолжала существовать. Менее плодородные и отдаленные земли не вызывали интереса у межевых компаний, поэтому они оставались у общин. В ряде других случаев общины шли на

раздел земель, чтобы закрепить собственность каждого на нее, но распределение труда осуществлялось традиционным способом. Хотя размежевание и дезамортизация благоприятствовали землевладельцам, богатые крестьяне и ростовщики также получили выгоды от этого процесса, что увеличило количество средних собственников. Поэтому вместе сосуществовали поместья и латифундии, корпоративная собственность и ранчо.

В этом сельском обществе – или, вернее сказать, сельских обществах, так как ситуация в стране была разная – землевладельцы оказались на вершине пирамиды. Одни были мексиканцами, другие иностранцами, и не всегда жили в сельской местности. Очень часто они оставляли свои земли на управляющих, а сами перебирались в город. К среднему классу деревни относились фермеры и мелкие собственники, торговцы и ремесленники, некоторые служащие ферм – управляющие, мажордомы, механики. К бедным слоям принадлежали безземельные крестьяне, которые работали на преуспевающих фермеров и в большинстве случаев на латифундистов. К ним относились и оседлые пеоны, которые жили на ферме или вокруг центральной усадьбы и имели фиксированный заработок; временные рабочие, нанимаемые, когда возникала необходимость в рабочей силе, что устраивало землевладельцев, но не наемных людей, вынужденных колесить по стране, следуя за сезоном сельскохозяйственных работ; арендаторов, апарсерос и медьерос, которым латифундисты сдавали в наем свои не очень плодородные земли за деньги или часть урожая.

Условия работы и жизни этих крестьян были неодинаковыми, что зависело от конкретного землевладельца и от района. В этом отношении очень показателен контраст между севером и югом страны. На севере большие земельные участки обрабатывались сезонными рабочими или арендаторами, которые находились в лучших условиях, чем рабочие центральных и южных районов. Собственники здесь вынуждены были предлагать более высокий заработок или брать более низкую арендную плату, так как рабочих не хватало. Нехватка рабочих рук была обусловлена небольшим населением и существованием других источников занято-

сти, например, возможностью наняться на работу на шахты или уехать в США.

На юге ситуация была совершенно другой. Там землевладельцы нуждались в рабочей силе в течение всего года, поэтому они предпочитали пеонаж и чтобы удержать пеонов прибегали к системе задолженности: они платили своим работникам талонами, которые те могли отоварить лишь в специальном магазине, и предоставляли им кредиты. Того, что платили пеонам, никогда не хватало даже на самое необходимое, тем более на выплату задолженности, поэтому они и их дети, которые наследовали долги, оказывались привязанными к поместью на всю оставшуюся жизнь. Землевладельцы юга прибегали также к задаткам. Они давали работнику в долг начальную сумму, и получить ее он мог только там, где родился. Кроме того, они использовали заключенных общего режима и индейцев яки и майя, согнанных со своих земель армией. Не имея возможности покинуть поместье, пеоны вынуждены были терпеть ужасающие условия труда.

Не удивительно, что правление Диаса отмечено многочисленными сельскими восстаниями. Среди них надо отметить восстание майя на Юкатане, яки в Соноре и восстание жителей Томочика, которое носило религиозный оттенок, благодаря девочке-подростку со сверхъестественными способностями, известной под именем Санта Тереса де Кабора. Обычно восставшие выступали против захвата их земель, лесов и общинной воды и защищали политическую автономию. В некоторых случаях они также боролись за сохранение этнической и культурной идентичности, поскольку с момента независимости мексиканские правительства, выступая за равенство всех перед законом, пытались унифицировать население. Они стремились унифицировать язык и обычаи; а в ряде случаев поощряли метизацию населения с целью, как говорилось в то время, «отбелить» индейцев, которых они считали ленивыми, дикими и суеверными. Поэтому многие общины боролись за сохранение своих земель, свое право выбирать собственных представителей и принимать свои решения, а также за свои традиции и язык.

Хотя мексиканское общество в этот период было преимущественно сельским, городские центры росли впечатляющими тем-

пами. Особенно это касалось столицы, но быстро увеличивалось население Гвадалахары, Пуэблы, Сан-Луис-Потоси и Монтеррея (см. табл. 1). Росли и другие города.

Таблица 1

Рост населения в городах, тыс. человек

Город	1877 г.	1900 г.	1910 г.
Мехико	240	325	720
Гвадалахара	65	101	120
Пуэбла	65	94	96
Сан-Луис-Потоси	34	61	68
Монтеррей	14	62	79

В 1877 г. только 10 городов имели население свыше 20 тыс. чел., к 1910 г. их число возросло до 19. Одни города выросли рядом с горнорудными центрами (например, Кананеа и Санта-Росалиа), возникновение других было связано с ростом промышленности (Монтеррей и Торреон) и торговли (порты Тукспан, Прогресо, Гуаймас, Мансанильо, и поселки, через которые проходили железные дороги – Нуэво Ларедо и Сьюдад Хуарес). На рост столицы повлияло сразу несколько факторов: там находились органы федеральной власти, столица стала основным железнодорожным узлом, и в ней сосредоточилось 12% промышленности страны.

Руководство Мексики и ее элита хотели, чтобы города стали показателем процветания и прогресса нации, чтобы они походили на города «цивилизованных» стран, таких как США или страны Европы. Они хотели сделать их красивыми и комфортабельными, для чего разбивали сады и строили широкие улицы, наподобие Елисейских полей в Париже. Наряду с этим они пытались сделать города безопасными и чистыми. Но города были не в состоянии принять такое количество мигрантов, которые, лишённые возможностей устроиться, пополняли ряды преступников и проституток. Большая часть городских жителей жила на грязных и затопленных улицах и страдала от нехватки жилья, питьевой воды и

продуктов питания. Все вызывало болезни и вело к высокой смертности.

Для решения этих проблем в рамках проекта модернизации власти приняли уголовный и санитарный кодексы, полицейский устав, реформировали тюрьмы. Для борьбы с наводнениями были проведены дренажные работы и замощены улицы. Для сточных вод был сделан дренаж, а для питьевой воды построены трубопроводы. И, наконец, была проведена кампания для улучшения гигиенического состояния городов и условий жизни их населения: очищены улицы, появились мусороуборочные машины и общественные уборные, скотобойни и особенно кладбища заставили вывести за черту города. Чтобы избежать эпидемий, больных изолировали, а их вещи сжигали. В то же время власти содействовали развитию медицины, были созданы бактериологические и патологические институты. Таким образом, Порфириат стал периодом строительства общественных зданий, государственных учреждений и законотворчества. Государство регулировало различные аспекты личной жизни индивида, от его обязанностей перед институтами и обществом до супружеских и семейных связей, гигиенических навыков и развлечений.

Однако не все городские районы и не все социальные группы могли пользоваться результатами правительственных усилий и успехами модернизации. Фактически городской пейзаж отражал ярко выраженное социальное неравенство: торговые зоны и районы, населенные привилегированными группами, имели все услуги, в то время как кварталы простого люда были лишены всего этого. Богатство концентрировалось в руках ограниченного числа людей – землевладельцев, предпринимателей, собственников торговых домов, банкиров и высококвалифицированных специалистов, которые были объединены родственными, дружескими или деловыми связями и которые в то же время вкладывали средства в торговлю, промышленность и недвижимость. Средний класс, который рос быстрыми темпами в результате развития торговли и услуг, состоял из специалистов, государственных служащих, занятых в сфере торговли и транспорта, преуспевающих ремесленников. И, наконец, к малоимущим слоям относилась большая

часть городского населения, состоящая из слуг, продавцов торговых точек, ремесленников, рабочих, бродячих продавцов.

Особого внимания заслуживают рабочие, число которых сильно выросло в результате промышленного развития и которые постепенно стали вытеснять ремесленников. Не существовало законодательства, защищавшего их права, потому что, согласно идеям экономического либерализма, государство не должно было вмешиваться в экономику, а заработная плата должна устанавливаться в соответствии с законом спроса и предложения. Поэтому, хотя и существовала свобода объединений, забастовки были запрещены. Мужчины, женщины, дети работали по 12–14 часов в сутки, семь дней в неделю. Они могли быть уволены без всякого объяснения и не были застрахованы от несчастных случаев. К низкой зарплате, покупательная способность которой постоянно падала в результате инфляции, добавлялись необоснованные вычеты и оплата талонами, которые отоваривались в магазине при фабрике. Это вынуждало рабочих создавать объединения взаимной помощи и вносить средства на поддержку раненых и больных, вдов и сирот и на похороны. Создавались также кооперативы, которые предоставляли ссуды и снабжали продуктами питания, организации, боровшиеся за улучшение условий работы и повышение заработной платы и которые в некоторых случаях оказывались под влиянием социалистических или анархических идей.

Политика Диаса в отношении трудящихся носила характер «кнута и пряника». Президент проявлял терпимость к организациям взаимопомощи, они субсидировались, им предоставлялись места для собраний, их члены присутствовали на государственных мероприятиях в его честь, тем самым придавая легитимность режиму. Однако менее терпим он был к более радикальным организациям и движениям. Во время Порфириата происходили постоянные конфликты и забастовки, число которых увеличилось после 1900 г. Диас пытался примирить рабочих и хозяев, но когда это не получалось, прибегал к силе. Показательными являются конфликты в Кананеа и Рио-Бланко. В 1906 г. горняки Кананеа, на севере штата Сонора, выступили с требованием установления фиксированного максимального рабочего времени и минималь-

ной заработной платы, такого же обращения и такой же оплаты труда, какой имели на этом же предприятии американские работники. Их требования были отвергнуты, и тогда была объявлена забастовка, за которой последовал мятеж. Для его подавления были использованы силы армии США, которых поддерживали мексиканские войска.

Несколько месяцев спустя текстильные рабочие Орисабы, Пуэблы, Тласкалы и Федерального округа начали забастовку против существующих условий труда. Пытаясь урегулировать конфликт, Порфирио Диас выдвинул предложения об увеличении заработной платы и отмене вычетов, создании фонда поддержки сирот и вдов и запрете детского труда, но реализацию этих предложений отдал на волю предпринимателей. Рабочие некоторых фабрик пошли на соглашение и вернулись на работу, исключение составили рабочие Рио-Бланко, они подняли мятеж и ограбили фабрику и магазин, что стоило многим жизни.

В целом городское общество было сильно разделено в классовом и даже этническом отношении. Элиты беспокоил внешний вид простых людей и маргинальных слоев населения, особенно тех, кто одевался по индейскому обычаю, так как считали, что те портят вид города. Их озабоченность особенно выросла перед праздниками и юбилейными церемониями, и чтобы иностранные гости не видели лица нищеты и «дикости», распределяли одежду среди нуждающихся. Таким образом, сохранялись старые и укоренившиеся социальные и расовые предрассудки, которые теперь некоторые отстаивали, опираясь на «научные» идеи.

Культура

В период Порфириата сосуществовали различные взгляды на страну, общество и индивидуума, находившие выражение в таких течениях, как либерализм, позитивизм и консерватизм. Некоторые являлись приверженцами либеральных идей, другие с энтузиазмом становились на сторону позитивизма и его разновидностей, например, социального дарвинизма, но взгляды многих были довольно эклектичны и сочетали элементы и либерализма, и позитивизма. Так, из последнего они брали мысль о том, что на-

учный метод должен применяться к изучению общества и решению его проблем, и критиковали либералов за то, что те основывали свою политику и законодательство на заимствованных за рубежом теориях вместо того, чтобы сосредоточиваться на изучении мексиканского общества. Однако они не хотели менять ни либеральные институты, ни конституцию 1857 г., соглашаясь отложить их применение до тех пор, пока мексиканцы не достигнут необходимого уровня развития. Они также думали, что необходимо развивать образование и науку, которые считали лучшим средством достижения национального прогресса.

Были люди, симпатизировавшие консервативным идеям и доктринам католической церкви. Но и среди них были различные течения. Одни не признавали разделения мирского и духовного и защищали верховенство церкви как института, другие выступали за секуляризацию и боролись за возвращение государству сферы социальной деятельности. Часть общества соглашалась с социальным католицизмом и считала, что католики должны вмешиваться в политическое развитие нации, и особенно в решение социальных проблем, с которыми она сталкивается. Симпатизирующие этому течению, которое набрало силу в начале XX в., были озабочены социальным неравенством и несправедливостью и требовали, чтобы государство издало законы, защищающие трудящихся, в частности от недостойного обращения с ними хозяев.

Независимо от идеологического аспекта католицизм не потерял своего значения как религиозный институт. Мексиканцы в большинстве своем были католиками: в 1910 г. 99% населения были крещеными и соблюдали религиозные обряды. Протестантизм был распространен гораздо меньше. Протестанты приехали в страну приблизительно в 1870 г. Со временем 18 миссионерских обществ обосновались на северной границе, в Гуанахуато, Пуэбле, Пачуке, Мехико и Веракрусе, распространив свое влияние на недовольные слои населения, предлагая им образование и бесплатные медицинские услуги. Однако их распространение затруднялось внутренними противоречиями самих протестантских организаций, недоверием населения и оппозицией католической церкви. Иногда католики шли на открытые столкновения с

миссионерами, однако последние пользовались поддержкой Дияса и губернаторов штатов, которые таким образом старались показать свою приверженность закону о свободе вероисповедания и уменьшить влияние католической церкви. Можно сказать, что, несмотря на то что число протестантов в стране было небольшим – всего 2% населения вместе с иностранцами – их существование символизировало уважение свободы вероисповедания и светский характер мексиканского государства.

Как мы видели, в идеологическом плане существовали различия между либералами, позитивистами и консерваторами, но в плане ценностей наблюдалось большое совпадение. Элиты, средний класс и даже некоторые группы малоимущего населения имели одни и те же представления о семье и роли женщины в ней и в обществе. Это находило отражение в различных документах, среди которых можно отметить законодательные и правовые акты, литературные и церковные источники, документы гражданских филантропических организаций, руководства по поведению, журналы, предназначенные женщинам и семье, отдельные издания и популярную литературу. Существовала убежденность в том, что семья должна основываться на браке, предпочтительно церковном. Муж считался главой семьи, и законодательство разрешало ему распоряжаться имуществом жены без ее разрешения, в то время как она нуждалась в разрешении мужа на управление совместным имуществом. Он обладал родительскими правами, женщина приобретала это право только после смерти мужа и то с определенными ограничениями: она должна была учитывать мнение советника, назначенного ее супругом. Каждому супругу предписывалась определенная сфера деятельности: мужчине соответствовала сфера публичного, т.е. политическая и трудовая деятельность, в то время как деятельность женщины ограничивалась сферой частной жизни, и она должна была посвящать себя домашним проблемам. Считалось не очень приличным, когда женщина работала вне дома, это могло быть принято только в том случае, если женщина осталась вдовой или была не замужем и нуждалась в средствах. При этом работа должна была «соответствовать женскому полу» – шитье или учительство. Законодательство не позволяло им голосовать и занимать выборные посты

и ограничивало сферу их трудовой деятельности. Чтобы работать в торговле, женщина должна была получить разрешение мужа. Хотя профессиональное образование было не запрещено, очень мало женщин из высших или средних слоев населения имели высшее образование, среди них была Матильде Монтойа – первая женщина-врач. Тем не менее к началу XX в. женщины отвоевали себе некоторые сферы деятельности. Среди прочего они издавали журналы для женщин, в которых защищали их интеллектуальное равенство. Необходимо упомянуть также зарождающееся феминистское движение, члены которого требовали для женщин правового и образовательного равенства с мужчинами.

В литературе и искусстве – как это произошло в кулинарии и моде – сильно было европейское влияние, особенно французское. Это можно было наблюдать в современной литературе, в которой заметны черты французского символизма, представленного Мануэлем Гутьерресом Нахера, Сальвадором Диасом Миром, Амадо Нерво, Хосе Хуаном Таблада и Эфреном Ребольедо. Или в архитектуре, которая вобрала в себя различные стили – классический, романтический, мавританский, готический, барокко, ар нуво – и свободно сочетала их, иногда в одном здании. Такой величественной архитектурой отличаются театры основных городов: *Эль Хуарес* в Гуанахуато, театр *де ла Пас* в Сан-Луис-Потоси, *Эль Добладо* в Леоне, *Эль Кальдерон* в Сакатекасе, *Эль Пеон Контрерас* в Мериде.

Получила развитие также национальная и националистическая культура, отражавшая то характерное, что было присуще самой стране, которая поэтому могла служить формированию идентичности. Следуя старой традиции, сначала появилась бытовая литература с романтическим или реалистическим оттенком, представленная Анхелем де Кампо, Хосе Томасом де Куэльяр, Рафаэлем Дельгадо и Хосе Лопесом Портильо и Рохасом. Позже стала развиваться реалистическая литература, наследница бытовизма, старавшаяся точно отражать действительность, ее среду и персонажей. Ее авторами были Эриберто Фриас, Федерико Гамбоа и Эмилио Рабаса. Здесь же надо упомянуть другую старую традицию – мексиканский пейзажизм и его художников Хосе

Мария Веласко и Хоакин Клаусель. Описанию персонажей, сцен и событий повседневной жизни посвятил свое творчество Хосе Гуадалупе Посада, который помещал их в «копеечных» газетах, в тетрадках, на отдельных листах, которые издавала типография Антонио Ванегаса Арройо.

Чтобы создать преемственность, как это уже делали руководители восстановленной Республики, порфиристы считали, что нет ничего лучше, чем изучать отечественную историю, что даст возможность выйти за рамки региональной идентичности и привить детям гражданские ценности, чтобы воспитать их будущими гражданами. Поэтому образование было бесплатным и обязательным, основанным на официальных программах и учебниках. Тем не менее образовательный проект не дал ожидаемых результатов. Он ограничивался городскими районами, но даже там он не отличался успешностью: в 1895 г. только 15% населения умело читать и писать, к 1910 г. цифра возросла лишь до 20%.

События и герои отечественной истории стали темой гражданских церемоний и еще одной формой воспитания национализма. Отмечались образование нации и защита ее суверенитета, образование либеральных институтов, наследником и защитником которых объявил себя Порфириат, который провозгласил Порфирио Диаса героем. Поэтому в такие дни прославлялась не только страна, но и ее президент.

В целом порфиристская культура восхищалась всем иностранным, но одновременно выражала национальный и националистический характер. Яркими представителями последнего были интеллектуалы Революции, которые пошли по стопам своих предшественников начала XX в. из литературного общества Атенея Молодости. Это была группа, в которую входили Антонио Касо, Педро Энрикес Уренья, Альфонсо Рейес и Хосе Васконселос. Атенеисты открыли дорогу новым идеям. Они критиковали позитивизм, так как считали, что знание можно получить разными путями, а не только на основе научного метода. Защищали способности человека, подчеркивая его свободу действий и выбора. Боролись за новое утверждение гуманистических ценностей в культуре, за конец французского влияния в литературе и, в целом, за возвращение мексиканского.

Это и многое другое Порфириат оставил в наследство Мексике XX в. Наследство, которое не ограничивалось сферой культуры, но и охватывало политику (с успехами в создании государства-нации), экономику (с расширением рынков, развитием средств связи, экспорта сельскохозяйственных товаров и начавшейся индустриализацией) и общество (с его демографическим ростом и урбанизацией). Однако Порфириат оставил в наследство также политические пороки, неравномерно развитую экономику, поляризованное общество и конфликты, которые стали причиной Революции и сказались в первые десятилетия постреволюционной Мексики.

РЕВОЛЮЦИЯ

Хавьер Гарсиядиiego

Критики, оппозиционеры и предвестники

ДАННАЯ ГЛАВА ПОСВЯЩЕНА АНАЛИЗУ МЕКСИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, которая явилась следствием политики, проводимой Порфирио Диасом, и стала определяющим событием в истории Мексики XX в. Мексиканская революция – это продолжительный период серьезных политических, социально-экономических и культурных изменений, но здесь мы ограничимся периодом вооруженной борьбы, не сводя, однако, к ней сложный революционный процесс, который разрушил олигархическое и неокOLONиальное государство конца XIX в. Институционализация, начатая во второй половине 20-х годов, положила начало другому историческому этапу – этапу создания государства нового типа.

После нескольких лет экономического роста и политической стабильности порфиристского режима стали проявляться симптомы спада. С разной степенью интенсивности кризис затронул политическую, экономическую, социальную, дипломатическую и культурную сферы: стабильность конца XIX в. закончилась в начале XX-го. Проблемы, которые возникли в последние годы существования правительства Порфирио Диаса, дали повод для его критики и способствовали возникновению оппозиционных движений среди различных социальных классов и политических групп.

Первыми выступили некоторые представители католических кругов, находившиеся под влиянием новаторских социальных идей, распространяемых Ватиканом с 1891 г., с момента провозглашения энциклики «Рерум Новарум» (*Rerum Novarum*), предложившей христианское решение социальных конфликтов. Несмотря на сближение порфиристского правительства и католической церкви, последняя упрекала Диаса за приверженность либеральным антиклерикальным принципам конституции 1857 г. К этим упрекам добавилась и социально-политическая критика, сразу за которой энциклика, предназначенная для европейского

индустриального мира, была адаптирована мексиканскими католиками к особенностям местного населения, преимущественно сельского. Несмотря на признание ими частной собственности как естественного права, они стали протестовать против чрезмерной концентрации земельной собственности и против тех условий труда, которые царили в большинстве мексиканских хозяйств. От протестов против сложившейся в деревне ситуации католики перешли к осуждению касикизма и отсутствия демократии. Хотя они не упоминали персонально Порфирио Диаса, за которым всегда признавали большие исторические заслуги, определенно критика, направленная в адрес его правительства, подтачивала его престиж и разрушала консенсус, который сложился в обществе. Социально-политическое значение этих разногласий, хотя и умеренных, нельзя преуменьшать.

Мотивы другого характера положили начало появлению в 1900 г. идеологически либерально настроенной группы, в которой участвовали представители среднего городского класса — журналисты, специалисты, учителя и студенты. Они говорили о том, что правительство отошло от либеральных принципов, и предлагали реорганизовать политическую организацию XIX в., названную «либеральная партия», с целью оказать давление на Диаса и заставить его придерживаться следующих принципов: антиклерикализма, но при свободе вероисповедания; выборной демократии; разделения властей; соответствующего отправления правосудия и муниципальной автономии. Чтобы начать организационную работу, Камило Арайга созвал сторонников либеральных идей на конгресс в Сан-Луис-Потоси. Среди присутствовавших надо особо отметить братьев Хесуса и Рикардо Флорес Магона, которые являлись сыновьями одного из хуаристов Оахаки. Они жили в Мехико, где изучали юриспруденцию и издавали оппозиционную газету *Рехенерасьон* («Возрождение»). Очень быстро либералы перешли на довольно радикальные позиции: в 1903 г. их критика распространилась на «ученых» и Бернардо Рейеса, они стали обсуждать целесообразность присутствия иностранного капитала в стране и занялись проблемой рабочих и крестьян. В ответ на это правительство начало против них ре-

прессии, заставив многих из них уехать за границу и осесть в США.

Их американский опыт был драматичным, но и одновременно решающим. Некоторые дезертировали, появились разногласия, часть еще больше радикализировалась. Через публикации в газете *Рехенерасьон* видно, что еще какое-то время они продолжали выступать за мирные формы борьбы и придерживались либеральной идеологии, о чем говорила и программа их Либеральной партии, изданная в 1906 г. Позже, оттеснив Аррайгу, Рикардо Флорес Магон возглавил переход на позиции анархизма. Объяснения такой перемене могут быть разные: его связи с членами социалистических и анархических организаций США; многонациональный характер его нового окружения, в котором были «испанцы», китайцы и европейцы; и что наиболее важно, проживая в более индустриальном, чем мексиканское, обществе, Флорес Магон и его сторонники, как правило, приписывали роль авангарда рабочему движению и связанным с ним интеллектуалам – выходцам из среднего класса, что не соответствовало реалиям сельской страны и привело их к ошибкам в политической стратегии. Их отрыв от Мексики усилился, когда связи, которые они имели в рабочем движении, были ослаблены репрессиями против забастовщиков Кананеа и Рио-Бланко. В довершение ко всему их последователи, призывая к вооруженной борьбе, лишили их всякой поддержки среднего класса, а сами попали под пристальное внимание властей. Несмотря на то что с 1908 г. влияние магонистов стало падать, нельзя не признать их значения в истории страны. Их постоянная и справедливая критика порфиристского режима, публикации в издаваемой ими газете *Рехенерасьон* способствовали повышению самосознания и политизации многих мексиканцев. В их рядах приобрели опыт некоторые лидеры, проявившие себя в период мексиканской революции, а деятельность многих из них, которую они вели в США, подрывала международный престиж дона Порфирио.

И, наконец, последнее. Постоянное предпочтение, которое Диас оказывал группе «ученых», привело к тому, что рейисты, до той пор бывшие верными порфиристами, превратились в сильную оппозиционную группу, которая мобилизовалась для давле-

ния на Диаса с целью заставить его на выборах 1910 г. выдвинуть на пост вице-президента Рейеса. Очень быстро появились разного рода объединения, клубы, газеты, книги, направленные против «ученых» и в поддержку Рейеса. Его сторонники показали такую дееспособность и силу, что обеспокоенный Диас в 1909 г. отослал Рейеса с поручением в Европу. Большая часть его последователей, оставшись без своего лидера, перешла на позиции только что появившейся группы, выступавшей против переизбрания одного и того же лица на новые сроки и возглавляемой землевладельцем и предпринимателем из Коауилы Франсиско И. Мадеро. Подводя итог, можно сказать, что влияние рейистов проявилось в разных областях: их разногласия с режимом работали на его ослабление; они выступали против «ученых», группы преемников дона Порфирио, подрывая их авторитет; они укрепили движение против переизбрания, пополнив его ряды престижными, политически опытными «кадрами», представлявшими разные классы общества (включая высшие, средние и малоимущие слои городского населения). Из всех движений, которые появились перед революцией, именно рейисты дали ей наибольшее количество выдающихся личностей, среди которых можно упомянуть Венустиано Каррансу, Франсиско Васкеса Гомеса и Луиса Кабреру.

От оппозиции к вооруженной борьбе

Кризисные ситуации в конце периода Порфириата побудили Франсиско И. Мадеро стать ярким критиком экономической политики «ученых» и признать во второй половине 1909 г. необходимость создания общенациональной политической партии, выступающей против переизбрания Диаса в 1910 г. Это решение созрело в ходе трех поездок, предпринятых им для того, чтобы содействовать созданию антирезлекционистских клубов, которые должны были выдвинуть делегатов от штатов на национальную ассамблею. Предполагалось, что последняя состоится в начале 1910 г., и на ней будет образована Национальная антирезлекционистская партия и выдвинуты кандидаты на пост президента — Мадеро и бывший рейист Франсиско Васкес Гомес, это выдвижение означало союз между обоими движениями.

До этого Мадеро уже показал себя способным политиком, который за небольшой период времени смог перешагнуть рамки региональной оппозиции и перейти на национальный уровень. Он значительно расширил свою популярность, сумев оттеснить имевшие больший опыт другие оппозиционные движения (магонистов и рейнистов) и стать лидером для значительной части их членов. Уже как кандидат на президентский пост он предпринял еще одну поездку, но был арестован по обвинению в подстрекательстве к восстанию и отправлен в тюрьму г. Сан-Луис-Потоси. Во время его заключения состоялись выборы, на которых победителями были объявлены Диас и Рамон Корраль. Мадеро бежал в США, укрывшись в Сан-Антонио, штат Техас. Там он и небольшая группа его сторонников дополнили план, составленный еще в Сан-Луис-Потоси, в котором призывали к вооруженной борьбе. Возникает вопрос: как можно объяснить призыв к оружию со стороны пацифиста, сторонника демократических форм борьбы? С кем он думал вести эту борьбу? Предвидел ли он последствия насилия? Социальную базу Мадеро составляли в основном средние городские слои, именно с представителями этого социального класса он входил в контакт в ходе своих поездок. Как и следовало ожидать, призыв к оружию не был поддержан его сторонниками-антирезлекционистами в силу отсутствия соответствующих условий для вооруженной авантюры. Кроме того, их известность как оппозиционеров и проживание в городах делало их крайне уязвимыми: убийство братьев Сердан в Пуэбле явилось предупреждением о том, какая судьба ожидает противников переизбрания, живущих в городах, если они окажутся замешанными в восстании.

Убийство Акилеса Сердана сыграло свою роль, и призыв к оружию не нашел отклика среди подлинных противников переизбрания. Однако идея восстания нашла положительный отклик в горах Чиуауа, распространившись затем на штаты Сонора, Дуранго и Коауила. Социальное происхождение восставших было различно, как различны были и их требования. В течение первых трех месяцев группы восставших были небольшими по численности, плохо вооруженными, дезорганизованными и использовали тактику партизанской войны. В феврале 1911 г. Мадеро возвра-

тился в страну, чтобы возглавить борьбу. Это привело к улучшению организации и увеличению численности вооруженных групп, что позволило атаковать крупные населенные пункты и вести серьезные бои. Восстания были подняты и в других штатах, в том числе в Морелос и Герреро. К марту и апрелю группы уже действовали во многих местах, что затрудняло борьбу с ними. Из-за недоверия, которое Диас питал к Рейесу, было сокращено финансирование федеральной армии, а многочисленные офицеры, выступавшие за Рейеса, были сняты с руководящих постов. Это сказалось на снижении эффективности войск, которые и так несколько «расслабились» в мирных условиях. Если прибавить еще и симпатию к борьбе Мадеро со стороны североамериканских властей, то можно объяснить довольно быстрое начало переговоров о восстановлении мира.

Падение приграничного города Сьюдад-Хуарес в течение второй недели мая ускорило переговоры между правительством и восставшими, укрепив переговорные позиции последних. Оно также дало толчок новым многочисленным восстаниям и парализовало федеральные войска и местные власти, чем объясняется бескровное взятие ряда населенных пунктов во второй половине мая. Этот процесс ускорился после подписания в Сьюдад-Хуарес в конце мая договоров, по которым Диас уходил в отставку, что означало победу антипорфиристского движения. Мексиканская революция на этом этапе стала процессом мобилизации, в ходе которого на смену борьбе электоральной оппозиции пришло вооруженное восстание с другими участниками и другим местом действия: борьба города и средних классов стала борьбой деревни и городских низов. Появились новые лидеры, более способные к ведению вооруженной борьбы в сельской местности, которые не участвовали в антиреэлекционистском движении или не играли в нем большой роли. Именно на этом этапе появляются Паскуаль Ороско, Панчо Вилья и Эмилиано Сапата. Это привлекло на сторону восставших помещиков северной части страны, членов бывших военных поселений, сельскохозяйственных рабочих, пастухов, железнодорожных рабочих, горняков – ответственных за взрывы на железных дорогах, – рабочих, ремесленников, сельских учителей, а также помещиков юга – например, братьев Фи-

героа из Герреро – и многочисленных жителей и представителей традиционных руководителей крестьянских общин центра и юга страны, например, Сапату и его ближайшее окружение. Вопреки желанию правительственных кругов, самого Мадеро и других лидеров антирезлекционистского движения, народные массы неизбежно оказались вовлечены в процесс политических перемен. Фактически они превратили его в революционный процесс. При этом первые выдвигали политические требования, вторые – социальные, в основном аграрные.

Анахроничный либерализм

Договоры, заключенные в Сьюдад-Хуаресе, предусматривали замену Диаса, в соответствии с законом, министром иностранных дел его правительства Франсиско Леоном де ла Барра. Обязанностью последнего должно было стать разоружение и демобилизация формирований восставших и организация новых выборов. Первая задача оказалась крайне сложной. Многие восставшие, правда, согласились вернуться к мирной жизни после получения определенной суммы в качестве вознаграждения. Часть их формирований была преобразована в новые «подразделения руралес» (сельской полиции). Но основные группы восставших не смирились. Паскуаль Ороско и его последователи после победы были отодвинуты на второй план, потому что считали достигнутые результаты недостаточными. Эмилиано Сапата и восставшие южане отказались распустить свои отряды или преобразовать их в «руралес». Они не хотели сдавать свое оружие до тех пор, пока им не вернут земли, которые были незаконно отняты у них землевладельцами, что противопоставило их временному правительству Леона де ла Барра.

Перед новыми выборами Мадеро посчитал необходимым преобразовать Национальную антирезлекционистскую партию в Прогрессивную конституционную партию и решил, что на вторых выборах его партнером должен стать не Васкес Гомес, а Хосе Мария Пино Суарес, адвокат и журналист родом из Табаско, осевший на Юкатане, где сотрудничал с антирезлекционистским движением. Целесообразность обоих решений оказалась спорной:

при отсутствии проекта со стороны правительства, по которому мог быть достигнут консенсус, антирезлекционистский принцип, даже при его негативном характере, мог служить объединяющим фактором. Разрыв с Васкесом Гомесом разочаровал многих сторонников Мадеро. В частности, он привел к тому, что от него ушел ряд экс-рейистов, имевших большой опыт и политические способности, которых так не хватало членам администрации Мадеро. Однако несмотря ни на что, он одержал убедительную победу на выборах 1911 г., хотя пришел на пост президента, разорвав свой союз с рейистами, ороскистами и сапатистами.

Президентство Мадеро, начавшееся в 1911 г. и окончившееся насильственным свержением в феврале 1913 г., было отмечено политическими переменами: в правительство вошли молодые люди, стоявшие на более низких социальных ступенях, чем министры правительства Диаса, что обусловило разницу в их идеологии. Также сильно отличались от прежних губернаторы, депутаты и сенаторы. Наибольшее значение имело вытеснение «старых политиков» новыми свободно избранными представителями местных властей. В целом, надо признать, уход Диаса буквально через несколько месяцев привел к трансформации почти всей вертикали власти. Сумевшие пережить это время политики эпохи Порфирио Диаса теперь играли роли оппозиционеров. Представители средних слоев к 1911 и 1912 гг. «прорвались» в руководящий аппарат и стали принимать участие в принятии решений, а рабочие и крестьяне увеличили свой политический вес. Президентство Мадеро сделало политические практики более демократическими: состоялись свободные выборы, соблюдался закон о свободе вероисповедания; исполнительная власть перестала оказывать давление на законодательные и судебные органы, центральная власть перестала вмешиваться в деятельность местных властей и властей штатов.

Одновременно с изменениями в политической сфере Мадеро и новое правительство предложили и новые проекты в аграрной и рабочей сфере. Мадеро, будучи сам владельцем хлопковых плантаций и членом семьи предпринимателей, был сторонником частной собственности на землю, не верил в общинную собственность и считал, что должна быть выстроена такая система, кото-

рая состояла бы из мелких и средних собственников, сосуществующих вместе с эффективными и современными крупными хозяйствами. В трудовой сфере было признано право рабочих на организацию и говорилось об улучшении их социально-экономических условий. При этом, успокаивая предпринимателей, правительство утверждало, что это не отразится негативным образом на их финансовом положении и что оно будет выступать арбитром в конфликтах между хозяевами и работниками. Благодаря новому политическому климату и ослаблению позиций предпринимателей, за 1912 г. число рабочих организаций и количество забастовок выросло. То же произошло в деревне: рост политического веса крестьянства благодаря его участию в вооруженной борьбе против Диаса и потеря власти землевладельцев в этом же году изменили соотношение сил в деревне. Крестьяне начали занимать земли, которые объявили отнятыми у них незаконно, выступали с заявлениями об увеличении поденной платы. К своему несчастью, латифундисты не могли рассчитывать на сильную поддержку властей, уже не было ни старых касиков, ни «руралес», к помощи которых они всегда прибегали раньше.

Парадоксально, но реформы Мадеро оставили недовольными почти все политические группы и социальные классы страны, а также иностранных дипломатов и инвесторов. Землевладельцы и предприниматели рассматривали их как опасный прецедент; рабочие и крестьяне, которые раньше поддерживали Мадеро – первые в период выборов и вторые в период вооруженной борьбы – сочли их недостаточными. Эта всеобщая неудовлетворенность вылилась в открытую критику и оппозиционные движения, а в ряде случаев и в вооруженные восстания. Правительство Мадеро пережило четыре крупных вооруженных восстания. Два из них возглавили Бернардо Рейес и Феликс Диас, занимавшие привилегированное положение при Порфирио Диасе, а два других – Эмилиано Сапата и Паскуаль Ороско, воевавшие против режима Порфирио Диаса, но неудовлетворенные конечными результатами. Восстания можно объяснить изменением баланса сил во власти: первые боролись за то, чтобы вернуть себе прежнее влияние, вторые за то, чтобы с помощью достигнутой силы добиться удовлетворения их старых социально-экономических требований.

Рейес поднялся на борьбу в конце 1911 г., считая, что в отсутствие Диаса только он может управлять страной. Феликс Диас выступил в Веракрусе в октябре 1912 г., заявляя о неспособности Мадеро исполнять обязанности президента. Но проблема состояла в том, что у племянника дона Порфирио не было ни прав, ни легитимности для решения проблемы преобразования страны, к которому обязывала великая социально-политическая мобилизация, начавшаяся в последние годы Порфириата.

Народные восстания сапатистов и ороскистов радикальным образом различались. Крестьяне штата Морелос не согласились с демобилизацией, предусмотренной Договорами Сьюдад-Хуареса, заявляя, что не сдадут оружие без предварительного возвращения земель, которые они считали незаконно отнятыми у них землевладельцами. Их действия дали основание президенту Леону де ла Барра считать их мятежниками. После прихода к власти Мадеро они конкретизировали цели своей борьбы в «Плане Айяла», который требовал решения аграрного вопроса и превращения крестьянской общины в основную сельскую единицу страны. Военное значение сапатизма не совпадает с его исторической значимостью. В течение всего 1912 г. их борьба была неинтенсивной. В это же время восстание ороскистов было значительно более заметным. Ороско и его многочисленные сторонники, выдвинув План де ла Эмпакадора, подняли восстание в марте 1912 г. по двум причинам: его лидеры считали, что экономические и политические дивиденды, полученные ими за участие в победе над доном Порфирио, явно недостаточны, а солдаты – что реформы, предложенные Мадеро, слишком умеренные и медленные. В отличие от сапатистов, социальная база этого восстания была более широкая, его поддерживали представители многих классов, а не только крестьяне. В частности, в нем принимал широкое участие средний класс регионов. Нельзя сказать, что восстание имело исключительно местное значение: оно охватило всю Чиуауа, включая столицу штата, затронуло северные штаты – Дуранго, Коауилу, Сонору, Сакатекас и Сан-Луис-Потоси. Оно было настолько мощным, что вначале даже имелись опасения за судьбу правительства Мадеро.

Подавление восстания ороскистов возложили на генерала Викториано Уэрту, обеспечив его силами и средствами. Для борьбы с ороскистами использовали также их бывших товарищей по борьбе против Диаса, которые оставались верными правительству Мадеро, как, например, Панчо Вилья. Они должны были оказывать поддержку федеральным войскам. Цель такой тактики состояла в том, чтобы привлечь силы, способные действовать такими же партизанскими методами и пользоваться поддержкой местных жителей. Помимо этого власти северных штатов для отражения атак ороскистов организовали свои вооруженные силы. Среди них выделялись отряды Пабло Гонсалеса, выходца из Коауилы, и Альваро Обрегона, родом из Соноры. Результат оказался двойственным: с одной стороны, при общей поддержке бывших мадеристов и сил штатов революционное движение приобретало силу; с другой – победив, федеральные войска восстановили доверие к себе и нашли в лице Уэрты нового каудильо. Драматичность этой ситуации скажется позднее, когда последний решит восстать против созданного правительства.

В конце 1912 – начале 1913 г. Мадеро верил, что, подавив четыре мятежа, он, наконец, достиг стабильности. Его оптимизм основывался на ошибочном выводе: да, все восстания страдали серьезными недостатками и потерпели поражение, но при этом нанесли большой урон правительству Мадеро. В условиях крайне рискованной политической ситуации, с недовольной, но возрожденной армией, с изолированным и имевшим множество врагов правительством Бернардо Рейес и Феликс Диас в феврале 1913 г. решили, что вместе и в самом центре расположения федеральных властей они смогут развернуть успешное контрреволюционное движение. И хотя они снова потерпели поражение, это движение возглавил новый военный каудильо Викториано Уэрта, и Мадеро оказался неотвратимо и окончательно свергнут. Соглашение «путчистов»-победителей известно как «Пакт де ла Сюдадела» по названию места, где они обосновались, или «Пакт де ла Эмбахада» («Пакт Посольства»), потому что было подписано в здании американского посольства. Одновременное противостояние правительства США (возможно из-за налогов на добычу нефти, установленных Мадеро), федеральных войск, порфиристских поли-

тических групп, землевладельцев и предпринимателей на фоне распада антирезлекционистского фронта, разочарования средних слоев и отсутствия опыта управления сделали в конце концов пребывание Мадеро у власти невыносимым. После своего свержения в феврале 1913 г. он был арестован и убит в тюрьме.

Конституциональная борьба

Правительство Уэрты на начальном этапе представляло из себя «сплав» почти всех антимадеристских политических сил, включая фелисистов, рейистов, «ученых», католиков и даже ороскистов. Уэрта мог также рассчитывать на неограниченную поддержку федеральных войск, помещиков и предпринимателей. Что касается североамериканского правительства, его поддержка Уэрты была кратковременной. После того как демократ Вудро Вильсон сменил на посту президента республиканца Вильяма Тафта, позиция США в отношении Мексики радикальным образом изменилась. Вступление Уэрты на пост президента вызвал яростный протест большинства бывших мятежников-антипорфиристов, часть из которых также являлась ветеранами борьбы с ороскизмом, а часть заняла при Мадеро посты в местных органах власти. Поэтому борьба против Уэрты, с одной стороны, была направлена на защиту и сохранение тех политических перемен, которые были сделаны при Мадеро и постов, полученных в период его правления. А с другой – это было противостояние попытке восстановить правительство, руководимое политиками-порфиристами, опиравшееся на мощную федеральную армию и благоволившее к землевладельцам и другим представителям высших слоев прежнего режима.

Мятеж против Уэрты начался в четырех районах, каждый из которых имел свои социальные, политические, идеологические, экономические и военные особенности. Первый – штат Коауила. Здесь восстание возглавил губернатор Венустиано Карранса, старый политик-рейист, который к 1909 г. стал антипорфиристом. Карранса и другие представители властей штата не признали Уэрту, которого считали мятежником, и призывали к созданию армии (Конституциональной) с целью свержения Уэрты и восста-

новления законности. Движение против Уэрты в штате Коауила носило легалистский характер и отличалось тем, что возглавил его губернатор. Понятно, что на вторых постах оказались ведущие политики штата и местные чиновники. Что касается военных, то восстание могло рассчитывать на ветеранов борьбы против Диаса. Все эти особенности нашли свое отражение в «Плане Гваделупе». Хотя в военном отношении они имели меньшее значение для победы над Уэртой, зато стали определяющими в организации, легитимизации и руководстве борьбой.

В штате Сонора лидерство было захвачено несколькими представителями среднего класса, экономические и политические интересы которых были ущемлены при Порфирио Диасе, но которые заняли важные политические посты при Мадеро. Целью их борьбы стало сохранение достигнутого положения. Наиболее значительными фигурами среди них были Альваро Обрегон, Сальвадор Альварado, Плутарко Элиас Кальес, Мануэль Дьегес и Адольфо де ла Уэрта. Помимо политической власти у них был определенный военный опыт, приобретенный в войнах с индейцами яки и в борьбе с порфиризмом и ороскизмом. Важной чертой явилось то, что аграрно-индейские (особенно с племенами майя и яки) и трудовые конфликты (Кананеа) привели к установлению союза оппозиционно настроенных средних слоев с народными массами. Так, помимо военного опыта группа Соноры дала движению свой опыт среднего класса, способного договариваться и заключать пакты и соглашения с народом.

Антиуэртистский контингент Чиуауа и северных районов Дуранго был очень необычным. Необычность эта проявлялась в том, что руководителем восставших стал выходец из народа — Панчо Вилья. В отличие от восставших Коауилы и Соноры Вилья не представлял местную власть, а был типичным повстанцем. Его заместители и лидеры второго ранга также принадлежали к выходцам из народа. Они снова взяли за оружие, чтобы не дать Паскуалу Ороско захватить власть на местах и помешать возвращению олигархии, возглавляемой семьей Террасас. Вне военного аспекта их основной вклад состоял в том, что в движение конституционалистов было вовлечено огромное число представителей народа, ставших основным действующим лицом собы-

тий. Благодаря вильизму борьба против Уэрты на севере не стала лишь легалистским движением и социальная база его не ограничилась только средним классом. Хотя сторонники Вильи происходили из народа, нельзя сказать, что это были исключительно крестьяне: кроме значительного числа сельских поденщиков, арендаторов, «медьерос», бедных работников ранчо и членов бывших военных поселений, в нем принимали участие многочисленные группы пастухов, горняков, рабочих, в том числе железнодорожных.

Борьба против Уэрты не являлась исключительно прерогативой севера страны. Его приход к власти изменил природу борьбы сапатистов, усилив ее интенсивность. Исчезла надежда на то, что будет проведена аграрная реформа, так как с самого начала стало ясно, что проект Уэрты в этой области курировали армия и помещики. Кроме того, его репрессивные методы были жестоки и радикальны, что пополняло число восставших, так как члены крестьянских общин оказались вынужденными усилить свою оборонительную борьбу. Сапатисты принимали участие в ней, не признавая лидерства Каррансы, и благодаря им антиуэртистская фаза революции охватила как север, так и юг, а преимущественно политические требования 1909–1910 г. были дополнены некоторыми социальными требованиями, например, требованиями возвращения незаконно отнятых земель и уважения традиционных крестьянских общин, которые рассматривались ими не только как законный институт, но играющий решающую роль в мексиканской деревне.

Социально-географические различия переросли в глубокие политические, идеологические и военные разногласия. Вне руководства, которое предоставило ему «План Гваделупе», Карранса возглавлял лишь повстанческую армию, состоявшую из его гражданских служащих и военных. Для того чтобы стать подлинным руководителем всего восстания, он попытался распространить свое движение на соседние штаты. Несмотря на то что это ослабляло его скудные военные силы, Карранса предпочел послать своих людей на поддержку восстаний в штатах Нуэво-Леон, Тамаулипас, Сакатекас и Сан-Луис-Потоси. Так, он с уровня лидера штата перешел в разряд региональных лидеров. Ослабление сил

Коауилы позволило уэртистам в середине 1913 г. вернуть себе влияние в штате, заставив Каррансу уехать и осесть в Соноре. Для него в этом был определенный плюс, так как он смог наладить связи с революционерами, выходцами из других социальных слоев. Кроме того, это позволило ему стать реальным лидером восставших в двух регионах – на северо-востоке и северо-западе страны.

В начале 1914 г. восставшие взяли под свой контроль восток север страны, а в Сан-Луис-Потоси, Сакатекасе, Синалоа, Халиско, Мичоакане и Веракрусе мощные антиуэртистские движения уже действовали с середины, а где-то с конца 1913 г. Центр, юг и юго-восток страны оказались слабо вовлеченными в повстанческое движение. Кроме штата Морелос и соседних с ним районов, которые явились ареной жестокой борьбы между грабительской армией Уэрты и армией Сапаты, состоявшей из оборонительных частей крестьянских общин региона, в центре заслуживающие внимания выступления имели место лишь в штатах Идальго и Тласкала. Можно по-разному объяснять, почему в этом регионе восстания не получили большого распространения. В частности, близость к столице и значение железнодорожного пути в Веракрус через Пуэблу и Тласкалу превращали этот район в важный промышленный «коридор» и делали стратегически важным контроль над ним и подавление любого восстания. Что касается юга, то в Герреро силы восставших были многочисленны, а в Оахаке – незначительны. К юго-востоку, в Табаско действовало несколько отрядов, не доставлявших никакого беспокойства правительству. Их социальный состав, определявшийся преобладанием патерналистски настроенных землевладельцев, пеонов и индейцев, а также отдаленность и отсутствие связи повлияли на то, что этот район не принимал участия в антиуэртистской борьбе.

К марту-апрелю 1914 г. войска севера начали свое наступление на центр страны, чтобы выбить Уэрту из столицы. Наступали все вместе – Обрегон с запада, Вилья из центра, Пабло Гонсалес с востока, создав, таким образом, сокрушительную силу. Падение Уэрты стало неизбежным, если к тому же учесть, что его армия использовала оборонительную стратегию, засев преимущественно в крупных городах. Положение Уэрты усугубили отказ прави-

тельства Вашингтона признать его правительство и отсутствие контроля над северной границей, что привело к серьезному экономическому кризису. Уэрта не смог набрать новых солдат и приобрести оружие и боеприпасы. В отличие от все ширившегося революционного движения, правительство Уэрты постоянно деградировало. На языке политики это означало, что великий консервативный альянс, сложившийся после февральского военного мятежа 1913 г., распался, лишив правительство Уэрты представительности, легитимности и эффективности. А с точки зрения дипломатии это привело к следующему: приход на президентский пост демократа Вудро Вильсона и потеря Уэртой региона, в котором были сосредоточены основные американские инвестиции, стали причиной растущей дистанции между уэртистским и североамериканским правительствами. Начало падения уэртизма можно датировать апрелем 1914 г., когда началась атака войск севера на центр, а американские военные силы вошли в Веракрус, чтобы помешать Уэрте принять судно с оружием из Европы.

Продвижение северных войск стало причиной многочисленных запоздалых восстаний в центральных штатах страны. А каждое поражение уэртистской армии вело к бегству гражданских властей. Хотя Северная дивизия под командованием Вильи в июне вошла в Сакатекас, Карранса решив, что только войска Гонсалеса и Обрегона должны взять столицу, отдал Вилье приказ оставаться на севере. Это решение было последним выражением давних разногласий между ними, которые в свою очередь стали следствием различий в их социально-экономических и политико-идеологических взглядах. Раскол в рядах конституционалистов был близок, хотя они, в конце концов, смогли прийти к соглашению: Вилья по-прежнему является основной силой в борьбе против Уэрты и остается на севере, а Карранса сразу после занятия Мехико созывает конвент генералов, который будет решать вопросы социальных реформ и о следующем президенте страны.

За исключением этого конфликта наступление революционных сил продолжалось без препятствий: Обрегон пошел на Синалоа и Халиско, занял Гвадалахару и оттуда двинулся в центр страны; Гонсалес пошел через Монтеррей, Тампико, Сан-Луис-Потоси и Керетаро. Кажущаяся легкость такого продвижения не

отражает истинного исторического значения процесса. Во-первых, антиуэртистское движение перестало быть прерогативой севера и охватило, по крайней мере, половину страны. Во-вторых, расширение его географии соответственно привело к расширению его социальной базы. Победа революционных сил вынудила элиту и уэртистские власти бежать, покидая свои посты, в связи с чем для формирования местных органов повстанцы вынуждены были привлечь на свою сторону не принадлежавших к сторонникам Уэрты представителей среднего класса, которые таким образом получили доступ к власти. К моменту победы революционных сил были заключены союзы с рабочими и крестьянами на местах, и в обмен на их поддержку приняты декреты, отражавшие их интересы. Подводя итог, можно сказать, что за эти месяцы борьба против Уэрты вышла на новые рубежи, в нее оказались вовлечены новые действующие лица, которые сильно отличались от повстанцев севера и которые вынуждали последних предложить адекватный национальный, с географической и социальной точек зрения, проект возрождения. В этих политических союзах и социальных компромиссах рождалось постреволюционное мексиканское государство. Если электоральную борьбу мадеристов поддерживали средние городские слои, а антипорфиристское восстание было совершено малоимущими слоями города и деревни, возглавляемыми пожелавшим остаться неизвестным представителем элиты, то базой борьбы конституционалистов против Уэрты стал союз малоимущих и средних слоев населения, во главе которых стоял старый перешедший на радикальные позиции член политического порфиристско-рейистского аппарата.

Конституционализм против конвенционализма

Взятие Мехико и победа над правительством и войсками Уэрты знаменовали новый этап и изменили характер мексиканской революции. В августе 1914 г., были подписаны Договоры Теолойюкана, согласно которым антиуэртистское движение преобразовывалось в правительство, а его армия из повстанческой становилась миротворческой. Распространение антиуэртистского дви-

жения на центральный район, в который входили город Мехико, наиболее крупная в стране промышленная зона, Пуэбла, Тласкала и Орисаба и наиболее конфликтные с точки зрения взаимоотношений землевладельцев и крестьянских общин районы штатов Морелос, Пуэбла, Тласкала и Мехико, вывело конституционалистское движение за рамки одного региона (северного) и сделало его почти национальным. Завоевав позиции в центре и на восточном побережье, оно затем распространилось на юг и юго-восток.

Перед конституционалистами стояла сложная задача: им предстояло взять на себя функции правительства, но при этом у них не было четкого проекта развития страны и опытного политико-бюрократического аппарата. Эта ситуация заставила набрать команду в основном из лиц, принадлежавших к трем группам: военным и политикам-конституционалистам, имевшим опыт и административные навыки; представителям средних слоев, отторгнутым правительствами Диаса и Уэрты; и бюрократии нижнего и среднего звена бывшего режима, которая смогла приспособиться к новым условиям. Они должны были провести обещанные социальные реформы, в частности изменить структуру аграрной собственности и предпринять новые шаги, отвечавшие интересам рабочего класса. Другими словами, надо было обеспечить стабильность, которую требовали средние слои. Чтобы закрепиться в качестве правительства, новое руководство должно было пойти на удовлетворение социально-экономических требований, которые выдвигал народ, но при этом не вызывать страха и отторжения со стороны среднего класса и иностранных инвесторов. Перед правительством конституционалистов стояла еще одна задача – взять под свой контроль юг и юго-восток страны – регионы, которые не принимали участия в борьбе против Уэрты, в которых еще сильна была местная элита и в которых еще не сложились «кадры» сотрудников и не было сторонников происходящих перемен.

Самая большая проблема состояла в том, что после победы над общим врагом – Уэртой повстанцы оказались в противостоянии друг другу. Все они – конституционалисты, вильисты и сапатисты – хотели навязать остальной части страны свои проекты развития, несмотря на то что проекты последних и с социаль-

ной и с географической точек зрения не отвечали интересам именно всей страны. Заинтересованные стороны пытались мирным путем разрешить противоречия и прийти к общему проекту, однако разногласия оказались непреодолимыми, а потому конфликт был неизбежен. Миротворческие попытки и одновременно военные столкновения можно было наблюдать всю вторую половину 1914 г. Важной попыткой примирения стал Конвент – компромисс между каррансистами и вильистами, нашедший свое отражение в Пактах Торреона и предназначенный для совместной разработки необходимых стране политических и социальных реформ. Заседания начались первого октября в Мехико, но без участия вильистов и сапатистов, в связи с чем они вскоре были прекращены. Была достигнута договоренность о том, что они будут возобновлены на нейтральной территории в Агуаскальентес, который располагался на равном расстоянии от севера и столицы. На втором заседании число депутатов-каррансистов сократилось, но присутствовали вильисты и сапатисты, которых представляли делегаты-горожане, требовавшие от Конвента признания главенства «Плана Айялы». Бесспорно, этот съезд Конвента в социальном плане был более представительным, чем предыдущий, потому что в нем приняло участие большое количество представителей народа. Конвент провозгласил себя верховным органом власти, преобразовался в правительство и отказался признавать полномочия Каррансы. Последний покинул столицу и направился в Веракрус, менее уязвимый, чем столица, и находившийся под контролем военно-морских сил США, которые очистили город для конституционалистов.

Снова возобновились военные действия: войска Вильи двинулись на столицу, где в начале декабря 1914 г. соединились с сапатистами. В это время Карранса начал приготовления к военным действиям в Веракрусе. Группировки перераспределились: сторонники Обрегона решили остаться в подчинении у Каррансы, а вильисты и сапатисты предпочли объединиться и выдвинуть совместный проект, основываясь на том, что они представляют интересы народа. В течение всего 1915 г. страна переживала так называемую «войну группировок». Сначала все указывало на то, что народная армия во главе с Вильей и Сапато справится с си-

лами, которыми руководили представители средних слоев, находившиеся на стороне Каррансы и Обрегона. Но несмотря на ожидания, результат оказался прямо противоположным, что объясняется политическими, военными, экономическими и социальными факторами. Во главе правительства Конвента стояли очень слабые политики – Эулалио Гутьеррес, Роке Гонсалес Гарса и Франсиско Лагос Часаро, – вынужденные противостоять то одной, то другой группе, представлявшей народные массы, то обеим сразу. Подобная ситуация приводила в ужас средний класс, который порвал с Конвентом, все более демонстрировавшим свою неспособность к управлению и установлению политических и социальных союзов, способных объединить интересы различных классов и завоевать доверие общества, страны и на международной арене. С самого начала Конвент отличался склонностью к постоянным заседаниям и был зависим от военной силы Вильи. Более того, позиции сменявших друг друга председателей Конвента были слабы. Слабость эта определялась, во-первых, тем, что власть находилась в руках военных каудильо (Вильи и Сапаты) или их главных заместителей, а во-вторых, тем, что идеология парламентаризма, отличавшая эту группировку, всегда ставила руководителя исполнительной власти по значению ниже основных идеологов и делегатов (Конвента), среди которых выделялся Антонио Диас Сото-и-Гама, старый либерал из Потоси, заделавшийся сапатистом. Таким образом, неспособность к управлению и отсутствие социально-политического единства были основными чертами Конвента.

Конституционалистская группировка имела лишь одного лидера, опытного и пользовавшегося большим уважением дона Венустиано. Она была более однородная, в ней царила дисциплина, достаточная для сохранения единства, идентичности и структуры. Этим она отличалась от конвенционистов, которые организовались на основе недавнего союза народных групп с севера (вильисты) с традиционными отрядами крестьян центра и юга страны (сапатисты). Этот союз невозможно было сохранить: быстро возникли социальные и идеологические разногласия, которые подорвали их способность к управлению и ослабили их военную силу.

Конвенционистская группа оказалась слабее и в военном отношении, потому что состояла из двух различных по структуре, стратегии и целям армий, что не позволяло им взаимодействовать между собой. Вильисты считали, что первым делом они должны обеспечить военную победу и полностью посвящали себя этой задаче, сапатисты же были убеждены, что приоритетными являются реорганизация их региона с политической точки зрения и изменения структуры аграрной собственности. Созданную ими модель они предполагали потом применить во всей стране. Поэтому пока вильисты участвовали в жестокой войне в отдаленных районах страны (Эль Бахио, нефтяная Уастека, северо-восток), сапатисты вели оборонительную борьбу, пытаясь удержать свой район от участия в военных действиях. Лишенные помощи южан вильисты столкнулись с проблемами снабжения. До августа 1914 г. они могли рассчитывать на североамериканский рынок, но после начала первой мировой войны всю продукцию военного назначения стали скупать европейские страны, партнеры США, что привело к повышению цен. С другой стороны, конституционалисты, первыми заняв Мехико, взяли под свой контроль военные мастерские и предприятия по производству боеприпасов, построенные порфиристским правительством и находившиеся в руках правительства Уэрты, лишив таким образом конвенционистов еще одного источника снабжения.

На характер «войны группировок» влияли также тактико-стратегические факторы. Карранса составил свой «график» борьбы. Зная оборонительную тактику сапатистов, он сначала решил дать бой сторонникам Вильи. У конституционалистов здесь было преимущество: они умели драться по отдельности, по крайней мере, это можно было сказать об армиях северо-востока и северо-запада. Северная же дивизия, всегда единая, сейчас вынуждена была разделиться, чтобы вести боевые действия одновременно в центре, в районе залива и на северо-востоке страны. Кроме того, их тактика «кавалерийской атаки», которая принесла им столько побед в боях с армией Уэрты, не действовала против засевших в траншеях конституционалистов. В основе «войны группировок» лежал еще один немаловажный фактор – экономический. С одной стороны, сапатисты распределили земли, что, если оставить в

стороне критерий справедливости, нанесло удар по местной экономике. С другой – Чиуауа оказался единственным штатом страны, в котором насилие стало постоянным фактором жизни с конца 1910 г., поэтому экономика здесь подверглась особенно сильным разрушениям. Вилья вступил в самый жестокий этап революции, не имея средств, чтобы нанять солдат и приобрести внезапно подорожавшее из-за высокого спроса со стороны Европы оружие.

Конституционалисты же, продвигаясь к центру, востоку и юго-востоку страны, получили под свой контроль богатые регионы, куда не проникло насилие, например, зерновые районы Керетаро и Эль Бахио и наиболее важные промышленные районы Мехико, Пуэблы, Тласкалы и Веракруса. Еще большее значение с экономической точки зрения для них имел контроль над экспортом нефти и хенекена после занятия Юкатана. Кроме того, с конца 1914-го по август 1915 г. конвенционисты занимали г. Мехико, и хотя взятие столицы рассматривалось как признак военной и политической силы, контроль над городом возлагал на них ответственность за обеспечение продовольствием, за сохранение безопасности и здоровья населения самого большого города страны.

Помимо экономических ресурсов расширение сферы влияния конституционалистов дало им возможность набирать свежие людские силы. Географическое расширение происходило параллельно с расширением их социального представительства.

Подводя итог, можно сказать, одна группировка смогла распространить свое влияние почти на всю страну, в другой остались всего две региональные, обособленные друг от друга силы.

Проводимая конституционалистами в этот период политика, с одной стороны, благоприятствовала среднему классу, а с другой – через социальные уступки способствовала привлечению народных масс, не отпугивая при этом буржуазию. Следствиями именно такой политики стали дополнения к «Плану Гваделупе» от декабря 1914 г., аграрный закон от января 1915 г. и февральский договор с «Домом рабочих мира» – самой крупной организацией трудящихся страны. Даже если допустить, что популизм каррансистов не был искренним, что они лишь стремились лишить социальной базы своих противников – конвенционистов, нельзя

упускать из виду и то, что сапатизм, например, не смог привлечь на свою сторону крестьян из соседних штатов, он не был заинтересован в установлении союза с пролетариатом центра страны, а вильизм быстро лишился поддержки народных масс, которой располагал в течение всего 1914 г. В конце 1915 г. победа конституционалистов не вызывала сомнений. Они нанесли поражение вильизму на всех фронтах и отбили у сапатистов г. Мехико. Правительство Каррансы было признано США в октябре 1915 г. и вплоть до конца 1916 г. занималось закреплением достигнутых успехов и окончательной разработкой национального проекта.

Сила и пределы правительства Каррансы

Правление Каррансы можно разделить на два периода – доконституционный и конституционный, линия раздела между которыми приходится на май 1917 г. Первый этап характеризовался преобладанием военного фактора. В вооруженных силах продолжали оставаться сторонники Вильи и Сапаты, в различных регионах страны (например, в нефтяном районе побережья Мексиканского залива, в Веракрусе, Чиапасе, Оахаке и Мичоакане) возникли свои вооруженные движения, сопротивлявшиеся революционным переменам. Серьезными проблемами, с которыми Карранса столкнулся в 1916 г., стали проблемы в военной и дипломатической сферах. Это было связано с тем, что в ответ на вторжение Вильи в Колумбус (штат Нью-Мехико) североамериканское правительство послало, правда, безрезультатно, для борьбы с ним «карательную» колонну, которая пробыла в Мексике с апреля 1916-го по февраль 1917 г. 1916 г. был отмечен ярко выраженным процессом институционализации и сдержанными действиями со стороны победителей. Сторонники Вильи и Сапаты были разбиты, и правительство Каррансы, перестав нуждаться в массовой народной поддержке, начало отход от политики предоставления социально-политических уступок этим слоям населения, которую проводило в 1914–1915 годах.

Перед победителями вставала другая задача – переход от революционных действий к созданию постреволюционного государства, для чего нужно было предложить свой проект развития

страны. Это было сделано через конституцию 1917 г. В свое время борьба против Уэрты проходила под знаменем восстановления законности на основе конституции 1857 г., которая, однако, после семи лет борьбы не отвечала реальному положению дел. Новый высший закон страны предстояло разработать депутатам, которые были избраны от всех штатов пропорционально численности населения каждого из них. Не избирались лишь те, кто был врагом конституционализма, т.е. сторонники Уэрты и конвенционисты. Модель развития страны должна была, таким образом, определяться победителями, которые, однако, были не готовы рисковать на трибуне тем, что выиграли на полях сражений. Участие исключительно конституционалистов не означало, однако, полной однородности. Депутаты-учредители представляли все регионы страны, отражая различную социально-историческую реальность, и каждый привнес свое личное политическое прошлое и свои идеологические предпочтения. Среди них были бывшие сторонники социального католицизма, магонизма, рейисты, люди, сотрудничавшие с режимом Мадеро. Все эти различия стали причиной полемики, которая развернулась во время заседаний.

Конституция может рассматриваться как продукт революционной идеологии и нормативной базы нового государства. С ней революционный процесс, преимущественно деструктивный, перешел в стадию конструктивного и регулирующего управления. Но если вооруженная борьба велась преимущественно людьми, вышедшими из сельской среды, то депутаты, которые формировали облик будущей Мексики, избирались из среды городского населения. При этом регионы, наиболее активные в вооруженной борьбе, имели меньше представителей на учредительном съезде, чем те, которые мало участвовали в ней или были противниками вооруженных методов, что было связано с небольшим количеством населения в северных штатах и военной ситуацией, в которой оказалось население таких штатов, как Морелос и Чиуауа. Штат Чиуауа был представлен лишь одним депутатом, Сонора четырьмя, Коауила пятью, в то время как от Халиско приехало 20 депутатов, от Пуэблы и Веракруса по 18, от Гуанахуато и Мичоакана по 17, от Оахаки – 10.

В новой конституции быстро проявились черты, как отличающие, так и роднящие ее с предыдущей. В то время как в основу конституции 1857 г. была положена доктрина либерализма, новый закон был очень реалистичен, он отвечал такой сложной стране, как Мексика, и отражал международные условия того времени: очевиден был упадок аристократии и олигархии и кризис либеральных государств. Вспомним, что конституция 1917 г. разрабатывалась в период между первой мировой войной и большевистской революцией. Сложность социально-исторической ситуации Мексики стала причиной, по которой новая конституция гарантировала индивидуальную и коллективную собственность, а также сосуществование как частных, так и государственных предприятий. В плане государственного устройства Мексика по-прежнему оставалась представительной демократической федеративной республикой. Однако исполнительная власть пока доминировала, безусловно, из-за необходимости «единоначалия» при реализации программы национального возрождения. По этой же причине страна складывалась как этатистская, а следовательно авторитарная, в которой государство вмешивалось в такие сферы, как экономика, образование и религия. Новая конституция оказалась националистической, потому что революция стремилась покончить с неокOLONиальным характером Мексики, и потому, что в памяти были свежи американское вторжение в Веракрус и «карательная экспедиция». Конституция содержала серьезные уступки народным массам, она, например, предусматривала распределение земель и льготы рабочим. То, что рабочие и крестьяне в ходе революционной борьбы стали представлять собой военную и политическую силу, делало эти уступки необходимыми. Конституция 1917 г. была единственной возможностью создать государство, способное консолидировать и регламентировать процесс преобразований, который пережила страна при переходе от Мексики периода Порфирио Диаса к Мексике революционной.

Вступление в силу новой конституции и начало конституционного президентства Каррансы в мае 1917 г. положили формальное начало постреволюционной Мексики, хотя оставалось еще три года до установления настоящего постреволюционного

государства. Во время своего президентства Карранса столкнулся с серьезными политическими, военными, экономическими, социальными и международными проблемами. Вступление конституции в силу привело к тому, что в жизнь стали воплощаться мало-знакомые до этого нормы и процедуры. После 30 лет Порфириата и 7 лет революционной борьбы надо было начинать выборы всех органов власти, и сильные военные руководители должны были начать уважать новую гражданскую администрацию. А властям в свою очередь необходимо было проявлять уважение к индивидуальным правам. Иными словами, надо было преодолеть огромные трудности, создавая демократический режим в стране, в которой отсутствовала политическая культура и необходимые институты, которая совсем недавно находилась в ситуации между авторитаризмом и хаосом.

Военные проблемы не исчезли с возвращением к законности. Карранса был вынужден продолжать свою деятельность по установлению мира, подчиняя своей власти страну. Это было связано с тем, что некоторые регионы по-прежнему дистанцировались от центральной власти и находились вне процесса преобразований. Каррансе не только необходимо было принимать серьезные меры по снижению влияния вильистов и сапатистов, но и вести кампанию против небольших групп мятежников, бандитов и тех, кого в целом называли «контрреволюционерами». Среди них выделялись Мануэль Пелаес и Феликс Диас, которые действовали в нефтяном районе и в центральной зоне Веракруса, а также склонные к суверенитету «мятежники» Оахаки и войска землевладельцев Чиापаса. Слабым местом Каррансы была малочисленная, недисциплинированная и плохо вооруженная армия, которая мало подходила для решения этих проблем. Военные кампании вели к политическим конфликтам, поскольку военные отказывались сужать свои полномочия. Они провоцировали социальные проблемы, так как давали повод серьезным и многочисленным злоупотреблениям со стороны власти. И, наконец, военные действия ухудшали экономическое положение, во-первых, разоряя страну, а во-вторых, отвлекая значительную часть бюджетных средств на военные нужды. Возникали проблемы с рабочей силой, значительная часть которой или погибла, или не могла

эффективно использоваться в период вооруженной борьбы. Достаточно большое количество людей эмигрировало или воевало в составе регулярной армии и различных вооруженных отрядов. Проблема носила не только количественный, но и качественный характер: изгнание большого числа землевладельцев, предпринимателей и специалистов сокращало человеческий капитал страны. В довершение ко всему первая мировая война сказалась на поставках товаров и потоках иностранных капиталовложений из Европы в Мексику, что также мешало восстановлению национальной экономики.

Военный конфликт в Европе привел к серьезным дипломатическим проблемам. США стали давить на правительство Мексики, заставляя его отказаться от нейтралитета и действовать в поддержку стран-союзников. Карранса стоял на позициях строгого нейтралитета, что не помешало обвинить его в симпатиях к Германии, поскольку немецкий канцлер Циммерманн предложил ему военную помощь при условии, что Мексика начнет войну против США за возвращение территорий, потерянных в середине XIX в. Некоторые американские политики требовали наказать Каррансу за его антиамериканскую политику в течение этих лет. Но учитывая, что срок его полномочий истекал в 1920 г., Вашингтон предпочел не принимать радикального решения, которое могло бы отразиться на интересах американского капитала в стране, и оставить Мексику развиваться по пути постреволюционного государства, следя за тем, чтобы страна при этом не сползала на путь радикализма.

В течение 1920 г. в стране произошли решающие изменения, которые начались с борьбы за президентское кресло. Одним претендентом был Альваро Обрегон, отошедший от Каррансы и имевший сильную поддержку многочисленных революционных групп – военных и гражданских, городских и сельских, низов и средних слоев. Вторым – Игнасио Бонильяс, старый функционер-конституционалист, на тот момент посол в США, пользовавшийся доверием дона Венустиано, но неизвестный ни революционным солдатам, ни обществу. На стороне Обрегона была армия, конституционалистская до мая 1917 г., которая в течение нескольких лет обладала наибольшей организованностью и полити-

ческой силой в масштабе всей страны; а сам Обрегон пользовался несравненно большим престижем, популярностью и социально-политической базой, чем Бонильяс. Учитывая все это окружение Каррансы, чтобы удержаться у власти, прибегло к силовой тактике. В ответ был поднят мятеж в Агуа-Приета, который оказался непродолжительным и практически бескровным. Прощивилистская деятельность Каррансы лишила его поддержки собственной армии, он вынужден был бежать из Мехико и умер, попав в засаду в небольшом поселке в горах.

Этот конфликт закончился изоляцией Каррансы и поддержкой, которую очень быстро приобрел Обрегон. Многочисленные социально-политические организации, как правительственные, так и оппозиционные, и некоторые группы восставших примкнули к движению Агуа-Приета, которое стало рассматриваться как «объединительная революция». Сложившуюся ситуацию можно объяснить разным подходом к решению проблемы противоречий с другими экс-революционерами, например, Вильей и Сапато. Дон Венустиано считал, что они могут быть решены только военным путем. А Обрегон, Кальес и другие лидеры, поднявшие мятеж в Агуа-Приета, были уверены, что эти противоречия носят скорее социально-политический характер, поэтому надо не бороться против бывших революционеров, а привлекать их на сторону нового государства. Осознав, что каррансистская модель противоречила природе постреволюционного государства, обрекая его на хроническую нестабильность, новые лидеры проявили готовность идти на политические и социальные уступки группам, которые играли важную роль в этой долгой борьбе.

Новое государство

Мексиканское постреволюционное государство родилось к 1920 г., именно тогда его создали с разной степенью влияния и выгоды для себя в период революционного процесса основные участвующие в нем группы. В начале 1920 г. к власти пришли представители средних слоев, социально, политически и идеологически отличавшиеся от каррансистской группы, так как не имели связей с бывшим режимом. Отчасти сила этих новых средних

классов основывалась на их союзе с народными массами. Последние уже не стремились к национальному лидерству, что можно было наблюдать в 1915 г. в Конвенте, но в обмен на свою поддержку и подчинение они получили заметные политические и социальные уступки. Этот союз не означал радикализации мексиканского постреволюционного государства, поскольку находящийся у власти средний класс заключил соглашение с контрреволюционными мятежниками, представлявшими региональные элиты.

Нельзя не согласиться с тем, что революция явилась самым важным историческим событием XX в. Она привела к созданию нового государства, во главе которого стали представители средних не радикальных слоев населения, которые видели необходимость в удовлетворении основных требований народных масс, принимавших решительное участие в борьбе. Революция представляла социально-политический и военный процесс, длившийся 10 лет, который выдвинул на первый план средние слои населения и народные массы и вытеснил порфиристскую олигархию. С 1910 по 1912 г. ее возглавляли выходцы из этой элиты, которых поддерживали многочисленные группы представителей среднего класса и некоторые представители народных масс. С начала 1913 г. лидером революции становится средний класс и одновременно растет участие в ней народных масс. Рожденное в 1920 г. новое государство оказалось не демократическим и имело националистический характер; оно было авторитарное, но широко легитимное, стабильное, поскольку опиралось на широкую народную поддержку, на руководство умелой и гибкой военно-политической группы и на признание, в ряде случаев вынужденное, со стороны США.

Президентство Обрегона, первое в постреволюционном государстве, узаконенное с воцарением мира и организацией новых выборов в период временного пребывания у власти Адольфо де ла Уэрты, сразу показало всю сложность природы этого государства. Обрегон происходил из военных каудильо, правя в соответствии со своим проектом. Основными его целями являлись: восстановление страны, для чего определяющим стало всеобщее примирение в соответствии с планом Агуа-Приета; централиза-

ция и концентрация власти, необходимость которых была обусловлена разъединяющим воздействием революции. Для строительства нового государства было необходимо избавиться от многочисленных сторонников Каррансы. Однако ввиду того, что группа Агуа-Приета интегрировала в свои ряды большую часть конституционалистов и основные движения антикаррансистов (бывших революционеров или антиреволюционеров) идеологическое единство не было характерной чертой постреволюционного мексиканского государства.

Аграрные мероприятия правительства Обрегона были направлены на удовлетворение некоторых требований революционных групп, однако упор был сделан на развитие мелкой и средней собственности. Это было обусловлено происхождением большинства революционных лидеров, выходцев из средних слоев деревни. В рабочей среде, с одной стороны, были созданы радикальные институты, такие, как, например, Всеобщая конфедерация трудящихся, а с другой – правительство поддерживало взаимовыгодный союз с Региональной рабочей конфедерацией Мексики. Правительство Обрегона издало декрет о возвращении банков, конфискованных в период революционной борьбы, и разрешило вернуться находящимся в изгнании порфиристам и уэристам. Достигнутый мир позволил начать восстановление сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности и железнодорожной системы. Начавшийся экономический подъем в США увеличил спрос на мексиканскую нефть.

Двумя самыми большими проблемами правительства Обрегона стали сложные отношения с США и военное восстание. Американское правительство отказалось официально признать правительство Обрегона, ссылаясь на то, что оно появилось в результате военного переворота. Это был не столько моральный приговор, сколько попытка оказать давление на мексиканское правительство и заставить его изменить некоторые статьи конституции 1917 г., затрагивающие интересы американцев. Правительство Мексики не пошло на это, но согласилось с тем, что новые законы не будут иметь обратной силы. К концу своего президентского срока Обрегон шел на все большие уступки инвесторам и правительству США по так называемым «Договорам Бука-

рели», что объяснялось его стремлением получить поддержку США в связи с угрозой мятежа перед выборами. Можно сказать, что господствующая в эти годы идеология национализма относилась скорее к культуре, чем к политике и экономике. Это было связано с необходимостью определить и укрепить новую культурную идентичность, необходимую стране, молодой, но имеющей большую историю; националистической, но без ксенофобии; революционной, но установившей порядок и встающей на путь преобразований; соблюдающей законы и сплывающей.

Трансформация страны в период революционного процесса закончилась. Изменения, которые произошли в области культуры, известны. В конце Порфириата появилось поколение общества Атенео, которое выступало с критикой господствовавшего позитивизма и недостаточного развития гуманитарных наук и искусства. В этом поколении выделялась молодежь – Антонио Касо, Педро Энрикес Уренья, Хосе Васконселос, Альфонсо Рейес и Хулио Торри. Спустя несколько лет в разгар военного десятилетия пришло новое поколение, поколение «1915 года», представленное элитной группой «семь мудрецов». Они были жертвами и свидетелями разрушения страны, поэтому вместо того чтобы заниматься развитием искусства и гуманитарных наук, они стали создавать институты – экономические, политические и культурные – необходимые для восстановления страны. Здесь надо упомянуть Мануэля Гомеса Морина, Висенте Ломбрадо Толедано и Альфонсо Касо, а также Нарсисо Бассольса и Даниэля Вильегаса.

Приход к власти в 1920 г. нового среднего класса позволило Хосе Васконселосу стать первым министром образования. Для него революция в большей степени должна была быть моральной, а уж потом аграрной, рабочей или националистической. Поэтому и образование для него означало не простое обучение, оно включало также культурный аспект и внеучебные практики. Он способствовал изданию книг и организации библиотек, тому, чтобы муралисты – Хосе Клементе Ороско, Диего Ривера, Давид Альфаро Сикейрос – в целях дидактики рисовали на стенах столетних зданий сюжеты на революционные темы, сочетая историю, настоящее и будущее. Эпические и драматические события тех лет положили начало новому литературному течению «роман

революции», которое было представлено Мариано Асуэлой, Мартином Луисом Гусманом, Рафаэлем Ф. Муньосом, Франсиско Л. Уркисо и самим Хосе Васконселосом, героями которого становились как безымянные солдаты, так и главные участники событий – Мадеро, Карранса, Вилья и Обрегон.

К концу своего пребывания на посту президента Обрегон решил поддержать в качестве своего преемника Плутарка Элиаса Кальеса, лидера восстания в Агуа-Приета, министра обороны в правительстве Уэрты и министра внутренних дел в своем. Помимо того что он был опытным политиком с многочисленными связями и сильной поддержкой со стороны организованных народных масс, как военный, он опирался на армейские круги. На этот пост было много претендентов, особенно среди военных. Это не могло не привести к восстанию, во главе которого стояло несколько человек, но основным претендентом был бывший президент, затем министр финансов Адольфо де ла Уэрта. Возможный исход определялся рядом факторов. Во-первых, в середине 1923 г. был убит Панчо Вилья, который, скорее всего, выступил бы на стороне Уэрты, оставляя мятежников без популярного военного каудильо. Во-вторых, между мексиканским и американским правительствами существовала договоренность о взаимном признании и выполнении Договоров Букарели. С другой стороны, если Уэрта располагал поддержкой лишь части армии и «политического класса» в лице Национальной кооперативной партии, то Обрегон и Кальес опирались на США, на подавляющее большинство политических и военных кругов, а также на многочисленные крестьянские и рабочие организации. Этот конфликт преподал ряд уроков. Первый состоял в том, что восстания в Агуа-Приета и сторонников Уэрты, связанные с выборами, ясно показали, что бывшие революционеры должны регламентировать разделение постов, получаемых в ходе избирательного процесса. Второй выявил необходимость деполитизации национальной армии и создания национального гражданского института, который стал бы основным политическим институтом страны. Третий продемонстрировал необходимость поддержания хороших отношений с США.

Плутарко Элиас Кальес, будучи соратником и последователем Обрегона, тем не менее был в меньшей степени милитарист и в большей политик. Поэтому его правление с конца 1924-го по конец 1928 г. было связано с процессом институционализации, цивилистской деятельностью и отмечено столкновением с католической церковью. Особенностью его правления стало двоевластие, воцарившееся в результате того, что Обрегон сохранил свое влияние в обществе. Кальес поставил перед собой задачу обеспечить порядок и придать рациональность всему процессу послереволюционных преобразований. Для этого им были разработаны нормы и правила, а значит, введены определенные ограничения, которые проводились в жизнь через национальные комиссии – Аграрную, Банковскую, комиссию Дорог и Ирригации. Кальес также стремился возродить экономику и внести в нее порядок путем создания банковских институтов, например, банка Мексики и сельскохозяйственного аграрного банка, а также обеспечить правительство финансовыми средствами, более эффективно используя нефтяные доходы и совершенствуя налоговую систему. В аграрной сфере Кальес был сторонником эффективной средней собственности и больше чем в распределение земель верил в ирригацию, финансирование и использование новых технологий как инструментов решения проблем крестьянства. Что касается рабочих, то он предложил взаимную помощь крупным профцентрам трудящихся, в частности Региональной рабочей конфедерации Мексики. Восстания в Агуа-Приета и уэртистов привели Кальеса к необходимости сокращения, деполитизации и реорганизации революционной армии. Эту работу проводил один из его основных сторонников Хоакин Амаро.

Правительство Кальеса в своем стремлении расширить и консолидировать государство невольно вступало в крупные конфликты с другим институтом, имеющим общенациональное значение, – католической церковью. Конфликт был очень серьезным, так как касался соперничества между ними в сфере культуры, образования, общества, политики и контроля над населением. Столкновения приняли вооруженный характер и вылились в так называемую «войну кристерос». Этот конфликт, длившийся почти три года (с конца 1926-го до середины 1929 г.), привел к упад-

ку в сельском хозяйстве нескольких центрально-западных штатов: Халиско, Колины, Мичоакана, Гуанахуато, Керетаро, Агуаскальентеса и Сакатекаса. Кристерос не только защищали свою веру. Как правило, они были выходцами из районов с большим количеством помещиков, которые видели в аграрной реформе больше угрозу, чем перспективу. К тому же они чувствовали порабощающее их присутствие северян почти на всех правительственных постах. Была заметна их военная слабость: они не смогли сформировать армию с единым центром управления и координацией всех ее частей. Скорее можно было говорить о местных силах обороны, возглавляемых соседями с небольшим или вообще нулевым военным опытом. Были у них и экономические трудности, сказывавшиеся на плохом вооружении. Они не смогли заключить союз со своими городскими сторонниками – Национальной лигой защиты религиозной свободы. И, наконец, они были атакованы правительственной армией и организованными силами рабочих и селян. Несмотря на то что у них не было достаточного количества сил для разгрома правительства, все же было очевидно, что кристерос победить не так просто. Конфликт привел к внутренней нестабильности в регионе. Правительство вынуждено было начать переговоры с церковными иерархами, которые пошли на соглашение и отказались от прямого участия в политике, в обмен на то, что со своей стороны правительство откажется водить в действие наиболее якобинские статьи конституции 1917 г.

Это соглашение явилось одним из факторов, оказавших наибольшее влияние на постреволюционное умиротворение. Срочно пойти на мирные соглашения с кристерос нужно было и по конъюнктурным соображениям: в 1929 г. должны были пройти особенные президентские выборы. Каудильо Обрегон сумел добиться изменения конституции с тем, чтобы она разрешила повторное избрание на президентский пост после перерыва. Основываясь на принципе переизбрания, два высших военных чина, близких к самому Обрегону, начали оппозиционную кампанию, но вскоре были убиты. Общество, болезненно переживавшее эту ситуацию, лихорадило. Позднее, уже будучи избранным на президентский пост, Обрегон тоже был убит одним воинствующим

католиком. Потеряв каудильо, постреволюционная политическая система лишилась своего великого кандидата, своего единственного арбитра. Дилемма состояла в том, чтобы ждать прихода нового каудильо или создавать специальный институт со своими функциями. Политический кризис, вызванный убийством столь популярного человека, был крайне тяжелым. Чтобы выйти из него, было недостаточно выдвинуть другого кандидата и организовать новые выборы. Предвыборные восстания 1920 и 1924 годов и убийства трех кандидатов в 1928 г. говорили о том, что надо сделать выборы цивилизованными и создать институт, который смог бы объединить, организовать и дисциплинировать всех экс-революционеров, регламентируя процесс отбора кандидатов на выборные посты. Такой политический институт – Национальная революционная партия – был создан в марте 1929 г. С созданием этой партии, с окончанием войны кристерос и институционализацией армии закончился «суровый» период мексиканской революции и начался новый этап истории страны, пока не свободный от перемен и проблем, но характеризующийся социальным согласием и политической стабильностью (хотя и без подлинной демократии) и несколькими десятилетиями экономического роста.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД, 1929–2000

Луис Абойтес Агилар

НА ПРОТЯЖЕНИИ РАССМАТРИВАЕМОГО В ЭТОЙ ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЕ ПЕРИОДА длиной в семьдесят один год мексиканское общество подверглось глобальным преобразованиям, таким же глубоким и радикальным, как те, которые последовали за прибытием в 1519 г. испанцев. Без сомнения, самым значительным из них стал переход от сельского общества к городскому, происходивший на фоне необычайного роста населения. Периоды экономического процветания способствовали тому, что удельный вес промышленности и сферы услуг в экономике вырос, превывсив долю сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности. Немаловажное значение имели изменения в политической жизни страны. Властям удалось добиться политического урегулирования, которое сделало возможным длительную стабилизацию. Авторитарный режим, центральной фигурой которого являлся президент республики и официальная партия, прибегал к переговорам, одновременно и к репрессиям, чтобы сохранить свое господство. К концу века, однако, можно наблюдать экономический спад и ослабление авторитарного режима. Но общество, в котором наибольшими темпами росло городское население, и политическая стабильность сохранялись.

События, произошедшие на мировой арене за эти семьдесят лет, коснулись мексиканского общества в гораздо большей степени, чем за все предыдущие столетия. В наибольшей степени на страну оказали влияние экономический кризис 1929 г., вторая мировая война и реформы 80-х годов, приведшие к демонтажу общества благосостояния. Мексиканцы в разной степени страдали, извлекали выгоду, адаптировались, терпели или использовали эти события, но мало что могли сделать, чтобы повлиять на их ход.

Мировой кризис и политическая реорганизация

Осенний кризис 1929 г. на фондовой бирже Нью-Йорка верг большую часть мира в экономическую депрессию, из которой удалось выйти спустя годы. Цены на товары, а вместе с ними и мировая торговля буквально рухнули. Закрытие предприятий привело к безработице среди миллионов рабочих и служащих в различных странах. В Мексике кризис привел к сокращению экспорта и импорта, что сказалось на доходах федерального правительства, в значительной степени формировавшихся за счет внешней торговли. Безработица в наибольшей степени затронула отрасли, связанные с мировым рынком, например, горнодобывающую промышленность севера. Кроме того, 1929 год оказался очень засушливым, поэтому большая часть мексиканского населения, продолжавшая жить в деревне и заниматься сельским хозяйством, оказалось в трудной ситуации.

Перед лицом содрогающегося в конвульсиях мира правительства Мексики и других стран оказались вынужденными искать выход внутри своих стран. Если мексиканские товары больше не могли найти спроса за границей, единственной альтернативой стал поиск внутренних рынков сбыта. Наконец, перестали думать, что присутствие иностранного капитала и возвращение репатриантов, мексиканцев, эмигрировавших в свое время в США, смогут решить проблему нехватки населения, которая рассматривалась как очень серьезная. Иметь население всего в 15 млн человек означало быть слабым и неспособным идти по пути прогресса. Именно с этого момента государство начинает предпринимать меры, направленные на защиту национальной продукции от внешней конкуренции через введение таможенных пошлин и налога на импорт, чтобы улучшить таким образом условия жизни людей, особенно в городах.

Переориентация, к которой подтолкнул кризис 1929 г., помогла понять, каков должен быть курс на развитие общества в этот период XX в., или по крайней мере до 70-х годов. В краткосрочной перспективе воздействие мирового кризиса

ускорило внутренние процессы, ослабив позиции одних отраслей и укрепив другие. Об этом мы и поговорим дальше.

К 1929 г. в стране сложилась сложная политическая ситуация. Убийство в июле 1928 г. президента Альваро Обрегона усилило трения между различными политическими и военными группировками. Наибольшей степени ожесточения достиг вооруженный конфликт с кристерос, усилились разногласия между правительством и католической церковью. Необходимо было искать новые пути к политической стабильности. Важным шагом в этом направлении стали договоренности между правительством и церковными иерархами, которые положили конец, по крайней мере формально, войне кристерос, начатой в 1926 г. Перед угрозой обострения разногласий, вызванных смертью Обрегона, политические группировки договорились установить более или менее четкие правила, определяющие методы разрешения существующих разногласий и обеспечения мирным путем сменяемости на государственных постах, в частности на посту президента республики. В начале марта 1929 г., когда ряд военных – сторонников Обрегона – подняли вооруженное восстание против федерального правительства, в городе Керетаро была создана Национальная революционная партия (НРП). Она явилась коалицией партий и региональных групп, которые считали себя победителями в Революции 1910 г. Ее первым опытом стали президентские выборы в конце 1929 г., когда официальный кандидат Паскуаль Ортис Рубио оттеснил выходца из Оахаки Хосе Васконселоса, бывшего в 1921–1924 гг. министром образования и на выборах возглавившего оппозицию, у которой в ряде городов имелись сторонники.

Хотя возникновение НРП тесно связано с убийством Обрегона, оно также должно рассматриваться как еще один шаг на пути формирования сильного государства. Страна должна иметь политический центр, способный контролировать различные социальные группы, разбросанные по всей стране. Этим центром могло стать федеральное правительство, возглавляемое президентом республики. На протяжении всего XIX в. правящая элита не сумела достигнуть этой политической цели. Если в период Порфирио Диаса федеральное правительство

смогло укрепить свою силу, то в период Революции оно вновь ослабло и в значительной степени оказалось раздробленным. Как создать сильное политическое ядро, способное не допустить восстаний подобных восстанию в Агуа-Приета в 1920 г., уэртистскому мятежу 1923–1924 гг., эскобаристскому 1929 г. и воспрепятствовать усилению власти каудильо и касиков в различных регионах страны?

Создание НРП стало еще одним шагом вперед в процессе политической стабилизации страны. Но ее роль в этом процессе стала более заметной, когда партия оказалась под влиянием генерала Кальеса, который после ухода с поста президента в ноябре 1928 г. превратился в сильную фигуру на политической сцене страны, его даже стали называть «верховным вождем революции». В период 1929–1935 гг. Кальес обладал огромным влиянием, входил и выходил из президентских кабинетов и участвовал в руководстве правительством, благодаря преданности высших чиновников, своим связям с армией и своей роли как фактического лидера НРП. За этот период в стране сменилось четыре президента: Эмилио Портес Хиль (родом из Тамаулипаса), Паскуаль Ортис Рубио (из Мичоакана), Авелардо Л. Родригес (из Соноры) и Ласаро Карденас (из Мичоакана). Самым заметным явлением этих лет стали законодательные акты, направленные на замену кодексов, изданных в последние десятилетия XIX в., а также регламентирование положений конституции 1917 г. Уголовный и гражданский кодексы для Федерального округа, федеральный закон о труде, водный закон и аграрный кодекс – вот некоторые из них.

В 1935 г. карьера Кальеса быстро пошла на спад. По мере того как преодолевался самый тяжелый этап мирового кризиса, а правительство становилось экономически более сильным, из-за позиций кальистов (антиклерикализм и противодействие забастовкам и стачкам) росли разногласия среди различных политических групп и народных масс. В этих условиях новый президент генерал Карденас прекращает отношения с верховным вождем. А чуть позже, в апреле 1936 г., он заставляет его покинуть страну. Карденас стремился превратить исполнительную федеральную власть в ключевой инструмент на

политической сцене. В определенной степени можно сказать, что власть, которую смог сосредоточить в своих руках верховный вождь, перешла к президенту республики.

Для укрепления своей власти правительство Карденаса установило тесные связи с представителями широких слоев населения и радикальными группами, включая коммунистов, а также с политическими группами и элитой, которые дистанцировались от Кальеса. Не имея покровителей, он предпринял меры, которые быстро обозначили разницу между ним и предыдущими правительствами. Распределение земель пошло гораздо быстрее и затронуло высокопродуктивные земли Лагуны, в штате Дуранго и Коауилы, долину яки на юге Соноры, долину Мехикали в Нижней Калифорнии и район производства хенекена на Юкатане.

Начало аграрной реформе положил декрет от 6 января 1915 г., согласно которому предполагалось вернуть земли, отнятые у крестьян, или дать её безземельным. Согласно статье 27 конституции 1917 г., земля и недра принадлежали народу. Несколько более поздних законов регламентировали передачу земли крестьянам. Образование эхидо (коллективных хозяйств) с соответствующим предоставлением им земель явилось инициативой президента. Согласно его решению, крестьянская община какой-либо деревни получала землю, воду и леса, которые не могли ни продаваться, ни закладываться, но могли переходить по наследству. Эхидос имели свое собственное управление, что дробило, а в ряде случаев и ослабляло муниципальные власти. Реформа стала более радикальной в 1934 г. Новый аграрный кодекс отменил запрет на выделение земли пеонам, который содержался в прежних законодательных актах.

В первые годы правления Карденаса увеличилась площадь земель, выделяемых эхидо, при этом в них были включены орошаемые земли, что повысило их качество. Вырос объем сельскохозяйственных кредитов, предоставляемых государственными банками – Национальным банком сельскохозяйственного кредита и Национальным банком эхидального кредита. В некоторых местах кредит способствовал укреплению коллективистских начал в этом типе крестьянских

хозяйств. Правительство Карденаса положило начало социалистическому воспитанию, основы которого были заложены в ходе конституциональной реформы 1934 г. Цель этого нововведения заключалась не только в том, чтобы вытеснить любую религиозную доктрину, но бороться с фанатизмом и воспитывать молодежь на основе точных знаний о природе и общественной жизни. Предполагалось, что учителя и ученики будут связаны с производством и общественными организациями. Огромное количество преподавателей стали проводить в жизнь карденистский проект, что не могло не вызвать ответной реакции со стороны католиков и местных вождей. В этот период в мире особое значение стала приобретать проблема радикализма. Поддерживая борьбу против фашизма в Европе, мексиканские интеллектуалы и артисты стали создавать организации, публиковать романы с националистическим и индихенистским содержанием. Представители различных течений культуры, например, Диего Ривера и Давид Альфаро Сикейрос (художники-муралисты), Маури시오 Магдалено (писатель) и Сильвестре Ревуэльтас (музыкант) принимали активное участие в этих движениях. Мексиканская революция стремилась приравнять или идентифицировать себя с пролетарской борьбой. Однако единодушия по поводу такой оценки не было. Некоторые члены группы, известной под названием «Контемпоранеос» («Современники»), например, Хорхе Куэста, Сальвадор Нова и Хавьер Вильяуррутиа, высказывали скептицизм и опасения в отношении радикально настроенных сторонников революционной борьбы, поэтому они нередко обвинялись в элитарности и европоцентризме. Католические преподаватели и студенты (например, Мануэль Гомес Морин), руководившие Национальным университетом, старались держаться подальше от социалистических идей, ставя на первое место автономию и свободу преподавателей.

На международной арене правительство Карденаса поддержало борьбу испанской республики против консервативных сил, возглавляемых Франсиско Франко, который в свою очередь мог рассчитывать на помощь Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини. Во время гражданской войны в Испании и

после нее в Мексике нашли приют тысячи беженцев, среди которых были сироты, известные позднее как «дети Морелии».

Социально-политическая мобилизация рабочих и крестьян привела к созданию в 1936 г. Конфедерации трудящихся Мексики (КТМ), в основе идеологии которой лежал принцип классовой борьбы. Руководителем ее стал Висенте Ломбардо Толедано, близкий союзник карденистского правительства. Через два года была создана Национальная крестьянская конфедерация (НKK) во главе с профессором Грасиано Санчесом. В этих организациях Карденас пытался найти поддержку и опору в условиях давления со стороны предпринимателей, как национальных (например, из Монтеррея), так и иностранных (в первую очередь американских). В 1938 г. была распущена НРП и создана новая партия – Партия мексиканской революции (ПМР). Основное отличие новой партии от НРП заключалось в том, что в нее входили не региональные группы и партии, а крестьяне, рабочие и военные. Президент республики снова становился лидером партийной организации, которая выступала как посредник между различными политическими группировками. В связи с этим разногласия разного рода, в том числе связанные с соперничеством за власть, выявлялись и устранялись скорее на уровне официальной партии, чем на выборах.

Озабоченность вызывало также положение в экономике. В 1937 г. произошла реорганизация созданной в 1933 г. Федеральной комиссии по электроэнергетике (ФКЭ). Целью этой реорганизации являлось удовлетворение растущего спроса на электроэнергию, который не могли обеспечить иностранные компании, действовавшие в отрасли, в силу отсутствия у них заинтересованности в этом. В 1937 г. правительство начало строительство трех крупных плотин – *Ла Ангостура* в Соноре, *Пальмито* в Дуранго и *Эль Асукар или Марте Р. Гомес* в Тамаулипасе – для того, чтобы расширить площадь орошаемых земель на севере страны. С целью более широкой подготовки технических кадров, необходимых для индустриализации и государственного строительства в 1937 г. был создан Национальный политехнический институт (НПИ). Его создание было обусловлено тем, что Национальный университет, который

отвоевал себе автономию в 1929 г., выступал против политики правительства и не готов был решать эту проблему. Правительство также способствовало созданию городской инфраструктуры (системы питьевой воды, канализации, рынков), призванной улучшить условия жизни населения городов.

В конце 1937 г. – начале 1938 г. правительство Карденаса оказалось в сложной ситуации, связанной с открытым вызовом нефтяных компаний, которые отказались выполнять решение Высшего суда юстиции, вынесенное в пользу трудящихся. В ответ на такое неуважение законов страны правительство 18 марта 1938 г. экспроприировало нефтяную промышленность. Церковь, предприниматели, рабочие, крестьяне и интеллигенция поддержали смелое решение президента Карденаса. Именно в это время как никогда раньше национальная идея приобретает огромное значение. Несмотря на попытки иностранных компаний саботировать решение правительства, благодаря мексиканским рабочим и специалистам нефтяная промышленность полностью перешла под контроль мексиканского государства. Этому способствовало также то, что нефтяные компании оказались практически лишены поддержки американского правительства, больше озабоченного надвигающейся мировой войной. Через несколько месяцев была создана компания Петролеос Мехиканос (Пемекс), которая на первых этапах существования в той или иной степени субсидировалась правительством.

Довольно радикальная политика Карденаса расколола страну. В 1939 г. под руководством адвоката Мануэля Гомеса Морина была создана Партия национального действия (ПНД), целью которой стало противостояние, как они считали, социалистическим и коллективистским эксцессам карденизма и реализация модели общества, равно далекой как от идеалов социализма, так и либерализма. Католические и консервативные круги с опасением воспринимали социалистическое образование. Немало землевладельцев, которых коснулась аграрная реформа, пополнили ряды несогласных. Но и представители некоторых общественных организаций, например, синархисты, присутствие которых было особенно заметно в сельских районах центра страны (Эль Бахио), также выражали несогласие. К этой

внутренней оппозиции надо отнести иностранных предпринимателей, интересы которых были ущемлены в ходе национализации нефтяной промышленности. Страна переживала критические моменты своей истории. Широкая и достаточно разнородная оппозиция сплотилась вокруг генерала Хуана Эндрю Альмасана, который принял участие в президентских выборах 1940 г.

В этой ситуации президент Карденас и официальная партия поддержали кандидатуру Мануэля Авила Камачо (из Пуэблы) на пост президента. Это был генерал, не имевший особых военных заслуг и не разделявший радикализма Карденаса. Но в условиях достаточно спорной предвыборной кампании и учитывая популярность оппозиционного кандидата Альмасана, Авила Камачо был утвержден. Несмотря на использование силовых методов и обвинение в подтасовке выборов, Карденас сумел передать пост кандидату, выдвинутому официальной партией, т.е. по сути им самим. Так возник один из основных элементов политической жизни страны в XX в., связанный с выборами главы государства: президент через официальную партию назначает своего преемника. Авила Камачо находился на посту президента с декабря 1940-го по ноябрь 1946 г.

Стабильность и экономический рост, 1940–1958

Новый президент тут же поспешил дистанцироваться от своего предшественника, призвав к примирению и национальному единству. Авила Камачо оправдывал свои действия трудной международной обстановкой. В сентябре 1939 г. вторжение немецких войск в Польшу положило начало Второй мировой войне. Мексика объявила о своем нейтралитете, который оказалось трудно сохранить, так как Соединенные Штаты после нападения японцев на Пирл-Харбор в декабре 1941 г. объявили войну Германии, Италии и Японии. В мае 1942 г. после нападения немецких подводных лодок на мексиканские танкеры Мексика вступила в войну на стороне союзников (Великобритании, Соединенных Штатов, Франции и Советского

Союза). В этом же году была введена обязательная военная служба.

В отличие от стран, которых война коснулась самым непосредственным образом, это в первую очередь относится к Советскому Союзу, для Мексики последствия войны оказались достаточно благоприятными. С одной стороны, экономика получила мощный стимул к развитию, основанному на потоках капиталов из-за рубежа и возможности создать новые виды производств. Индустриализация, начатая в 30-е годы XX в., опиралась на высокий внутренний и внешний спрос. Война в Европе привела к сокращению закупок товаров на мировых рынках, в связи с чем правительство совместно с предпринимателями стало налаживать производство необходимой продукции внутри страны. Это направление индустриализации, известное как импортозамещение, позднее сопровождалось введением таможенных пошлин и налогов на импорт, защищающих национальных производителей от международной конкуренции.

Мировая война заставила американское правительство пойти на улучшение отношений со своими латиноамериканскими соседями. Между Мексикой и США был заключен ряд соглашений, касающихся выплат внешнего долга, торговли, нелегальных мексиканских мигрантов (брасерос), использования приграничных рек, технической помощи и, конечно же, нефтяной промышленности в связи с экспроприацией отрасли в 1938 г. Например, Мексика сумела подписать с США соглашение, по которому ее задолженность данной стране была сокращена на 90%. Успехи в экономике сопровождались проведением достаточно взвешенной политики как внутри страны (например, было отменено социалистическое образование), так и за ее пределами (сближение с США). Это был своего рода способ смягчения противоречий, возникших в последние годы правления Карденаса.

В 1943 г. был создан Мексиканский институт социального обеспечения (IMSS), имевший большое значение в социальной и экономической жизни страны. Его создание отражало стремление правительства улучшить трудовые отношения и разделить

затраты на социальное страхование между рабочими и правительством, с одной стороны, и хозяевами – с другой.

Создание IMSS вместе с Пемексом, ФКЭ, сельскохозяйственными банками и другими государственными институтами, такими, как, например, Националь Финансьера, свидетельствовали о необходимости государственных расходов для развития экономики. Кстати, по этому вопросу споров не было. Несмотря на разногласия между Авила Камачо и Карденасом и между последним и «верховным вождем», все стояли за то, что государственные средства должны играть основную роль в экономическом развитии. При этом такая позиция была характерна не только для Мексики. В период великой депрессии 30-х годов во многих странах был взят курс на усиление роли государства в экономике, что отвечало положениям теории английского экономиста Джона Кейнса, положившей начало возникновению государства благосостояния. В отличие от стран, участвовавших в войне, в Мексике военные расходы в значительной степени снизились. За счет этого постоянно росли инвестиции в строительство дорог, плотин, больниц, школ, в развитие электроэнергетики и общественных услуг.

В связи с этим особое внимание уделялось юго-востоку страны в силу того, что данный район особо богат природными ресурсами, но сильно отставал в социальном развитии. Правительство стремилось начать эксплуатацию этих природных богатств, не только с целью развития местной экономики, но и всей страны в целом. Через комиссии Папалоапана и Грихальва, созданных соответственно в 1947 и 1951 гг., федеральное правительство начало осуществлять крупные инвестиции в строительство гидроэлектростанций, в дорожные и дренажные работы, в вырубку лесов с последующим использованием освободившихся земель для нужд сельского хозяйства, в строительство дорог, школ и больниц. Руководство страны надеялось, что развитие юго-востока поможет смягчить проблему перенаселения в некоторых центральных и даже северных (Лагуна) районах страны. Даже приступили к реализации

нескольких проектов заселения земель, хотя и без особого результата.

Вторая мировая война явилась поворотным событием в истории XX в. Ее результатом стало превращение США в великую мировую державу, которая, однако, была вынуждена противостоять другой великой державе – Советскому Союзу. В изменениях, произошедших в экономике Мексики после Второй мировой войны, можно увидеть результаты политики правительства, которые были направлены на преимущественное развитие промышленности и городов. Идея аграрной страны ушла в прошлое. Именно в этот период были заложены основы последующего длительного периода экономического роста, который, несмотря на девальвацию песо в 1948 и 1954 гг., продолжался вплоть до конца 60-х годов. В эти годы процветания шло окончательное формирование политической системы страны, основанной на мощном центральном (или федеральном) правительстве. Рассмотрим упомянутые три аспекта более подробно.

Индустриализация страны стала приоритетной задачей правительства. Считалось, что модернизация Мексики зависит от роста числа фабрик, специалистов и рабочих и что новые технологии позволят увеличить производительность труда, а это в свою очередь обеспечит более высокие прибыли предпринимателям, более высокую зарплату рабочим и большие налоги в бюджет государства. Внутренний рынок по-прежнему, как и в 30-е годы, рассматривался как основа развития экономики.

Правительство оказывало поддержку предпринимателям не только через соответствующую промышленную политику, но и контролируя уровень недовольства рабочих, используя для этого профсоюзы и их лидеров, связанных с правительством (такие лидеры получили название «чаррос»). Гася недовольство рабочих и договариваясь с правительством, профсоюзные лидеры получали привилегии и государственные или выборные посты от имени официальной партии. Отставка Лобардо Толедано с поста главы КТМ в 1941 г. положила начало подчинению рабочих организаций государству. Идеология классовой борьбы была

заменена идеей национального единства. Новый лидер Фидель Веласкес продержался на посту главы КТМ до самой своей смерти в 1997 г. Он лучше всех справлялся с ролью посредника между правительством и рабочими. Еще одним способом снизить социальную напряженность и создать, таким образом, благоприятные условия для индустриализации стало регулирование цен на продукты питания в городах, которое осуществлялось через такие институты, как Комитет по регулированию рынка средств существования (1938), Экспортно-импортная компания Мексики (1949), а позднее в 1961 г. – Национальная компания средств существования народа (КОНАСУПО).

С индустриализацией был тесно связан процесс урбанизации. Правительство и влиятельные слои общества были убеждены в том, что будущее нации определяется не деревней, а городами, в которых развиваются новые отрасли промышленности. Кроме того, в силу большой концентрации на ограниченной территории население легче обеспечить современными общественными услугами – освещением, питьевой водой, канализацией, транспортом, образованием и здравоохранением. Индустриализация меняла экономическую географию страны. Наибольшие выгоды от этого процесса получили три городские зоны – столичная зона города Мехико, Монтеррей и Гвадалахара, на долю которых в 1965 г. приходилось 69% промышленного производства Мексики. Заметным стал подъем Севера и спад в некоторых некогда богатых районах, например в штатах Идальго, Пуэбла и Юкатан.

Развитие сельского хозяйства было подчинено целям индустриализации. Несмотря на то что значительная часть государственных средств особенно в 40-е годы направлялась в эту отрасль экономики, основной целью роста производительности труда и увеличения сельскохозяйственного производства являлось обеспечение быстрорастущего городского населения. На расположенных преимущественно на севере страны орошаемых землях выращивались культуры экспортного направления (например, хлопок) для получения валюты, которая шла на закупку оборудования и промышленного сырья. Несмотря

на засуху 1949–1958 гг., которая затронула северные и западные районы страны, сельское хозяйство продолжало развиваться высокими темпами, что позволило стране к 60-м годам почти достичь самообеспечения продуктами питания.

За годы экономического подъема и увеличения государственных расходов население росло высокими темпами, особенно это касается периода 1930–1970 гг. За эти 40 лет население выросло в три раза, что резко отличается от ситуации XIX в.: за период, прошедший от завоевания независимости до революции, население страны увеличилось всего вдвое. В XX в. темпы роста населения продолжали увеличиваться: если в 30-е годы они составляли 1,72%, то в 60-е – уже 3,28%. Если при первых темпах роста для удвоения населения понадобилось 40 лет, то при вторых – 22 года. Рост населения был обусловлен значительным снижением детской смертности, которое в свою очередь было напрямую связано с контролем за инфекционными и паразитическими болезнями. Улучшение системы здравоохранения, обеспечения питьевой водой и проведение канализационных работ, кампании по вакцинации и появление пенициллина – все это факторы, так или иначе оказавшие влияние на рост населения. Можно сказать, что быстрый рост населения в XX в. стал вторым наиболее важным демографическим событием в истории Мексики. Первым было катастрофическое сокращение численности коренного населения в первые десятилетия колониального периода.

После 1940 г. в стране начался процесс интенсивной миграции населения, особенно из сельской местности в города, которые предлагали более высокую заработную плату и набор общественных услуг. Рост городского населения в этот период отражал процесс социальных изменений, происходивших не только в Мексике, но и в других странах мира. Человечество покидало сельскую среду. В период 1930–1970 гг. темпы роста городского населения намного превышали темпы роста населения страны в целом. Согласно переписи 1960 г., большая часть мексиканцев проживала в городах, к которым относились населенные пункты с населением свыше 2500 человек.

Самый красноречивый пример процесса урбанизации в Мексике представляет собой город Мехико. Его население, в 1930 г. составлявшее приблизительно 1 млн человек, в последующее десятилетие возросло почти в 6 раз. Питьевая вода, доставляемая в город из *Альто Лерма*, системы сообщения, например, виадук *Мигель Алеман* и кольцевая дорога Периферико, строительство метро и дренажные работы, начатые в 60-х годах, сделали возможным подобный рост. Строительство в самых разных отраслях привлекло внимание предпринимателей. Открытие Латиноамериканской башни в 1950 г. в центре Мехико, возможно, является самым блестящим символом модернизации, центральным звеном которой стал процесс урбанизации.

В рамках мирового процесса послевоенного экономического развития, или так называемого «золотого века капитализма», мексиканская экономика переживала период устойчивого роста. В 1940–1970 гг. ежегодные темпы роста ВВП превышали 6%, и это было настоящее «экономическое чудо». Результатом этих трех десятилетий стал возросший удельный вес промышленности и сферы услуг (торговля, банковское дело) при постоянно снижающемся значении сельского хозяйства.

Необходимо отметить, что экономический рост в значительной степени базировался на внутренних ресурсах, т.е. происходил без привлечения внешних источников (в 1959 г. государственный внешний долг едва достигал 649 млн долл.). Несмотря на нехватку средств, государство вкладывало средства в инфраструктуру, энергетику и связь, давая импульс развитию экономики. Рост частных капиталовложений в этот период был обусловлен политикой защиты экономики от внешней конкуренции.

С начала 1958 г. и вплоть до 1970 г. экономика росла высокими темпами при стабильных ценах и низкой инфляции («стабилизирующее развитие»), что в свою очередь положительно сказывалось на динамике реальной заработной платы. Однако зарплата росла лишь у небольшой части занятых, проживающих преимущественно в крупных городах и работающих в основных отраслях промышленности. Именно они

в наибольшей степени могли пользоваться услугами системы социального страхования и государственного образования. Несмотря на небольшую численность этой группы, все же можно говорить о таком явлении, как социальная мобильность, которая стала основой политической стабильности тех лет. Благодаря бесплатному государственному образованию дети рабочих могли окончить университет и стать специалистами, а также купить собственный дом, иметь социальную страховку и пенсионные средства. То же можно сказать о федеральных служащих, для которых в 1925 г. было создано Пенсионное управление, в 1959 г. преобразованное в Институт страхования и социального обеспечения работников государственного сектора (ISSSTE).

В 1946 г. Партия мексиканской революции была преобразована в Институционно-революционную партию (ИРП), которая в отличие от первой одобрила предпринятый президентом Авила Камачо в декабре 1940 г. шаг по ликвидации в своем составе военного сектора. Первые президентские выборы новой официальной партии состоялись в 1946 г., на них победил ее представитель Мигель Алеман (уроженец Веракруса), первый за многие годы гражданский человек, который к тому же не принимал участия в Революции 1910 г. Выпускник Национального автономного университета Мексики Алеман принадлежал к новому поколению политиков и руководителей. Эсекьель Падилья, кандидат от оппозиции, представлявший штат Герреро, не имел и сотой доли той поддержки, которую в 1940 г. получил другой оппозиционный кандидат Альмасан. Политическая власть оказалась в руках тех, кто считал себя наследниками победителей революции, так называемой «революционной семьей».

Алеман продолжил политику индустриализации и содействия развитию предпринимательства. Примером нового мексиканского предпринимательства стала строительная компания *Инженьерос Сивилес Асосядос* с Бернардо Кинтана во главе, созданная именно в эти годы. Еще одним выдающимся предпринимателем того времени, который сделал бизнес на новом техническом изобретении (телевидение), стал Эмилио Аскаррага. Состояние его росло по мере того, как телевидение

становилось массовым средством коммуникации, способным изменить жизнь семьи, навязать людям определенный образ жизни и мыслей, свое мнение по поводу проведения досуга и потребления. Городская жизнь, телевидение, возможность человека пользоваться самолетами, телефонная связь и все большая модернизация управления питали идеи интеллектуалов и творческой интеллигенции. В 1949 г. Октавио Пас опубликовал *Лабиринт одиночества*, в котором предпринял попытку понять, в чем состоит особенность мексиканцев. В 1953 и 1955 гг. Хуан Рульфо публикует два великих произведения *Равнина в огне* и *Педро Парамо*, описывающие провинциальный, сельский мир, который он противопоставляет городу. В 1958 г. Карлос Фуэнтес публикует поразивший всех роман *Край безоблачной ясности*, в котором очень тонко рассказывает о жизни Мехико. Радикализм в искусстве остался позади. Достаточно известными становятся художники, противостоящие мурализму, например, Руфино Тамайо. Знакомство с новыми стилями и формами, появившимися в США и Европе, а также в других странах Латинской Америки, ведет к разнообразию художественных произведений и их содержания. Кино с его городскими сюжетами и героями (артисты кабаре, бедняки, маски, университетская молодежь) наглядно отражало изменения, происходившие в стране или, по меньшей мере, в некоторых ее городах.

В политической сфере этот период характеризовался усилением централизации власти и управления. Перед выборами 1946 г. были приняты новые законы о выборах, которые впервые отдали в руки федерального правительства контроль над этим сложным гражданским процессом, организацией которого раньше занимались местные власти. В 1946 г. было создано Министерство гидроресурсов, которое сосредоточило в своих руках управление водными ресурсами. В 1948 г. был введен налог на доходы от торговли, целью которого стало установление единого федерального налога в этой отрасли по всей стране.

Приведенные выше примеры свидетельствуют об укреплении политической системы, в которой все большую роль играет федеральное правительство и президент республики. В результате две другие ветви власти, законодательная и судебная,

оказались сильно ослабленными. Здесь надо отметить, что Вторая мировая война сделала особенно заметным начатый ранее процесс концентрации государственных доходов в руках федеральных органов, и, как следствие, ослабление финансового положения штатов и муниципий. Несмотря на то что увеличение средств у государства в значительной степени было обусловлено улучшением сбора федеральных налогов (налог на ренту), имела значение и национализация отраслей, являвшихся в штатах и муниципиях основным источником налоговых поступлений, проводя которую федеральное правительство ссылалось на необходимость унификации и модернизации налоговой системы. Мы имеем в виду национализацию нефтяной промышленности в 1922 г., горнодобывающей промышленности в 1926 г., электроэнергетики в 1933 г. и др. В результате федеральное правительство концентрировало в своих руках все больше ресурсов и естественно все больше обязанностей по сравнению со штатами и муниципиями. Таким образом, шло постепенное перераспределение функций между федеральным центром, штатами и муниципиями. На уровне штатов наблюдался аналогичный процесс: муниципии лишались своих основных налоговых источников, что делало их в 1950 г. гораздо беднее, чем в 1910 г.

Несмотря на все вышесказанное, были признаки, позволяющие утверждать, что ни президент, ни правительство не чувствовали себя уверенно. Это относится, по крайней мере, к фискальной сфере и водному хозяйству – отраслям, в которых федеральная власть сталкивалась с определенными ограничениями и явным неуважением. Например, попытка федеральных властей ввести единый налог на доход от торговли наткнулась на противодействие со стороны самых богатых штатов (Веракрус, Нижняя Калифорния, Нуэво-Леон, Халиско, Мехико и др.). Преемник Мигеля Алемана, тоже выходец из штата Веракрус Адольфо Руис Кортинес (1952–1958) предпринял не одну попытку, чтобы побороть эту оппозицию, но безуспешно. Что касается водоснабжения, то здесь крупные предприниматели, в первую очередь сельскохозяйственные производители побережья Эрмосильо, постоянно отказывались выполнять

распоряжение федеральных властей об установке счетчиков на колодцах. Более того, в Монтеррее, например, промышленники создали собственную систему использования подземных вод, которую сами полностью и контролировали. Город мог страдать от жестокой нехватки воды, но их предприятия этого не ощущали. Возможно, эти случаи были редки и не могли повлиять на огромный авторитет президента. Но вполне вероятно, что они просто не выявлялись и не рассматривались. Иначе трудно предположить, почему один высокий сотрудник министерства финансов в 1972 г. говорил, что до этого года невозможно было созвать совещание со всеми казначеями штатов?

Социальные вызовы и реакция государства, 1958–1982

Этот период развития страны характеризовался экономическим ростом и политической стабильностью. В 1960 г. правительство Адольфо Лопеса Матеоса (1958–1964) организует празднование 50-летия Революции 1910 г. Правящий класс гордился своими достижениями в руководстве государством, в здравоохранении, образовании и развитии инфраструктуры, в укреплении гражданских прав (в 1953 г. право голоса было предоставлено женщинам). В области здравоохранения, наблюдалось резкое снижение детской смертности, с 27 до 12 детей на каждую тысячу. Число лиц, пользовавшихся услугами Мексиканского института социального обеспечения, достигло 4 млн и еще 500 тыс. входили в систему Мексиканского института страхования и социального обеспечения работников государственного сектора услуг для государственных работников. Уровень неграмотности сократился с 62% в 1930 г. до 45% в 1960 г. Площадь орошаемых земель благодаря инвестициям государства, достигла 1,4 млн га. С 1950 г. территорию страны от границы с Гватемалой в Чьяпасе до Сьюдад-Хуареса в Чиуауа можно было объехать, пользуясь сухопутным транспортом. Производство нефти с 1938 г. почти утроилось, а производство электроэнергии увеличилось в семь раз по сравнению с 1930 г. Чтобы создать единую национальную систему и увеличить производство электроэнергии, президент

Лопес Матеос, причислявший себя в рамках идеологии мексиканской революции к «ультралевым», в 1960 г. решает приобрести иностранные электроэнергетические компании. Одним словом, каждый руководитель страны верил в хорошие результаты своего правления. Разного рода заявления и меры (например, приобретение электроэнергетики и выдача бесплатных учебных пособий) вызывали беспокойство у предпринимателей. Они боялись, что экспансия государства приведет к сокращению сферы их деятельности и влияния.

С 1930 г. страна претерпела значительные изменения. Рост населения и его миграция в города сопровождались беспрецедентным увеличением численности городского среднего класса, в немалой степени благодаря росту числа служащих и чиновников частных компаний. Росту этого среднего класса способствовали экономические успехи, увеличение государственных расходов на здравоохранение, образование и инфраструктуру и в целом вся совокупность идей и ценностей, которые определяли развитие страны, увязывая его с расширением внутреннего рынка. Отражением этой социальной динамики явилось почти 15-кратное увеличение числа студентов в университетах – с 23 тыс. в 1930 г. до 335 тыс. в 1970 г. Открытие в 1952 г. Университетского городка, начало строительства в 1953 г. огромного Сьюдад-Сателите (Город-спутник), расположенного рядом с Федеральным округом, возникновение крупных супермаркетов представляли собой составные части единого процесса развития городов. Приведем еще некоторые данные, свидетельствующие не только об экономических, но и социальных и культурных изменениях, происходивших в Мексике. В период 1930–1970 гг. число автомобилей возросло в 19 раз (с 63 тыс. до 1200 тыс.), количество пользователей телефонами увеличилось почти в 10 раз (1940–1970 гг.) – с 88 тыс. до 859 тыс. человек. Появление домашней техники – стиральных машин, холодильников, радио, проигрывателей, телевизоров, швейных машин – привнесло новые стандарты жизни в мексиканские семьи. Новые модели потребления, новые представления, новые трудовые практики и формы досуга и развлечений, а также возникновение ожидания

социального успеха, ставшее возможным благодаря образованию, получению займов и дисциплине в семьях, занимающихся предпринимательской деятельностью, способствовали формированию менее провинциального и менее аграрного общества. На смену ему пришло более космополитичное и городское общество.

В атмосфере этой лихорадочной социальной трансформации встречались и недовольные слои населения. Это было связано с тем, что экономический рост благоприятствовал преимущественно городскому населению, в то время как деревня продолжала деградировать. Еще одной группой недовольных были бедные мигранты, кварталы проживания которых стали формироваться в городах. Социальное неравенство стало составной частью национальной жизни. Показатель распределения дохода, рассчитанный в 1950–1963 гг., вызвал большую тревогу: 10% наиболее богатой части населения сконцентрировали в своих руках почти половину национального богатства.

Недовольство рабочих и крестьян гасилось путем уступок и соглашений, а иногда и через применение насилия. В 1951 г., например, проигнорировали печальный «Караван голода», который состоял из тысяч горняков и членов их семей, прошедших 1400 км от Нуэва-Росита (штат Коауила) до столицы. Они протестовали против плохих условий труда на предприятии американской компании *Америкэн Сметтинг и Рефайнинг Ко*. В 1958 г. репрессиям были подвергнуты телеграфисты, нефтяники и учителя, несколько лидеров было арестовано. В Нижней Калифорнии, Чиуауа и Сан-Луис-Потоси прошли предвыборные политические манифестации, которые показали, что авторитарные методы управления официальной партии и в целом федерального правительства уже не действуют. В 1959 г. с помощью военной силы была подавлена крупная забастовка железнодорожников, а ряд ее руководителей, среди них Деметрио Вальехо, были отправлены в тюрьму по обвинению в социальном экстремизме, где провели несколько лет. Кроме того, в атмосфере «холодной войны», которая помимо США в эти годы царила и в Мексике, характеризуя отношение к Советскому Союзу,

железнодорожники были обвинены в коммунизме. В 1962 г. военные расстреляли крестьянского лидера Рубена Харамильо вместе с семьей.

Всеобщее недовольство усиливалось на фоне событий кубинской революции. Партизаны под руководством Фиделя Кастро пришли к власти в январе 1959 г., сбросив диктатора Фульхенсио Батисту. Напряженные отношения с американским правительством ухудшились после того, как в 1961 г. Кастро объявил себя сторонником марксизма-ленинизма. Революционные события на Кубе питали идеалы несогласных и радикалов в Мексике и в целом в Латинской Америке. В 1961 г. в Мексике было создано Движение национального освобождения, во главе которого встал бывший президент Карденас, пытавшийся объединить разные слои общества, недовольные политикой правительства. С другой стороны, католическая церковь под лозунгом «Христианство – да, коммунизм – нет» организовала общественные манифестации, которые еще больше накалили политическую атмосферу. В такой ситуации самые богатые предприниматели страны (около 30 человек) создали Мексиканский совет деловых людей – организацию, которая быстро приобрела огромное экономическое и политическое значение. Помимо этого совета в Мексике продолжали существовать и другие предпринимательские организации, например, Конфедерация национальных торговых палат (CONCANACO), Конфедерация промышленных палат (CONCAMIN), Национальная палата обрабатывающей промышленности (CONACINTRA), Предпринимательская конфедерация Мексиканской республики (COPARMEX) и Ассоциации банкиров Мексики.

В 1962–1964 гг. правительство США начало кампанию против проявления симпатий в отношении кубинской революции, оказывая давление на латиноамериканские правительства, чтобы заставить их присоединиться к экономической и дипломатической блокаде Кубы. Мексика отказалась присоединиться к американской инициативе, став единственной страной, твердо отстаивавшей свою позицию в Организации американских государств. Американское правительство

выступило с инициативой «Союз ради прогресса», предусматривавшей проведение различных социальных и политических реформ, направленных на предупреждение новых революций в Латинской Америке. В этом контексте надо рассматривать введение в Мексике системы партийных депутатов, которая с 1964 г. ограничивала доступ в Конгресс оппозиционных депутатов.

Преемником Лопеса Матеоса на посту президента стал Густаво Диас Ордас из Пуэблы (1964–1970). Он начал свой срок, подавив выступление врачей, работавших в системе IMSS, ISSSTE и других медицинских учреждений. К этому конфликту добавился еще один. 23 сентября 1965 г. небольшая группа атаковала военные казармы Мадера в штате Чиуауа. И хотя этот «зачаток» партизанской борьбы был быстро подавлен, он положил начало деятельности ряда вооруженных групп, которые, воодушевленные кубинским опытом, попытались насильственным путем преобразовать страну, ссылаясь на то, что большая часть населения жила в условиях нищеты из-за капиталистической эксплуатации. Одни действовали в городах, а другие, как группы, возглавляемые школьными преподавателями Хенаро Васкесом и Лусио Кабаньесом, в сельской местности, в данном случае в горах Герреро.

Без сомнения, основным событием, которое «взорвало» политическую ситуацию в стране, стало студенческое движение 1968 г., закончившееся 2 октября массовым убийством в Тлателолко. Это событие отразило пропасть, лежавшую между становящимся все более урбанизированным и разнородным обществом и политическим режимом, считавшим, что его роль модернизатора страны уберет его от подобных вызовов. Этот акт насилия со стороны властей показал, что политический режим более неспособен вести диалог и решать конфликты, подобные тому, который начался как простая ссора между студентами. Президент Диас Ордас увидел в студенческом волнении коммунистический заговор, угрожавшей национальной стабильности. По мере того как приближались Олимпийские игры, которые должны были начаться в Мехико 12 октября 1968 г., ситуация усложнялась. В сентябре армия заняла и очистила

помещения Национального автономного университета Мехико (УНАМ), а также Национального политехнического института. Развязка наступила вечером 2 октября. Студенты, собравшиеся на площади Тлателолко, были атакованы солдатами армии. Со временем стало известно, что войска ответили на провокацию снайперов, разместившихся в стратегических местах, следуя инструкциям высших правительственных чиновников. Погибли десятки человек, и сотни были отправлены в тюрьмы Лекумберри, среди них писатель Хосе Ревуэльтас и инженер Эберто Кастильо. Эти политические заключенные пополнили ряды тех, кто был арестован еще во время забастовки железнодорожников в 1959 г. и выступления врачей в 1965 г. В знак протеста против массовых убийств поэт Октавио Пас, который в 1990 г. получит нобелевскую премию в области литературы, отказался от поста посла Мексики в Индии.

После 1968 г. стало очевидно, что политический режим более неспособен возглавлять урбанизированное, плюралистическое, просвещенное, но несогласное и не имеющее возможности выразить свою точку зрения общество, что было связано с жестким контролем правительства над средствами массовой информации, как печатью, так и телевидением. Примером такого информационного контроля стал журналист Хакобо Заблудовски, ведущий наиболее влиятельной в течение десятка лет программы телехроники. Еще один акт насилия по отношению к студентам, имевший место 10 июня 1971 г. в Мехико, окончательно дал понять, что существует непреодолимая пропасть между оппозицией и несогласными, с одной стороны, и государством, вышедшим из революции 1910 г. – с другой.

Используя различную тактику, государство предприняло усилия, дабы вернуть себе утраченные позиции. Однако события, происходившие на мировой арене, затруднили его задачу. Речь идет о закате золотого послевоенного периода, который ознаменовался падением темпов роста мировой экономики. Концом послевоенного периода процветания и началом эпохи всеобщего кризиса принято считать 1973 г.

В Мексике в период правления Луиса Эчеверрии (1970–1976) и Хосе Лопеса Портильо (1976–1982) правительство пыталось

привлечь на свою сторону группы недовольных, прибегая к амнистии, открывая новые учебные центры (например, Автономный столичный университет в 1974 г.), используя различные механизмы поддержки рабочего класса (например, Институт Национального фонда жилья для рабочих, созданный в 1973 г.), избирательные реформы и риторику о демократии и национализме. Надо отметить и усилия, которые прилагали власти, чтобы наладить отношения с различными группами интеллигенции, включая творческую. С этой целью оно начало вкладывать средства в кинематографическую промышленность. Один из писателей, близких к режиму, так выразил суть этих отношений: «или Эчеверрия или фашизм». Однако эти усилия правительства особого успеха не имели. Ниже мы проанализируем, почему.

Для начала необходимо отметить снижение темпов экономического роста, что стало первым признаком того, что модель развития, принятая в начале 30-х годов и основанная на индустриализации через импортозамещение, больше не может быть основой экономической политики страны. Снижение производства продуктов питания и сокращение валютных поступлений стало свидетельством того, что ресурсы сельского хозяйства исчерпаны, и оно больше неспособно служить источником средств для индустриализации. Страна ввозила все больше, а экспортировала все меньше, что вело к росту дефицита торгового баланса. Внутренних накоплений для финансирования экономического развития уже не хватало. А так как предприниматели не желали рисковать своими капиталами, ситуация становилась все более тяжелой. В этих условиях, чтобы увеличить сбор налогов, президент Эчеверрия попытался провести фискальную реформу, однако предприниматели решительно воспротивились этому. Для того чтобы обеспечить государственные расходы, мексиканское правительство решило обратиться к внешним займам. На фоне не уменьшающихся расходов при постоянном снижении доходной части продолжался рост бюджетного дефицита, который покрывался за счет займов. Так начал накапливаться долг, который лег на плечи следующих поколений.

17 сентября 1973 г. влиятельный предприниматель из Монтеррея Эухенио Гарса Сада, владелец компании *Сервесерия Куаутемок* и основатель Технологического института Монтеррея (1943 г.) был убит при попытке его похищения партизанами из *Лиги 23 Сентября*. На похоронах в случившемся прямо обвинили президента Эчеверрию. Это убийство стало одной из причин напряженных отношений между правительством и предпринимателями. Отношения еще больше ухудшились в преддверии экономических трудностей, которые ожидали страну. В 1975 г. при участии организаций промышленников, торговцев, банкиров и Мексиканского совета деловых людей был создан Координационный предпринимательский центр.

Со своей стороны трудящиеся, в частности рабочие электротехнической промышленности под руководством Рафаэля Гальвана, продолжали упорную борьбу против контроля над профсоюзами со стороны лидеров, стоявших на позициях официальной партии. Недовольство росло и в среде крестьянства. Это был период возросшей активности самых разных политических групп, от маоистов до католиков, связанных с Теологией Освобождения, т.е. с церковным течением, которое провозглашало выбор в пользу бедных, особенно в Латинской Америке. Была еще одна сторона национальной жизни, о которой предпочитали не говорить. Это так называемая «грязная война» – незаконные репрессии вооруженных групп, которая шла все 70-е годы. Опираясь на данное законом право расправляться с теми, кто встал на путь вооруженной борьбы, правительство прибегало к пыткам, похищениям и убийствам десятков членов этих движений и запугиванию членов их семей. Пока велась эта война, правительство не уставало говорить о своей прогрессивной позиции и своей поддержке стран третьего мира. В связи с этим можно отметить поддержку Мексикой правительства чилийского президента Сальвадора Альенде, лидера Кубы и прием тысяч уругвайских, аргентинских и чилийских эмигрантов, скрывавшихся от военных диктатур в своих странах.

С 1973 г. страна вступила в полосу инфляции, на возникновение которой в значительной степени повлияла сложная ситуация на мировом рынке, а также денежная эмиссия

и рост государственных расходов, не опиравшийся на соответствующее увеличение доходов. Если в 60-е годы цены росли менее чем на 5% в год, то после 1973 г. этот показатель вырос до 20%. Инфляционное повышение цен подтолкнуло девальвацию песо. Если с 1954 г. курс песо держался на уровне 12,5, то в августе 1976 г. он составлял 20 песо за доллар. Это стало началом постоянной девальвации, которая в конечном счете привела к падению стоимости песо в 760 раз в период с августа 1976 г. по ноябрь 2000 г. (с 12,5 до 9500 песо за доллар, если не учитывать деноминацию песо в 1993 г., согласно которой с банкнот убиралось три нуля). Для преодоления кризиса 1976 г. правительство Эчеверрии было вынуждено обратиться к Международному валютному фонду, который в обмен на предоставление займов потребовал значительного сокращения государственных расходов.

Судьба, казалось, улыбнулась правительству и в целом всем мексиканцам, когда в начале 1978 г. было объявлено об открытии крупных месторождений нефти в Кампече. Как сказал президент Лопес Портильо, Мексике надо подготовиться к тому, чтобы распорядиться таким богатством. С большим напряжением сил, используя внешние займы, мексиканское правительство добилось увеличения производительных мощностей Пемекса. Это привело к значительному увеличению экспорта сырой нефти – с 94 тыс. баррелей в сутки в 1976 г. до 1,5 млн в 1982 г. Вскоре поступления от нефти составляли уже треть доходной части бюджета страны. Однако на юге штатов Веракрус, Табаско и Кампече предприятия Пемекса стали одновременно и полюсом роста, и центром угнетения. Высокие зарплаты сопровождались грубыми нарушениями трудового законодательства; огромный спрос на жилье вел к строительству в городских районах, не имевших никакой инфраструктуры; лихорадочное стремление как можно быстрее получить валюту вело к загрязнению окружающей среды.

Специфика развития Мексики, о которой мы говорили выше, была связана еще с одним последствием мирового кризиса, начавшегося в 1973 г. Эмбарго, введенное в этом году странами ОПЕК в отношении США и других государств, привело к

значительному увеличению цен на нефть, которая в 1981 г. составила 35 долл. за баррель вместо 3 долл. в 1970 г. Миллиарды долларов, которые получали от экспорта нефти добывающие страны, включались в международную финансовую систему, увеличивая предложение денег и вызывая, таким образом, снижение процентных ставок. Брать в долг стало очень выгодно и привлекательно.

Благоприятную мировую конъюнктуру пыталось использовать мексиканское правительство, чтобы компенсировать отсутствие финансовых средств и запустить нефтяной проект. В 1966 г. государственный внешний долг составлял 1,9 млрд долл., однако уже в 1982 г. он увеличился в 30 раз и составил 59 млрд. Государственных чиновников такая ситуация не беспокоила, они свято верили в постоянный рост цен на нефть, которые, возможно, достигнут 70 долл. за баррель. И тогда все может быть куплено и оплачено.

Рост государственных расходов в 70-е годы сказался на положительной динамике некоторых экономических показателей, например, темпы роста превысили 7% в год, постоянно увеличивалась реальная заработная плата, по крайней мере до 1976 г., по сравнению с 1929 г. выросли расходы на здравоохранение, образование и инфраструктуру. По мнению экспертов, социальные и территориальные диспропорции заметно сократились за рассматриваемое десятилетие.

В этот период можно отметить, по меньшей мере, два преобразования, последствия от которых имели достаточно продолжительный характер. Первое касается демографической политики, новое направление которой было связано с планированием и контролем над рождаемостью. Это было обусловлено уверенностью в том, что экономика не способна поглотить растущее все более быстрыми темпами население, и поэтому правительство должно вмешаться в процесс. В марте 1974 г. был создан Национальный совет по населению (CONAPO), целью которого стала разработка мер, направленных на сокращение темпов роста населения. Несмотря на противостояние католической церкви, эта политика правительства оказала огромное влияние на динамику населения

и привела к падению темпов его роста в последующие десятилетия (с 3,6% в 70-е годы до 2,6% в 90-е).

Второе преобразование было связано с выборами. После президентских выборов 1976 г., на которых кандидат от ИРП оказался единственным претендентом, правительство Лопеса Портильо провело реформу, которая разрешила участие в партийной борьбе незначительных по количеству членов политических групп, в частности левых группировок. Через пропорциональную представительную систему, которая устанавливала два пути выборов депутатов (по одномандатным и многомандатным спискам), согласно проценту голосов, полученному каждой группировкой, такие партии, как Коммунистическая, Мексиканская партия трудящихся и Демократическая мексиканская (синархистов), смогли участвовать в выборах. В первый раз в мексиканском конгрессе появились коммунисты. Партия национального действия смогла увеличить число федеральных депутатов. Хотя реформа 1977 г. не изменила сложившейся системы власти, в которой законодательная власть занимала подчиненное положение по отношению к исполнительной, и сохраняла гегемонию правящей ИРП, это была первая попытка изменить систему выборов и, более того, – общего политического порядка в стране.

Однако эти достижения остались незамеченными на фоне тяжелых экономических и политических событий 1981–1982 годов.

Ожидания по поводу роста цен на нефть не оправдались. С мая 1981 г. цены на нефть начали падать, а процентные ставки расти. При снизившихся доходах и возросших из-за необходимости выплачивать проценты по долговым обязательствам расходах ситуация с государственными финансами стала ухудшаться. В августе 1982 г. министр финансов заговорил о крахе мексиканской экономики и заявил о приостановке выплат по внешним долгам. Спекулянты и мелкие вкладчики, стремясь защитить свои средства, вывезли из страны огромные суммы в валюте, что привело к росту курса доллара с 26 до 70 песо. Инфляция почти приблизилась к 100%. В такой ситуации 1 сентября президент объявил об экспроприации

банков. Некоторые были в восторге, но всеобщей поддержки со стороны населения эта мера не встретила. Наоборот, недоверие к правящей верхушке скрыть уже было нельзя.

Гражданская мобилизация и политические перемены, 1982–2000

Избрание Маргарет Тэтчер на пост премьер-министра Великобритании в 1979 г. и Рональда Рейгана на пост президента США в 1980 г. можно считать началом реакции консерваторов на мировой кризис 1973 г. Сокращение государственных расходов и укрепление частного сектора – вот два принципа нового мышления, которое отрицало положения теории Кейнса и государства всеобщего благосостояния. Место Кейнса занимали теперь экономисты, которые считали злом для экономики чрезмерные государственные расходы. Одновременно усилилась конфронтация с Советским Союзом, благоприятствовавшая гонке вооружений, особенно в США. Новый папа, избранный в 1978 г., стал активно выступать на международной арене. В феврале 1978 г. Иоанн Павел II в первый раз посетил Мексику, где ему был оказан необыкновенно восторженный прием.

В условиях разразившегося к концу правления Лопеса Портильо кризиса, когда персональные компьютеры стали входить в обиход, произошли серьезные изменения в руководстве правительства, что отразилось на большей части населения. Задача преодоления кризиса легла на плечи нового президента, выходца из штата Колима Мигеля де ла Мадрида (1982–1988). В соответствии с позицией правительств США и Великобритании и условиями, навязанными Мировым банком и МВФ для преодоления кризиса 1982 г., государственные расходы и инвестиции были значительно снижены (на треть от текущих расходов в 1983 г.) и началась продажа государственных предприятий. Любой ценой правительство пыталось сократить дефицит государственного бюджета. В условиях инфляции и сдерживающих мер катастрофически снизилась заработная плата. Старая проблема – безработица – приобрела в этот период драматический оттенок. Многие семьи поняли, что должны

отныне полагаться лишь на себя. Результатом стал рост неформальной занятости: сотни, а потом и тысячи бродячих торговцев появились на тротуарах, площадях, улицах. Многие молодые люди решили нелегально уехать в США, подвергая опасности свою жизнь. Были и те, кто стал разными способами выражать свое недовольство и протест. Например, Национальная координация работников образования, созданная в 1979 г. преподавателями, выступившими против своих профсоюзных проправительственных лидеров и падения заработной платы. Были и те, которые для выражения своего протеста использовали выборы, выступив против ИРП на муниципальных выборах в 1983 г. Это касалось в первую очередь важных с политической точки зрения населенных пунктов, расположенных на севере страны, например, в столицах штатов Дуранго и Чиуауа и в приграничном Сьюдад-Хуаресе. Росла политическая активность социальных групп, несогласных с политикой правительства, которые занимали улицы и площади, блокировали шоссе и пункты по сбору дорожных пошлин, занимали правительственные офисы и осуществляли бойкот телевизионных компаний, организовывали марши и голодовки. Нельзя сказать, что и раньше не было подобного рода выступлений, но сейчас они стали более частыми и главными действующими лицами в них выступали не только бедные рабочие и крестьяне, но и предприниматели и представители среднего класса города и деревни.

Землетрясения 19–20 сентября 1985 г. потрясли центральные и западные районы страны. В Мехико число погибших исчислялось тысячами. Реакция правительства была слабой и запоздалой, в то время как реакция населения оказалась бурной. Контраст между слабостью правительства и твердостью общества не остался без внимания. Казалось, что правительство, переживающее за экономику, лишилось способности управлять. Это же впечатление усиливалось, если обратить внимание еще на одну сторону мексиканской действительности – активизацию деятельности наркоторговцев, которая превращалась в неотъемлемую часть повседневной жизни страны. В 80–90-х годах этот вид бизнеса стал расширяться, стимулируемый

растущим потреблением марихуаны, кокаина и других наркотических веществ в США. Американский рынок сделал реальным союз между производителями Колумбии, торговцами Мексики и дистрибьюторами в США. Подкуп властей, занимающихся преследованием преступников, «отмывание» денег от наркоторговли, арест некоторых главарей, например, Рафаэля Каро Кинтеро и сообщения о конфискованных грузах привлекли внимание общественности. Помимо этого наблюдался рост преступности и похищения людей в городах, нападений на дорогах, ситуация напоминала XIX век.

Серьезные экономические трудности заставили руководство страны и некоторые предпринимательские круги задуматься о жизнеспособности импортозамещающей модели развития, являвшейся стержнем экономической политики. Дискуссии на эту тему закончились постепенным разворотом страны в сторону мирового рынка. Подтверждением перемен в экономической политике стало присоединение Мексики к ГАТТ в 1986 г. В условиях подъема американской экономики в Мексике начали бурно развиваться американские сборочные предприятия (макиладорас), которые ввозили детали и компоненты для последующего экспорта готовой продукции. То же произошло и с автомобильными компаниями, которые открыли новые предприятия в Агуаскальентес, Соноре, Чиуауа и Коауиле. Многие предприятия Мехико начали закрываться или переезжать в другие места. Этот город, бывший когда-то символом модернизационного проекта, реализуемого мексиканским государством, начал сдавать свои экономические позиции.

В этих условиях и при 160%-ной инфляции в 1987 г. началась кампания по выборам президента в следующем 1988 г. Из одного крыла ИРП выделилось демократическое течение, возглавляемое Куаутемоком Карденасом, сыном бывшего президента Ласаро Карденаса, который много лет был членом официальной партии и губернатором Мичоакана. Демократическое течение привлекло на свою сторону другие группировки, на основе которых позднее был создан Национально-демократический фронт. Кандидатом от ИРП стал выходец из Мехико Карлос Салинас де Гортари. В свою очередь Партия национального действия (ПНД) в качестве

кандидата выдвинула Мануэля Х. Клоутьера из Синалоа, бывшего предпринимателя, выступившего против правительства и ИРП из-за экспроприации банков.

Выборы 2 июля 1988 г. запомнятся удивительным «падением системы» компьютерного подсчета голосов, что вызвало недоверие и раздражение со стороны оппозиционных партий, но не помешало избирательным органам, возглавляемым министром внутренних дел, объявить победителем кандидата ИРП Салинаса. Члены ПНД и карденисты активно протестовали, так как считали, что официальный кандидат потерпел поражение, в связи с чем и прибегли к компьютерному манипулированию. Однако постепенно, в значительной степени благодаря тому, что проигравшие кандидаты Клоутьер и Карденас не смогли договориться об общей стратегии, протесты против мошенничества на выборах сошли на нет, и победа Салинаса была официально признана. Несмотря на победу ИРП, происшедшее на выборах имело свои последствия. Новое правительство оказалось мало легитимным. Для укрепления своих позиций президент Салинас решил предпринять эффективный шаг, и в январе 1989 г. правительство арестовало лидера рабочих нефтяной промышленности Хоакина Эрнандеса Галисия. Еще одним отзвуком событий 1988 г. стала победа в 1989 г. на выборах губернатора Нижней Калифорнии оппозиционного кандидата, члена ПНД Эрнесто Руффо. В этом же году бывшими членами ИРП, коммунистами и социалистами различной ориентации была создана Партия демократической революции (ПДР).

Правительство вышло на международную арену в период, когда мир коренным образом менялся. В 1989–1991 гг. пала Берлинская стена, исчез блок европейских социалистических стран и Советский Союз. Эти события укрепили позиции США и Великобритании, стремившихся к снижению государственных расходов, либерализации мирового рынка, стимулированию частных инвестиций и установлению новых рыночных правил, и положило начало новой политике, известной под названием «неолиберализм». В Мексике правительство, действовавшее в рамках этой доктрины, решило «сузить» государство, взять под

контроль инфляцию, сокращая расходы, и продать другие государственные предприятия – банки и находившуюся в руках государства с 1972 г. компанию Телефонос де Мехико. Предпринимательская верхушка пополнилась новыми именами, в нее, например, вошел Карлос Слим. Был проведен ряд реформ, в частности изменена статья 27 конституции, что означало конец раздачи земель и появление возможности скупать земли эхидо. Была изменена 130 статья, которая юридически признавала церковь и разрешала свободное отправление обрядов верующими. Пересмотр этой статьи открыл дорогу восстановлению дипломатических отношений с Ватиканом.

В 1989–1990 гг. были пересмотрены условия внешнего долга, платежи по которому тяжким бременем лежали на государственном бюджете с 1981 г. Это положительно сказалось на ряде макроэкономических показателей: значительно сократился дефицит государственного бюджета и инфляция, однако не удалось избежать экономического спада. Не наблюдалось улучшения в сфере заработной платы и занятости. Сокращение бюджетных расходов на здравоохранение и государственное образование еще больше усугубило положение широких слоев населения. Крестьянские хозяйства и мелкие предприниматели переживали последствия политики правительства, направленной на поддержку только тех, кто может экспортировать свою продукцию. Появление в 1993 г. движения «Эль Барсон», объединившее должников банков, многие из которых были земледельцами, стало свидетельством недовольства и тяжелого положения средних слоев общества. Однако представители правительства не уставали повторять, что Мексика уже в одном шаге от стран первого мира. Они говорили, что остался последний рывок и им должно стать подписание Договора о свободной торговле с США и Канадой.

В действительности ограничение государственного вмешательства в экономику и благоприятствование свободной внешней торговле являлись дополнительными элементами новой модели экономического развития, введение которой оправдывалось якобы необходимостью разумной адаптации к экономической глобализации. Одновременно с вступлением в

ГАТТ правительство Салинаса начало переговоры о подписании торгового соглашения с США и Канадой. Таким образом, подтверждалось решение правительства полностью отказаться от импортозамещающей модели и вместо нее принять модель открытого внешнеторгового режима и увеличения экспорта как опоры национального развития. Такая политика вела к экономической интеграции с США, которая уже наблюдалась на рынке труда, в развитии макиладорас, в направлении экспортных потоков и миллионных вкладах мексиканцев в этой стране. Теперь судьба мексиканской экономики в значительной степени зависела от экономического положения ее северного соседа. Договор о свободной торговле был одобрен в 1993 г. и вступил в силу 1 января 1994 г. Все, казалось, шло по плану, однако 1994 г. стал годом сюрпризов.

Первым сюрпризом оказалось восстание Сапатистской армии национального освобождения в Чьяпасе в первый день 1994 г. Входившие в эту организацию индейцы объявили войну армии и ее верховному главнокомандующему, президенту республики. Они захватили несколько населенных пунктов, самым важным из которых был Сан-Кристобаль де лас Касас. Крупные манифестации в Мехико и других городах происходили под лозунгами, требовавшими от правительства прекращения военных действий. Война длилась 11 дней, но воздействие ее было колоссальным. Когда Мексика была уже на пороге вступления в число стран первого мира, появились группы, которые выдвинули как социальные (право на здравоохранение и образование), так и политические требования, касавшиеся закрепления прав индейских народов. Чьяпас был не единственным бедным индейским районом страны. Однако именно там индейский фактор совпал с деятельностью членов радикальных групп – выходцев из города (как, например, «субкоманданте» Маркос), католиков – сторонников Теологии освобождения, а также с разногласиями, вызванными бурным развитием животноводства и переделом земельной собственности, а также с широким распространением протестантизма. Восстание опровергло оптимизм салинистского правительства.

Вторым сюрпризом стало убийство в марте кандидата от ИРП на пост президента Луиса Дональдо Колосио (из штата Сонора). Казалось, что правящая верхушка переживает кризис и тащит общество в пропасть. Может быть, всеобщий страх, вызванный расколом в верхних эшелонах власти, способствовал тому, что новый кандидат от ИРП Эрнесто Седильо без проблем выиграл июльские выборы 1994 г. Но это был не конец, в сентябре произошло новое политическое убийство, был убит один из высших руководителей ИРП Хосе Франсиско Руис Массиеу.

Третий сюрприз произошел перед рождеством и был связан с 100%-ной внезапной девальвацией песо. Это событие потрясло мексиканскую экономику, падение которой в 1995 г. составило 6%. Выросла безработица, заработная плата еще больше стала отставать от инфляции, а процентные ставки резко выросли. Многочисленные должники, которые, возможно, до этого поддерживали оптимизм Салинаса, лишились возможности платить по кредитам (некоторые в долларах), взятыми на приобретение оборудования, сырья, домов, автомобилей, поставив в трудное положение банки. Средний класс Мексики, возникший в разгар послевоенного экономического подъема, переживал свой худший период. При финансовой помощи США правительство Седильо сумело преодолеть трудности и на следующий год, в значительной степени из-за роста цен на нефть, восстановить темпы роста. При этом правительство через Банковский фонд защиты сбережений (FOBAPROA) обязалось принять на себя пассивы (невзимаемые кредиты) банков, некоторые из которых были крайне сомнительного происхождения. Официальной причиной такого поступка стало спасение сбережений мексиканцев, которые могли оказаться под угрозой в случае краха банков. Однако это решение означало новую огромную нагрузку на государственный бюджет: сумма этих пассивов приближалась к 60 млрд долл., без учета процентов.

Последствия 1995 г. дополнили проблемы, которые пережила страна в 80-е годы – в период «потерянного десятилетия». Уже к тому времени миллионы мексиканцев родились и выросли в условиях непрекращающегося кризиса. В довершение ко всему в

90-х годах из-за засухи резко осложнилась ситуация в сельском хозяйстве, которое и так испытывало большие сложности из-за отсутствия поддержки со стороны правительства в предыдущее десятилетие и импорта дешевых продуктов питания из других стран. Как никогда выросла миграция в США, которая, по оценкам, в 1997 г. составила 9 млн человек. Переводы мексиканцев, работающих в США, стали источником крупных валютных поступлений, составивших в указанном году около 6 млрд долл. или чуть больше доходов от туризма. В последующие годы переводы увеличились и достигли в 2003 г. 13 млрд долл., став вторым после нефти источником валюты и превысив объем иностранных инвестиций и доходы от туризма. Наибольшие поступления приходились на четыре центральных штата страны – Мичоакан, Халиско, Гуанахуато и Мехико.

К концу XX в. $\frac{3}{4}$ населения Мексики жило в городах, остальное население было разбросано по огромному числу небольших сельских населенных пунктов. Женщины, которые рожали все меньше детей (в среднем количество детей на одну женщину уменьшилось с 6,1 в 1974 г. до 2,5 в 1999 г.), в массовом порядке стали заполнять рынок рабочей силы. Уровень неграмотности снизился с 45% в 1960 г. до 9,5% в 2000 г. Количество протестантов, организованных в различные церкви, росло с каждым годом, особенно на юго-востоке. Разводы и число семей, где главой была женщина, увеличилось. Развитие средств коммуникации, конкуренция между ними и их независимость от правительства привели к активизации деятельности граждан в различных сферах, например, защиты прав человека, больных СПИДом и гомосексуалистов. Рост числа неправительственных организаций стал признаком этой гражданской активности. С 1990 г. широко сообщается в газетах и электронных средствах информации о том, что происходит в стране, будь то сотни неизвестных, погибших при попытке выехать в соседнюю северную страну, или 300 молодых женщин, убитых в Сьюдад-Хуаресе (штат Чиуауа).

Необходимо отметить, что экономические проблемы открывали путь мощному движению за преобразования в политической системе, за расширение демократии, по крайней

мере, в избирательных процессах. Показателем этого стала конституционная реформа 1996 г., которая предоставила полную автономию Федеральному избирательному институту (IFE). В первый раз с 1946 г. федеральное правительство не осуществляло контроль над выборами, который перешел в руки беспартийных граждан. Это явилось свидетельством того, что старый политический порядок, основанный на гегемонии ИРП и ее связях с президентом республики, изжил себя, и что имеется решимость создать новый, в котором от граждан требуется большая активность. На это указывают и реформы, предусматривавшие выборы председателя правительства Федерального округа, который прежде всегда назначался президентом, что являлось ключевым элементом системы «президенциализма». Оппозиция все больше побеждала на выборах в муниципиях, местных парламентах и руководстве штатов. Здесь надо отметить победу Карденаса, ставшего в 1997 г. главой правительства Федерального округа. В этом же году ИРП в первый раз потеряла большинство в Палате депутатов.

В 2000 г. с населением в 97,5 млн чел., что почти в пять раз превышало население в 1930 г., Мексика стала одиннадцатой страной мира по количеству жителей. Некоторые данные свидетельствовали об улучшении социальной ситуации в стране: продолжительность жизни составила 75 лет против 36 в 1930 г. Сокращение рождаемости и детской смертности сохраняло тенденцию к старению населения. Однако, с другой стороны, начиная с 1984 г. росло социальное неравенство: по подсчетам правительства, чуть более половины, а, по оценкам ученых, почти $\frac{3}{4}$ населения могло считаться бедным. Такое же неравенство наблюдалось и в территориальном плане, наиболее богатые районы, например, Федеральный округ, Запад и Север, резко контрастировали с бедными и становящимися с каждым разом все беднее, районами юга (Герреро, Оахака, Чьяпас).

Президентские выборы 2000 г. проводились в ситуации всеобщей неуверенности, обусловленной институциональной коррупцией, скандалами, связанными с банковским мошенничеством, и преступлениями «белых воротничков», снижающимися темпами роста экономики, непрекращающейся

безработицей и падением заработной платы, покупательная способность которой сократилась по сравнению с уровнем 1976 г. на 73%. Кандидатом от ИРП на пост президента был выдвинут Франсиско Лабастида (штат Синалоа). Он конкурировал с Карденасом и членом ПНД Висенте Фоксом, бывшим губернатором Гуанахуато.

В ночь на 2 июня 2000 г., к всеобщему удивлению, Федеральный избирательный институт и президент республики объявили победителем Фокса. Надежды избирателей связывались с харизматической личностью, которая покинула мир предпринимательства и вступила в мир политики. Фокс привлек голоса различных групп граждан. Было очевидно, что большая часть населения желала перемен в политическом режиме, но и не во всем доверяла Фоксу. Об этом говорит тот факт, что ПНД не смогла получить большинства в Конгрессе союза. В любом случае победа оппозиционного кандидата лишила лидера политическую систему, возникшую после кризиса, вызванного убийством Обрегона в 1928 г. В прошлом осталась эпоха официальной партии, связанной с очередным президентом страны. К счастью для всех, остальные элементы этого порядка, например, подчинение вооруженных сил президенту, остались нетронутыми. Таким образом, страна входила в новый век, претерпев большие изменения в политической жизни. Существовала надежда на то, что эти изменения будут способствовать значительному улучшению условий жизни большинства населения страны. И общество, все больше вовлекавшееся в общественные дела, общество, крепнувшее раз от раза, следило за тем, чтобы так оно и произошло.

За эти шесть десятилетий Мексика пережила период политической и социальной стабильности. Это – самая важная особенность XX века Мексики, которую нельзя недооценивать, особенно если сравнивать ее со всеми пертурбациями XIX в. Это – период, в котором были годы экономического роста, обеспечившего развитие городов и городского среднего класса. Однако все это не смогло исключить высокие издержки происходивших процессов – сохранение бедности и обеднение большей части населения деревни и города, подавление оппозиции

и несогласных с правительством. Социальное неравенство, казалось, стало уменьшаться в 1960–1980 гг., однако затем снова стало углубляться. Этапы, которые переживала мировая экономика (великая депрессия, послевоенный подъем и начавшийся в 1973 г. кризис), неотвратно вели Мексику к определенной модели развития экономики. Ориентация на мировой рынок и американскую экономику, на отказ от модели вмешательства государства в экономические процессы в середине 80-х годов стали благоприятной почвой для развития политического кризиса того порядка, который был создан в 1929 г. Если в начале 30-х годов Мексика оказалась втянутой в мировую экономическую депрессию и переживала период чрезвычайной внутренней нестабильности, то в 2000 г. ее политическая система была реформирована мирным путем в условиях экономического кризиса, может быть, не такого тяжелого, как в 1929 г., но более продолжительного. Но несмотря ни на что, мексиканское общество к концу века окрепло, и это сделало возможным политические перемены, произошедшие в 2000 г. Это общество, ставшее более активным и сильным, должно пройти еще долгий путь, чтобы эти перемены стали более глубокими и необратимыми.

АВТОРЫ

Луис Абойтес Агилар - доктор исторических наук,
научный сотрудник Эль Колехио де Мехико.

Пабло Эскаланте Гонсальбо - доктор исторических наук,
научный сотрудник Национального автономного
университета Мексики.

Бернардо Гарсия Мартинес - доктор исторических наук,
научный сотрудник Эль Колехио де Мехико.

Хавьер Гарсиядиго – доктор исторических наук, научный
сотрудник Эль Колехио де Мехико.

Луис Хауреги – доктор исторических наук, научный
сотрудник Института Мора.

Элиса Спекман Герра – доктор исторических наук,
научный сотрудник Национального автономного
университета Мексики

Хосефина Зорайда Васкес – доктор исторических наук,
научный сотрудник Эль Колехио де Мехико.

Оформление обложки: **Эсекьель де ла Роса Моско**

Новая
краткая история Мексики
(перевод с испанского)

Редактор – Е.А. Жукова
Компьютерная вёрстка – И.М. Вершинина
Обложка – Д.В. Разумовский

Подписано в печать 23.10.2008.
Бумага офсетная. Формат 60х84 1/16.
Физ.печ.л. 18,4. Уч.-изд.л. 16.
Тираж 500 экз. Заказ № 19.

ПЛ ИЛА РАН, 113035 Москва, Б. Ордынка, 21.
Тел.: (495) 951-53-23, факс: (495) 953-40-70.
E-mail: ilac-ran@mtu-net.ru

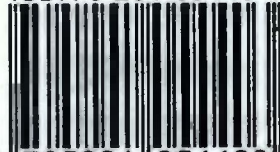
В 1973 г. Эль Колехио де Мехико опубликовал первую версию Краткой истории Мексики с целью предоставить минимальный объем базовых знаний по истории, необходимый для каждого мексиканца. В написании этой работы приняли участие пять авторов, изложив версию прошлого страны, считавшуюся на тот момент наиболее обобщенной и точной. Последующие издания включили в себя дополнительные результаты научных исследований, но вся работа в целом до начала XXI века оставалась без изменений.

Соблюдая принципы лаконичности и простоты, которыми руководствовались авторы предыдущих изданий Краткой истории Мексики, данная книга является совершенно новым и оригинальным произведением: новым по своему авторскому составу, по тематическим разделам, по постановке проблем, толкованию, по более широкому охвату и, особенно, по своему современному и лучше обоснованному видению событий – насколько это позволяют самые исчерпывающие знания, которыми мы располагаем в первые годы XXI в.

Новая краткая история Мексики является одновременно не только новой, но и новаторской работой. Читатель познакомится на её страницах с событиями, которые дадут ему самые необходимые знания об увлекательной истории Мексики.

На обложке: картина мексиканского художника Агустина Арриеты (1802-1874), изображающая торговлю прохладительными напитками. Написана в 1860 г., масло, 69 x 93 см., из коллекции Национального института антропологии и истории.

ISBN 5-201-05440-4

9 785201 054403 >